ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

В. П. САВЕЛЬЕВ

БОЕВЫЕ БУДНИ ШТАБА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В августе 1942 года автор был назначен помощником начальника оперативного отдела штаба 11-го гвардейского стрелкового корпуса. О боевых буднях штаба, о своих сослуживцах повествует он в книге. Значительное место занимает рассказ о службе в должности начальника штаба 10-й гвардейской стрелковой бригады и затем — 108-й гвардейской стрелковой дивизии, об участии в освобождении Украины, Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии и Австрии. Для массового читателя.

- Полковник
  -
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14

Полковник
В. П. Савельев
БОЕВЫЕ БУДНИ ШТАБА

Василий Павлович
САВЕЛЬЕВ

Полковник
В. П. САВЕЛЬЕВ

БОЕВЫЕ БУДНИ ШТАБА

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1986

Глава первая
НАЧАЛО ПУТИ

Позади тяжелый первый год войны, проведенный на Северо-

Западном фронте. В августе сорок второго я получил назначение на должность помощника начальника оперативного отдела штаба 11-го гвардейского стрелкового корпуса.

— Освоитесь. Помогут. Многие с нуля начинали, — напутствовал кадровик. — Гордитесь: в штаб назначили, а это работа особая, штаб — мозг армии.

Командный пункт корпуса размещался в станице Вознесенской. Там и состоялось знакомство с начальником штаба подполковником М. В. Глонти. Он неторопливо прочитал все бумаги, подшитые в моем тощем личном деле, бодро заверил:

— Работать научим, капитан. Не боги горшки обжигают.

Строг и требователен был Михаил Варламович. Терпеливо выслушивал собеседника. За хорошее не упускал случая похвалить. Исполнителя, допустившего непростительную оплошность, сердито отчитывал, при этом его глаза-угли становились суровыми. Но быстро отходил, глаза добрели. Они словно успокаивали: «Знаем твои способности, верим, что можешь работать лучше. Больше не подводи».

М. В. Глонти познакомил меня с системой обороны, представил в штабах бригад.

Оборонительный рубеж корпуса вытянулся на многие километры вдоль Терека. Уже обозначились на нем редко расположенные опорные пункты, оборудованные и одиночными окопами, и траншеями.

К этому времени в состав корпуса входили: 8, 9, 10-я гвардейские и 62-я отдельная морская стрелковые бригады.

С наблюдательного пункта 10-й гвардейской стрелковой бригады, размещенного на высоте недалеко от станицы Терской, отчетливо виднелся извилистый и бурный Терек. По ту сторону реки — фашисты. С колокольни, что возвышалась в Моздоке, они просматривали нашу оборону. На участке бригады было спокойно, лишь иногда вспыхивала на короткое время перестрелка, гремели взрывы снарядов.

По пути в штаб Глонти поинтересовался моим мнением относительно оборонительных позиций. Я отметил, что сделано много, однако нет предела для их совершенствования. Сколько бы ни перекопали земли, какие бы сложные сооружения ни возвели, всегда предстояло сделать еще больше — такова особенность обороны. Мой ответ, кажется, понравился ему.

В штабе уже ждала работа — требовалось писать боевое донесение. Начальник штаба вменил мне в обязанность разрабатывать отчетные документы, а днем быть на НП вместе с командиром. Самые первые донесения и оперативные сводки писал почти под диктовку. Очень неприятное занятие: сидишь и

будто пережевываешь чужие мысли.

Чтобы быстрее освоить технику составления документов, вчитывался в старые, а некоторые из них даже переписывал. Я понимал, что не всегда можно рассчитывать на помощь — ведь у каждого были свои срочные дела. Памятен один такой случай.

— Пиши, потом я посмотрю, — сказал заместитель начальника оперативного отдела майор Т. И. Дроздов.

Я долго сидел над составлением короткого боевого документа. Не хотелось повторять то, что писалось раньше, а новое никак не давалось. Перед глазами лежали донесения штабов бригад. Казалось, чего же проще: выбрать из них данные, сложить вместе и подготовить новый документ. Однако это не получалось — слишком разными были данные. Один штаб сообщал о вновь отрытых траншеях, второй — о количестве подготовленных одиночных окопов, третий указывал, сколько отрыто метров траншей и ходов сообщения… А как отделить мелкое и второстепенное от большого и важного? Для бригады, может быть, звучало солидно: «уничтожен наблюдатель и подбита машина», а для корпуса эти данные мне казались слишком мелкими фактами. В итоге придирчивого процеживания донесений бригад исчезли многие данные, документ получился коротким, сухим, нежизненным. Время истекло. Молча положил донесение на стол.

Майор Дроздов был невысок ростом, подвижен. На лице его выделялся высокий лоб, который едва прикрывали редкие волосы. По возрасту он оказался лишь на три года старше меня, но по опыту работы в штабе нас разделяла большая дистанция.

Отложив в сторону свою работу, принялся читать донесение. Для начала зачеркнул первый пункт и стал быстро писать его заново своим ровным, убористым и красивым почерком. Включал он в текст данные не столько из донесений бригад, сколько из своей памяти. Знал в деталях состояние обороны на всей полосе корпуса, иногда, не глядя на карту, уверенно вел разговор по телефону, безошибочно называя высоты, населенные пункты, рощи, перекрестки дорог. К донесениям бригад Дроздов относился не одинаково: одно внимательно прочитывал, выписывая нужные сведения, другое пробегал взглядом, будто убеждаясь, что данные не расходятся с теми, что ему известны, из третьего выбирал лишь некоторые цифры.

Из преподанного мне урока майор сделал вывод: прежде чем приступать к составлению донесения, надо самому видеть и знать оборону, отчетливо представлять, в каком состоянии она была позавчера, вчера, что изменилось в ней за предшествующую ночь и минувший день, как она будет выглядеть завтра и послезавтра.

Тогда можно уверенно черпать сведения из донесений штабов. Но даже большой ворох собранных данных — пока еще сырье, которое нужно переработать, оценить, обобщить, а затем уложить в строгую форму документа.

Я почувствовал, что на эту работу, которая являлась завершающей и наиболее трудной, у меня нет способностей. Зачем же тогда заставлять начальников переделывать написанные мною документы? Лучше сразу по-честному признаться, что не гожусь для этой должности.

Только теперь я в полной мере осознал, что совершил необдуманный шаг, согласившись работать в штабе, но проявив в кадрах необходимой настойчивости, чтобы остаться на строевой должности, хотя бы командиром стрелковой роты. Видимо, кадровики выделили в одной из характеристик фразу: «но уровню образования (я окончил техникум) и деловым качествам целесообразно использовать на штабной работе», и она определила мою дальнейшую судьбу.

Дроздов по-своему написал первый пункт, наполовину изменил второй, в третий внес поправки.

Вскоре я положил донесение перед Глонти.

— Направьте меня в строй. Не могу работать в штабе.

— Что-о? Дезертировать? Испугались с первого шага? — Он строго посмотрел на меня и, не ожидая ответа, осуждающе покачал головой. — Не годится так. Будете работать в штабе. Не знаете — спрашивайте. Учитесь. Донесение еще раз перепишите. Плохо отредактирован четвертый пункт… Почему опаздываете? Сроки — закон в нашей работе. Голову выше. С плохим настроением нельзя написать хорошего документа. Сроки… — Он костяшками пальцев постучал по столу. — Быстро переделайте и — на подпись.

Только через 90 минут я отнес донесение для отправки в штаб армии. Глонти взглянул на часы. Я его понял: «На первый случай — прощаю, при повторении — накажу». Дроздов по-дружески обхватил за плечи, успокоил тем, что все, мол, так начинали свой путь в штабе.

— Не огорчайся, — сказал он. — Опыт дело наживное. Второй блин будет лучше. Пока затишье на фронте — освоишься.

Но затишье оборвалось совсем быстро. Перед рассветом 2 сентября грохот орудий вспорол тишину. Так всегда было на войне: ждали — «вот-вот начнется», а когда обрушивался этот самый удар, то казалось, что все произошло неожиданно.

Судя по силе огня, враг нацеливал главный удар на участке 8-й бригады, но и штабы 9-й и 10-й бригад докладывали о сильных огневых налетах по их боевым порядкам.

Фашисты, понеся большие потери, форсировали Терек и захватили плацдарм. Мужественно бились подразделения 8-й и 9-й бригад, но отбросить врага за реку им не удалось. Противник наращивал силы на южном берегу. Здесь, на моздокском направлении, действовала 1-я немецкая танковая армия, стремившаяся прорваться через долину Алхан-Чурт к Грозному.

Генерал И. П. Рослый в командование корпусом вступил недавно. И сразу же на него свалилось тяжелое испытание. Было не ясно, какие силы противник сумел ночью перебросить через реку, но не вызывало сомнения, что через час, а тем более через два их будет больше. Командир корпуса зашел в оперативный отдел, послушал оценку обстановки операторами. Имел право бросить упрек, что штаб не знал последних данных, но промолчал, видимо понимая, что пока этих сведений никто еще не получил. К сожалению, они не всегда поступали в штаб в тот же момент, когда происходили изменения в положении и состоянии группировок войск на фронте, а их особенно ждали. А если противник добивался успеха и теснил наши части, то еще медленнее доходили от подчиненных данные обстановки. Вроде оберегали они вышестоящий штаб от плохих сообщений, выжидали более удобное время для передачи подобных сведений.

Комкор доложил обстановку командарму, попросил его нанести удары авиацией по переправам и резервам противника, выдвигающимся к реке. Отдав необходимые указания штабу, выехал на НП 8-й бригады. При выезде командира в войска с ним обычно следовал офицер оперативного отдела. В этом случае все распоряжения, отдаваемые командиром, сразу же становились известны штабу, а через него — начальникам родов войск и служб, соседям, вышестоящему штабу и взаимодействующим с корпусом частям и соединениям. Тем самым все органы управления немедленно подключались к активной работе по обеспечению выполнения распоряжения командира, что, несомненно, повышало эффективность проводимых мероприятий.

На этот раз довелось ехать мне. Комкор не порадовал командира бригады тем, что дополнительно усиливает ее артиллерией или проводит здесь контратаку своим вторым эшелоном. Но на месте событий он глубже вник в обстановку, объективно оценил усилия, предпринятые бригадой по ликвидации вражеского плацдарма.

Обстановка на участке обороны бригады все более накалялась. Мелкие контратаки, проведенные до этого командирами батальонов, не принесли ожидаемых результатов. По всем данным, фашисты продолжали спешно накапливать

силы, намереваясь в ближайшее время приступить к активным действиям по расширению плацдарма. Для срыва их замысла требовалось незамедлительно перебросить сюда необходимые силы и средства, чтобы противодействовать врагу. По корпус не имел резервов, нечего было сиять и с других участков.

Оставалось самое простое: провести контратаку двумя батальонами 8-й бригады, с тем чтобы несколько задержать переход противника в наступление.

— Где же взять батальоны? — удивился комбриг, услышав распоряжение.

Склонившись над картой, командир корпуса и командир бригады долго вместе перебирали все участки, оценивали возможные направления ударов противника, заново размечали границы районов обороны батальонов.

После многих прикидок все-таки высвободили необходимые силы для проведения контратаки. Трудно было перестраивать боевой порядок под сильным огнем. Многие сотрудники штаба бригады выдвинулись в подразделения, чтобы на месте в короткие сроки обеспечить выполнение решения командира.

Контратака, проведенная бригадой, до некоторой степени нарушила планы фашистов, задержала начало их активных действий. Она подтвердила, что противник уже создал на южном берегу Терека довольно сильную танковую группировку и, чтобы выдержать ее удар, мало одного упорства подразделений и частей на занимаемых рубежах, потребуется предусматривать быстрый маневр силами корпуса на угрожаемые направления. Только при этом условии возможен успех в предстоящей схватке с противником.

На другой день мне пришлось снова, теперь уже с майором Т. Н. Дроздовым, выехать в бригады. Комкор хотел услышать мнение операторов о возможных действиях противника: где он начнет атаки и какими силами, надежно ли прикрыт стык бригад западнее станицы Терской.

Дроздов остановил машину около редких кустов, вблизи огневой позиции батареи. Отсюда я направился в левофланговый батальон 10-й бригады, которым командовал майор П. П. Климентьев. Поднявшись на бугор, почувствовал горячее дыхание боя. Впереди густо ложились взрывы. Отчетливо просматривалась бескрайняя долина, по которой в любом направлении могли наступать танки.

Комбат со своим штабом располагался в наспех отрытых окопах. Для него этот бой, как выяснилось, был первым испытанием в новой должности. Связь с ротами осуществлялась только посыльными. Климентьев показал положение

подразделений на местности. Правее кукурузного поля оборонялась первая рота. Мы направились туда. Командир роты лейтенант Н. А. Донец обрадовался нашему приходу. Я понимал его: приятно в преддверии серьезной схватки с врагом видеть старшего. «Значит, все нормально. Начальники тоже следят за обстановкой и беспокоятся за исход боя».

— Я развернул второй взвод под углом к канаве, — жестикулируя руками, быстро говорил Донец. — Противник пустит танки вдоль дороги. Мои хлопцы будут бить по бортам. Врылись в землю. Два расчета ПТР держу рядом, на всякий случай. Пехота не страшна. Один пулемет роту положит, — смело оценивал лейтенант возможности своих сил и средств.

— А где ваш комиссар? — поинтересовался я.

Донец поднял кверху лопатку. Слева, около редких стеблей подсолнечника, показалась такая же.

— Он на фланге. Опасное место. Дыра там, соседа близко нет. Если танки прорвутся в стык, то придется поворачивать фронт первого взвода и выдвигать туда ПТР, — пояснил он свой замысел.

Понравился мне лейтенант. Взвод, по его оценке, — большая сила: он способен прикрыть стык с соседом, нанести поражение огнем превосходящему противнику. Иначе и не могло быть. Из успехов вот таких взводов и рот вырастала победа. Если устоят бойцы, не дрогнут, не оставят свои позиции, то противник не пройдет. Даже если проскочат танки — пехоту задержат.

Только издали поле казалось ровным, а вблизи оно, как кожа под микроскопом, бугристое, в промоинах, исполосованное заросшими канавами. С трудом я увидел выступающие над землей две башни танков, да и то после того, как прозвучали оттуда выстрелы.

Лейтенант Донец сообщил о замеченных передвижениях пехоты и танков через поляну в сторону кукурузного поля, которое охватывало с обеих сторон дорогу, идущую от Моздока на юг. Видимо, противник накапливал здесь силы для атаки. Хотя местность везде была доступна для танков, скорее всего, враг собирался обрушить удар вдоль дороги, где ему уже удалось вклиниться в оборону. Наших сил на этом направлении было мало.

Встретившись с Дроздовым на КП, я доложил о результатах работы, вместе оценили обстановку. Мнение было единодушным: в ближайшее время противник введет в бой основную группировку вдоль дороги на Вознесенскую. Сюда требовалось срочно выдвигать противотанковые средства и уплотнять боевые порядки пехоты.

Перед тем как принять решение, комкор часто заслушивал мнение операторов. С большим вниманием относился к предложениям Дроздова. Наши выводы совпали с мнением Рослого.

На перегруппировку частей и инженерное оборудование новых рубежей времени оказалось мало. Уже 4 сентября фашисты, сосредоточив силы на узком участке, после короткого, но сильного артиллерийского налета нанесли удар танками и пехотой. В трудном положении оказалась 8-я бригада. Противник продвигался вдоль шоссе на Вознесенскую. Танковый таран захватил также участок 62-й морской стрелковой бригады. Пропала связь с командиром бригады полковником С. П. Кудиновым. Генерал Рослый не отходил от радиостанции.

— Брось позывные, — распорядился он, — вызывай открыто. Может быть, забыл Кудинов свои клички.

С нашего НП было видно, как вражеские танки прорвались к пункту управления бригады. Комкор среагировал немедленно. Приказал провести контратаку силами 9-й бригады во фланг противнику. Подразделения врага остановили. На связь вышел Кудинов.

Спокойный, мужественный голос:

— Все в порядке. С места не сдвинулся. Спасибо за помощь.

Из девяти танков, прорвавшихся к КП бригады, пять были уничтожены бутылками с горючей смесью. Бригада совместно с танковым батальоном контратаковала прорвавшуюся группировку противника. Смело и напористо действовали подразделения моряков. Враг не выдержал, отошел. На поле боя застыло около трех десятков его танков.

Противник производил сильные огневые налеты. От близких взрывов осыпались стенки НП. Стереотрубу пришлось опустить. Поступили данные, что на правом фланге 10-й стрелковой бригады отошли с рубежа подразделения, пропала связь со штабом. Комкор вглядывался в оборону 10-й, но из-за густого дыма от взрывов снарядов трудно было определить занимаемый ею рубеж. Мы понимали: если противник прорвется там, это поставит в тяжелое положение весь корпус. За ночь в центр полосы обороны перебросили основные силы, пошли на большой риск, оставив на участке 10-й бригады на широком фронте отдельные подразделения.

Командир корпуса повернулся ко мне, приказал:

— Срочно выяснить, в чем там дело.

Водитель с места рванул машину напрямик, некогда было объезжать кусты и канавы. Проскочив лощину, попали на штаб одного из батальонов 10-й бригады. Начальник штаба лейтенант

С. А. Воронин мирно беседовал с помощником начальника оперативного отделения штаба бригады старшим лейтенантом Н. В. Поповым. Тревога оказалась ложной: была атака — отбили.

Разговорились с Поповым. Где только не встретишь своих однополчан! В первые дни войны, командуя взводами, оказывается, вместе бились под Резекне, на Западной Двине. Я воевал тогда в составе 202-й стрелковой дивизии, а он — в 5-м воздушно-десантном корпусе. За плечами тоже большой путь войны. Здесь, в Орджоникидзе, принимал участие в формировании бригады. Николай Попов был очень молод, храбр. На вихрастой голове непослушно топорщились волосы.

На других участках бой не стихал, вражеские танки лезли напролом. Все поле заволокло пороховым дымом. Серьезное испытание выпало на долю 62-й бригады. Ее атаковали 95 танков. Весь огонь комкор направил в полосу этой бригады. Минут сорок все грохотало. Радовало, что пехота не попятилась и танки противника остановлены.

Вскоре штаб бригады передал первые фамилии отличившихся воинов. Батарея 76-мм орудий старшего лейтенанта Хотулева с тремя орудиями выдержала натиск двух десятков танков. Командиры орудий подбили — сержант Фирсанов 4, старший сержант Шульгин 3 танка. Командир батареи 45-мм пушек старший лейтенант Мильчаков дал команду на открытие огня только при подходе танков на дальность 300 м. Внезапный огонь сыграл свою роль. Командир орудия сержант Печерский уничтожил 6 танков[1].

Отважно сражался в 10-й бригаде военком 2-й батареи истребительно-противотанкового дивизиона политрук П. А. Коледа. Танки атаковали батарею. В разгар боя его ранило. Но рядом от взрыва снаряда вышел из строя орудийный расчет. Один танк наползал на замолкнувшее орудие. Превозмогая боль, Павел Антонович Коледа встал к орудию. Два танка подбил комиссар, сам погиб у орудия, но враг не прошел через позицию батареи[2].

С наступлением темноты, когда спадало напряжение боя, у операторов начиналась основная работа на КП. Отчеты, сводки, донесения. На карте четко вырисовывался вбитый врагом клин в оборону. Но бригады держались, и фашисты вынуждены были выделять значительные силы на прикрытие своих флангов, что, несомненно, ослабляло их ударную группировку.

Теперь уже и я, разрабатывая очередную оперативную сводку за корпус, вчитывался в содержание донесений бригад, сравнивал с теми событиями, что протекали на моих глазах за время нахождения на наблюдательном пункте. Незаметно приходило умение видеть в документах и докладах не только истинную

правду, но и улавливать, где срезаны острые углы и опущены неприятные эпизоды. Иногда в докладах штабов об обстановке встречались противоречивые данные. То возникала путаница в определении количества танков противника на поле — их насчитывалось больше за счет включения и тех, которые действовали вблизи, но в полосе другой бригады; то якобы сосед не проявил упорства в отражении атак врага на своем фланге, что послужило причиной отвода частей на другой рубеж.

Подполковник М. В. Глонти сравнивал два донесения.

— Зачем фантазировать? — горячился он. — Небылицы — страшное зло. Конечно, плохая правда колюча, но лучше по-честному сказать: не выдержали — отошли. При чем тут сосед, если сами не могли удержать рубеж.

Донесение, которое я написал, Глонти долго изучал, а потом принялся переставлять. Вначале исчезли чрезмерно оголенные слова: «отошли», «оставили рубеж» — их заменили другие: «перенесли усилия», «вышли». Но ни одно из них не отражало в полной мере характер действий войск. Пришлось зачеркнуть и эти слова. Наконец окончание последнего предложения: «прочно закрепились на рубеже…» придало тексту необходимую стройность и убедительность. Тот, кто будет наносить с этого донесения обстановку на карту, сам безошибочно сделает вывод, что в центре полосы обороны войска отошли… Выходит, мужество нужно не только на поле боя, но и здесь, в штабе, при разработке боевых документов и подготовке докладов об обстановке начальникам. До чего же тяжело писать донесение, когда нет успеха и отходят войска!

Поздно вечером, после напряженного боя подразделения 10-й бригады оставили станицу Терскую. Противник расширил участок прорыва, несколько отодвинул угрозу со своего левого фланга. Генерал Рослый терпеливо выслушал доклад командира бригады.

— Говорите, внезапный удар? — сердито переспросил он. — Да разве враг обязан предупреждать вас о своем решении? Почему не ведете разведку? Забыли о. маневре силами.

Хорошая была черта в характере комкора: умел сдерживать себя в любой обстановке. Давно известно: криком не учат, а запугивают.

Вместе с тремя офицерами штаба я выехал в батальон, чтобы изучить подробности боя за станицу.

— Обратно ее пока не вернуть, но важно, чтобы второй раз не повторили своих ошибок, — сказал подполковник Глонти.

Роты занимали рубеж южнее станицы. По крупинкам восстанавливались прошедшие события. Случилось непредвиденное. Ручей начинается с капли, пожар — с искры,

болезнь — с микроба — все большое развивается из мелочей. Здесь, в самый разгар напряженного боя, один взвод, выдвинутый на прикрытие фланга, не выдержал, подался назад, появилась дыра, которая стала разрастаться. В нее вползли танки и пехота врага. Удар с тыла был неожиданным для защитников станицы.

Такой уж настрой у проверяющих, что сначала они настойчиво ищут причину случившегося. Но чем отчетливее вырисовывались перипетии боя за станицу, тем яснее проступало мужество действий ее защитников. Отважно бились бронебойщики роты старшего лейтенанта П. П. Вилкова, на их счету три подбитых танка. Заслуживали похвалы пулеметчики взвода лейтенанта В. Н. Чепурного, которые своим огнем нанесли большой урон врагу и до последней возможности удерживали занимаемые позиции.

Адъютант старший батальона старший лейтенант С. А. Воронин прикинул соотношение сил во время боя за станицу. На весы ложились танки, пушки, пулеметы, и стрелка уверенно склонилась в пользу врага. Но, какие бы точные ни были весы, невозможно безошибочно взвесить силы сторон. Главные компоненты — выдержка, воля, упорство, умение с достоинством вести смертельную схватку с противником — не поддавались арифметическому подсчету. На этот раз они оказались ниже у бойцов взвода, который прикрывал фланг: люди, впервые столкнувшись с сильным врагом, не устояли я тем самым поставили в тяжелое положение других.

В завершение состоялся разговор с командиром батальона капитаном Г. И. Диордицей. Комбат производил впечатление боевого человека: на шее автомат, на поясе две лимонки, одет в легкий ватник. Во всем его облике проглядывало столько жизненной силы, напористости и смелости, что невольно у всякого, даже из тех, кто мало его знал, появлялась твердая уверенность, что такой не растеряется перед опасностью и найдет достойный выход в любой сложной обстановке.

Замыслы врага не ограничивались захватом станицы, но мерами комбата они оказались сорваны — танки и пехота противника не смогли продвинуться дальше. Говорил капитан веско, реально оценил обстановку, свои силы, не упустил и просчетов в организации обороны:

— Танки решили бой. С фланга и тыла ударили. Лично подбил два. Все дрались как львы. Такой бой — паука на всю жизнь, — заключил он.

После отхода пункт управления батальона расположился вблизи переднего края. Когда я объяснил ему, что при наступлении противника сам комбат окажется на положении

стрелка, он не согласился. Имел свои взгляды на управление: не со стороны подавать команды, а быть рядом с бойцами.

— Личный пример командира — вот что главное, — убежденно заявил он.

Проверяющие единодушно определили причины неудачного исхода боя за станицу. Основная из них состояла в том, что командир и штаб бригады не предусмотрели вовремя необходимые меры по усилению обороны на этом направлении. Еще засветло в штаб поступали сведения о выдвижении танков к роще, что находилась вблизи станицы. У командира батальона не оказалось ни одного артиллериста, и в нужный момент он не смог быстро вызвать огонь по целям.

Бесспорно, враг дорого заплатил здесь за свой небольшой успех. Командиры и рядовые получили боевую закалку, стали мужественнее и опытнее, глубоко осознали просчеты. Штаб корпуса, основываясь на уроках этого боя, разработал приказ с указанием мер, исключающих повторение отмеченных недостатков. Стало правилом: в одном окопе находятся командир стрелкового и приданного или поддерживающего артиллерийского подразделений.

С утра 6 сентября снова разгорелся бой. 65 танков атаковали рубеж в центре полосы обороны корпуса, но противник не достиг успеха. Все атаки оказались отбитыми с большими для него потерями. К вечеру враг начал перегруппировку своих сил.

Создавались благоприятные возможности для разгрома его группировки на правом берегу Терека. По распоряжению командующего 9-й армией корпусу предстояло нанести ряд ударов. Большие надежды возлагались на создаваемую группу полковника С. М. Бушева. В ее состав после разбора многих вариантов были включены части из разных соединений, что в известной мере снижало ее боеспособность: 1372-й полк 417-й стрелковой дивизии, 258-й отдельный танковый батальон, 4-й стрелковый батальон с 3-й ротой 1-го стрелкового батальона, противотанковый дивизион, две батареи минометного дивизиона 10-й бригады, три артиллерийских дивизиона.

Одновременно с группой полковника Бушева перешли в наступление также 62-я стрелковая и 52-я танковая бригады. Противник в ответ выдвинул танки. Наши части продвигались медленно. Клин не срезался, а скорее выдавливался. Враг пятился к реке, оставляя на поле подбитую технику. Вот он оставил уже станицу Терскую. Нужен был еще один рывок, чтобы сбросить его с южного берега, но не хватило сил…

Наблюдательный пункт находился близко к переднему краю. На нем вместе с командиром корпуса были и командующий

артиллерией и четверо офицеров штаба: разведчик, связист и двое нас, операторов. Отсюда ярче высвечивались происходящие события на поле боя, отчетливо просматривались в центре полосы обороны занимаемые рубежи и действия наших частей, имелась возможность безошибочно пересчитать на этом направлении атакующие танки врага.

Майор Дроздов по каким-то только ему известным приметам определил назревающую беду. В кукурузном поле замелькали головы перебегающих бойцов. Отход всегда похож на пожар в сухом лесном буреломе. Вмиг заполыхает, затрещит, захватит в свои когтистые лапы людей, и если вовремя не прихлопнуть огонь, то потом уже нелегко потушить взметнувшееся пламя. Вблизи появились вражеские танки. Ползли они медленно, с остановками для стрельбы. Справа отчаянно билась одна наша батарея. Перед ней горели три танка.

В мгновенной реакции на события ярче всего проявляются качества командира: или он сам бесстрашно рванется навстречу отступающим, или бросит свой последний резерв, чтобы преградить путь врагу, или же начнет перебирать возможные варианты решений, потеряет время, а потом ничего не останется другого, как спешно отходить на другой рубеж. Генерал Рослый не терял ни секунды.

— В цепь! Задержать! — приказал он густым, сильным басом.

Из командиров штаба и связистов набралось для этой цепи пять человек. Машина подкинула нас к кустам, сразу же развернулась и скрылась в лощине. Быстрым шагом мы пошли навстречу отступающим.

— Назад! Почему отходите?!

Таких бойцов я встречал в первый месяц войны. Они также уверяли, что остались одни, а вся рота уничтожена, своими глазами видели, как погибли офицеры. Не знали одного — что по другую сторону хлебного поля пробирались однополчане и то же самое говорили о них. Появился командир роты. Прихрамывая, тяжело дыша, подошел ко мне. Оказывается, вышли из строя ПТР, отражать атаку танков нечем. Не успел он договорить, как на нас выскочили двое с противотанковым ружьем… Короткими перебежками бойцы возвращались назад. Теперь они снова займут оставленные позиции, выдержат атаки врага и не сдвинутся с места.

К вечеру спало напряжение боя, офицеры штаба включились в работу на КП. Бойко стучал телеграфный аппарат. Связист, высокий, с усталыми глазами, привычно наклеивал полоски на бланк. Штаб армии второй раз запрашивал: почему задерживается донесение? Не поступили к нам последние данные о положении

батальонов 10-й бригады. С нетерпением ждал я этих данных, поминутно поглядывая на часы. За соседним столом капитан П. И. Васильев заканчивал оформление карты с решением командира на ночные действия. Он чаще занимался подготовкой графических документов и ведением журнала боевых действий. Почерк у него был красивый, буквы получались пузатенькими, с острыми вершинками, похожие на созревшие луковицы, стояли они ровно, будто по линейке. С картой работал увлеченно, не спеша, и когда завершалось ее оформление, то даже специалисты-чертежники с восхищением любовались надписями и условными знаками. Все признавали: талант у капитана, и потому прирос он к столу, к картам, документам, редко удавалось выезжать в бригады.

Я с большим уважением относился к нему, пытался копировать его надписи на картах, но вскоре убедился, что это не под силу мне. Хотя большую часть времени у него занимало оформление документов, он не был просто техническим исполнителем. Обладая даром видеть планируемые события в развитии и законченной форме, он любое решение, даже высказанное командиром схематично, крупными мазками, наполнял недостающими подробностями и деталями, придавая ему не только красивую выразительность, но и убедительную обоснованность.

Наблюдая за выполнением обязанностей разными офицерами штаба, я убеждался, что исполнитель не мог быть универсалом. В какой-то области он оказывался мастером высокого класса, в другой — самым заурядным специалистом. Даже из хорошо подготовленных операторов не всякий сразу врастал в обстановку, находясь на НП, где требовалось решать многие практические вопросы в короткие сроки, без всякой подготовки, проявляя при этом инициативу и самостоятельность. Подполковник М. В. Глонти, видимо, лучше всех понимал этот принцип и обычно поручал офицеру выполнение работ, в которых наиболее полно проявлялись его мастерство и природные качества.

К сожалению, с Васильевым довелось работать недолго, он погиб при налете авиации противника.

Когда уже все сроки истекли, я доложил старые сведения. После передачи донесения штаб бригады сообщил, что один из батальонов потеснен противником. «Наказать виновников представления ложных данных», — сухо отстукивал аппарат из штаба армии. Глонти быстро пробежал глазами горькие, но справедливые телеграфные буквы.

— Кого наказывать? Себя! — возбужденно говорил он. —

Поехали в штаб бригады. На месте разберемся, почему затянули. — Уже в машине говорил мне: — Плохо у тебя вчера с донесением получилось. Одна строка при печатании перескочила, я не заметил. В штабе армии обнаружили. Не годится так работать.

— Торопят. Некогда проверить, — нашел я оправдание.

— В штабе надо волчком крутиться, но брак не выпускать. Учти…

И больше ни слова об этой ошибке. Вроде со стороны он стал разбирать наши документы. По его словам, не удавалось в них изложение динамики боя, вместо обобщений и анализа получался сухой перечень фактов и событий.

— Какие бы ни отводились короткие сроки, надо давать боевым действиям солидную оценку, показывать главное, без мелочей, — неторопливо делился он своими мыслями.

Совсем стемнело, бой затихал. Вдалеке хлопали одиночные взрывы. В небольшой балке находился КП бригады. Начальник штаба майор Е. И. Семибратов, удивительно спокойный, с мужественным взглядом, выслушал горячего Глонти, ответил:

— Опоздали — наш грех. Виновных я наказал. Виноват.

Майор Семибратов восстановил события. Он и командир только что вернулись из батальона, который наносил удар, пытаясь срезать выступ, образовавшийся в центре. Дважды переходил в атаку батальон, но не хватило сил, чтобы решить задачу.

Глонти внимательно слушал, взгляд его теплел, недовольство проходило. Из добрых побуждений затягивали офицеры штаба сроки доведения данных, но их надежды не оправдались.

…В последние дни сентября противник, перегруппировав силы, нанес удар в направлении на Сагопшин. В короткий срок была переброшена туда часть сил корпуса. Командиры и штабы привыкли к неожиданным и быстрым броскам. Без смелого маневра не приходилось рассчитывать на успех в обороне.

С третьей попытки вражеские танки проскочили в глубину нашей обороны, но около двух десятков их было подбито.

— Отсекаем огнем пехоту, — спокойно докладывал начальник штаба 57-й бригады майор М. М. Музыкин.

Вроде так и предусматривалось раньше: пропустить танки, а пехоту задержать. Но и танки, что прорвались через передний край, были также уничтожены в глубине. Одна только батарея младшего лейтенанта Корешева подбила 10 машин, из них 4 пришлись на орудие старшего сержанта Прохорова[3].

Беспримерный подвиг совершил 3 октября на восточных скатах высоты 488,4 командир 2-й роты 4-го батальона 57-й

бригады лейтенант П. Мазуренко. 15 танков противника атаковали позицию роты. Вышли из строя ПТР и оба приданных орудия. Командир роты схватил гранаты и бросился с ними под ближайший танк. Ценою жизни он взорвал машину. Воины, воодушевленные подвигом лейтенанта, успешно отразили атаки врага и удержали занимаемые позиции.

Всю свою силу противник вложил в этот удар и не достиг цели. Задолго до темноты он ослабил натиск. Слишком широко размахнулись фашисты, не по своим силам поставили задачу. Пленный ефрейтор из 668-го полка 370-й пехотной дивизии разъяснил: за последние дни боев дивизия понесла большие потери, в ротах было по 120–130 человек, а осталось по 20–30.

Среди разведчиков, доставивших пленного, особенно отличились сержант Н. А. Богатенко и рядовой Х. М. Хуштов. На их счету было немало захваченных «языков». Как-то сержант пояснил:

— Если притащили пленного — выполнили задачу, не удалось — вхолостую прожили день войны.

О нем командир сказал:

— Николай у нас всегда в группе захвата. Ловкий, быстрый и бесстрашный.

Если бойцы сами хвалили своего товарища, то можно не сомневаться — заслужил.

Отдыхать разведчикам некогда. В ночь они снова уходили на задание. Противник часто менял состав своей группировки и направления ударов — разведчики могли помочь разгадать его замыслы. Под утро они захватили в плен офицера, которого доставили на НП корпуса. Отсюда хорошо просматривалось поле боя. Пленный не мигая оглядывал местность. Низко над землей ползли тяжелые облака. В просвет между ними выглянуло солнце, и оно большим светлым пятном, подгоняемое ветром, бежало издалека по земле к нам навстречу. Десятки машин, обгоревших, со сбитыми башнями, опрокинутых набок, стояли среди редких, чудом уцелевших кустов виноградника.

— Долина смерти, — как помешанный твердил пленный, потрясенный видом поля боя. — Это наш конец.

Мы и без него знали, что это их финиш, дальше дорога для них была надежно перекрыта. Но, как и всякий загнанный в тупик зверь, противник мог еще бросаться в стороны, добиваясь кратковременных успехов.

С темнотой залязгали гусеницы вражеских танков, чтобы скрыть перегруппировку, артиллерия противника усилила огонь. Где следует ожидать атак? Надо отдать должное врагу: умел он скрытно перебрасывать танки на новое направление. Вовремя

распознать их маршрут — половина успеха в предстоящем бою. Наступило затишье. Изредка пролетал снаряд да прорезала тишину короткая пулеметная очередь.

Днем пришлось побывать в 10-й бригаде. Около дороги врывалась в землю рота лейтенанта Г. Л. Емеца. Лейтенант, молодой, энергичный, терпеливо выслушал мои замечания. Он согласился, что недочетов в организации обороны пока много.

— Сделаем в лучшем виде, — бойко заверил он. Помедлив, раздумчиво добавил: — Теперь надо наступать, а не врываться в землю.

Бойцы выжидательно смотрели на своего ротного. Я знал, что не в почете у них саперная лопатка: попадая под огонь, расползались они по воронкам, канавам и лежали в таких ненадежных укрытиях, рассчитывая, что на этот раз осколок пролетит стороной, а танк прогрохочет мимо. Конечно, гвардейцам смелости не занимать, но нельзя так легко оценивать события. Суровая боевая практика учила, что нужно всегда воевать с полным напряжением сил как в наступлении, так и в обороне.

На Северо-Западном фронте я хорошо познал оборону. Она там создавалась капитально. За первой траншеей отрывалась вторая, третья, потом появлялись вторая и третья позиции, оборудовались дзоты, землянки для отдыха, устанавливались проволочные заборы и минные поля. Здесь же совсем другие условия: оборона на короткий срок — как пауза, наступившая после тяжелого боя.

Подключился к проверке состояния обороны адъютант старший батальона лейтенант Н. А. Донец, Совсем недавно его назначили на эту должность. Ротным он был смелым и авторитетным, не шагал по проторенным тропинкам, искал новое, которое помогало успешному выполнению поставленной задачи.

— Пришелся ли штаб по сердцу? — поинтересовался я у него.

— Осваиваю, — неопределенно ответил он. — Пока все незнакомо, колко.

Он не скрывал, что многие вопросы решал на ощупь, а нередко — по-командирски, как делал, будучи ротным. На днях получилась у него обидная осечка: скомандовал выдвинуть прибывшую на усиление противотанковую батарею к первой роте — перед ней противник держал танки и мог в любой момент бросить их в атаку. Но комбат видел опасность удара танков не с фронта, а со стороны левого фланга.

— Думать надо, напомнил он, отменив распоряжение.

— Приобретаю опыт с помощью таких уроков. — невесело пошутил Донец, рассказав мне об этом. — Обижаться надо на

себя. Не усвоил простую истину: нельзя штабному работнику отдавать приказы без ведома командира.

У меня много времени занимало участие в проверках. В ходе их приходилось видеть организацию и методы работы в разных штабах. Каждый штаб действовал по-своему, но у всех отмечалось общее — согласованность с командиром в выполнении задач. Если же нарушалась она, то чаще всего штаб попадал в неприятные ситуации, как произошло с лейтенантом.

Удачно подметил Донец: на первых порах от новой должности тянет холодком, сыростью. Но это пройдет, работа закрутит, приветливее и ближе станут лица сослуживцев.

В штабе никогда не убывало работы. В дни затишья сохранялся тот же темп, что и в горячую пору боев. Помимо предписанных нам ежедневно выполняемых мероприятий на оперативный отдел обрушивалось немало других, ранее не предусмотренных, но таких же срочных и важных. Так, в эти дни предстояло спланировать проведение сборов снайперов и истребителей танков. Требовалось подготовить расписание занятий и подобрать специалистов, способных за несколько суток научить воинов мастерству меткого выстрела.

Появилась необходимость принять срочные меры по повышению бдительности. Командир корпуса с осуждением в адрес штаба сказал, что полоса обороны напоминает проходной двор. Теперь операторам предстояло разработать мероприятия, осуществление которых поставило бы заслон движению посторонних лиц по всем дорогам и тропинкам в пределах обороны корпуса.

Однажды вся ночь ушла на составление отчета за месяц. Утром майор Дроздов, с зажатой в зубах цигаркой, начал его читать. Я всегда удивлялся его работоспособности. То, что написано им, уже не нуждалось в правке. Все признавали, что лучше его вряд ли кто сможет написать. На этот раз он не кромсал отчет, а приглаживал его отдельные слова и выражения. Никогда он не говорил, что написано плохо, а молча, опустив над столом свою лобастую голову, сам выправлял.

Трудно сказать, что лучше и быстрее: заставлять исполнителя вносить поправки в разработанный им текст или самому начальнику выправить документ. Но, по моему мнению, когда сроки подготовки документа уже истекли, что чаще всего случалось, а исполнитель «исчерпал» свои возможности, то целесообразнее старшему самому выправить текст. К тому же по своему опыту знал, что такие исправления — самые эффективные уроки в обучении подчиненного в процессе его практической работы.

Казалось, была выполнена самая обычная работа, но для меня она явилась своеобразным экзаменом, который сдают ученики при переходе в другой класс. Все основные мысли и положения, вложенные мною в отчет, получили одобрение, и это радовало.

Вчитываясь в исправления и поправки, я видел вспаханное поле, на котором заботливой рукой были устранены допущенные при вспашке огрехи. Их оказалось немного. Росла убежденность, что при более внимательном отношении к делу, терпеливом подборе слов и выражений можно самому зачищать огрехи, не перекладывая утомительную работу на начальников.

В эти дни затишья на фронте группа воинов была направлена к тем, кто должен скоро стать в наши ряды, — в лагерь запасного полка. Мы прибыли для передачи боевого опыта. Большой успех выпал на долю сержанта Виктора Нестерова. Привез он броневую плиту от немецкого танка. Плита с зазубринами, тяжеленная. Нестеров лично подбил под Моздоком два танка. Стрелял из противотанкового ружья без промаха. Утром он установил плиту около заросшей канавы. С огневой позиции она с трудом просматривалась. Молодые бронебойщики с интересом следили за действиями сержанта.

Нестеров взял из рук одного бойца ПТР, занял позицию. Пять выстрелов сделал он по цели. К броневому щиту двинулись десятка четыре воинов. Нестеров, высокий, широкоплечий, уверенно шел впереди всех. Пять пробоин в щите почти касались друг друга. Бронебойщики смотрели на щит как на чудо. Такого они еще не видели. К щиту подходили другие бойцы, и, чтобы видеть пробоины, двое подняли плиту. Нестеров стоял рядом, переступал с ноги на ногу, смущаясь, торопливо пояснял:

— Ружье хорошее. Бьет без промаха. Танк не страшен бронебойщику. Главное — смелость, выдержка и злость. Не дрогнешь — победишь.

Бронебойщики окружили сержанта.

— Если ты бьешь, а он — ползет? — спрашивал молодой боец. — Может, броня попалась крепкая, не берет ее.

Нестеров припомнил из своей практики похожий случай:

— Два выстрела сделал в лоб. Брызнули искры, — значит, попал, а танк невредим. Дистанция сокращалась. Успел сделать третий выстрел в гусеницу. Развернулся танк, а я ему еще одну пулю в борт. Подбил… Надо с умом выбирать позицию. Не бить в лоб, — и он постучал пальцем по голове.

Сержант выдвинулся к одиноко стоящему дереву, оглядел поле, спросил, откуда выгоднее атаковать танкам. Справа с шумом билась в крутых берегах речка, прямо — холмистое поле с редкими кустами, слева виднелись котлованы, отрытые под

фундаменты построек.

Все были единодушны в выборе направления удара противника, но, где расположить позицию ПТР, мнения разошлись. Нестеров неторопливо обошел рубеж, несколько раз ложился на землю, придирчиво оглядывал поле. У крутого берега реки он нашел место:

— Здесь!

Бронебойщики один за другим занимали облюбованную позицию, осматривали местность. Все согласились, что лучшего места для позиции трудно здесь подыскать. Не было сомнений, что каждому запомнился этот наглядный урок.

А Нестеров подошел к выбранному месту ближе:

— Ты не один на поле. Рядом — твои друзья. Тебе неудобно стрелять — сосед поможет, ему почему-либо неловко — ты бей за него. Взаимовыручка в бою — мощное оружие.

Наша поездка удалась. Она оставила добрый след. Даже скромный и малоразговорчивый старший сержант Николай Лагунов, когда вернулись с полевых занятий, выступил перед молодыми воинами. Тему предложил один из политработников: «Самое интересное событие на фронте».

Говорил Лагунов о том, как у него, танкиста, возникла идея притащить танк противника, подбитый огнем нашей артиллерии на ничейной полосе.

— Рукой подать до него, — говорил Николай. — Долго мы примерялись с сержантом Пантюхиным, изучили все подходы, договорились с пехотой, чтобы прикрыла нас. Ночью поползли к танку. Осмотрели — перебита гусеница. Ремонт несложный, но нелегко его сделать в темноте, да еще когда рядом враг. Два часа проковырялись. Исправили. Устали. Сели покурить. Слышим — кто-то крадется к танку с другой стороны. Притихли. Полез этот пришелец к люку. Я подскочил и за ноги его стащил на землю. Оказалось, что это механик-водитель подбитого танка. Он приполз, чтобы свое барахло забрать. Посадили мы его за рычаги управления, и повел он танк в нашу сторону. Фашисты открыли бешеный огонь. Машина проскочила к нам, но снова была подбита, на этот раз немецким снарядом.

Каждый из нас вспомнил наиболее яркий эпизод из своей жизни, и вечер прошел интересно.

По возвращении в штаб я в тот же день участвовал в рекогносцировке горных районов, расположенных в полосе обороны корпуса. К этому мероприятию привлекались начальники оперативных отделений бригад. Необходимо было на случай, если противнику удастся прорвать оборону, познакомиться с горной местностью, на которой нам пока еще не

приходилось воевать. Глядя на скалы и крутые утесы, я думал о том, что хоть они и затрудняют в значительной степени маневр, зато позволяют малыми силами надежно удерживать широкую полосу обороны. Кавказ я знал только по картинкам. Теперь он предстал без всякой романтики, в будничной обстановке. Вроде и Терек выглядел не так уж грозно.

На карте были определены участки обороны бригад, изложены основные вопросы взаимодействия, которые следовало уточнить на местности, наметить районы батальонов и опорные пункты рот, организовать систему огня. Внимательное изучение местности показало, что одна разгранлиния между бригадами проведена неудачно, она разрезала пополам две высоты и тем самым не позволяла ни одной из бригад создать на них опорные пункты. На другом участке передней край обороны намечался вдоль отвесного скального обрыва…

Не вызывало сомнения, что нужно выправить допущенные ошибки. Разгранлиния была уточнена. Изменение границы и начертания переднего края повлекли за собой уточнение вопросов взаимодействия и организации системы огня. Почти весь день заняла работа офицеров штаба на местности. С наступлением темноты мы вернулись на КП.

Доложив командиру корпуса о внесенных изменениях в его решение, с нетерпением ждал ответа. Внимательно изучив по карте местность, он одобрил поправки:

— Обоснованно. Спасибо, что ошибка не проскочила дальше.

Начальник штаба тоже согласился с уточненным мною районом для размещения командного пункта. Это было для меня большой удачей. Я почувствовал, что становлюсь равноправным членом коллектива штаба.

В конце октября короткая передышка на фронте внезапно оборвалась. Противник, сосредоточив сильную группировку на нальчикском направлении, где на широком фронте оборонялись войска 37-й армии, нанес удар с целью захвата Орджоникидзе. Немцы прорвали оборону. Соединения 37-й армии, а также 10-го стрелкового корпуса, который спешно занял оборонительный рубеж по восточному берегу реки Урух, отходили на Алагир.

11-му гвардейскому стрелковому корпусу было приказано отстоять Орджоникидзе и не допустить врага к Военно-Грузинской дороге. В его состав вошла новая, только что прибывшая 34-я стрелковая бригада, укомплектованная моряками. Она заняла рубеж по реке Фиагдон, севернее Дзуарикау. Для прикрытия Эльхотовских ворот на рубеж Манкульского хребта спешно выдвигалась 10-я бригада.

Я выехал вперед, чтобы подготовить место для КП в большом осетинском селении Гизель. Чистенькие, аккуратные дома стояли среди садов. Осетины приветливы, гостеприимны. Хозяин дома, в котором предстояло работать операторам, глубокий старик, познакомившись со мной, покачал головой:

— Как же вы допустили сюда басурманов? У нас закон суровый: живой не уходит с рубежа — бьется с врагом, пока стучит сердце.

Он не стал ждать моего ответа, будто забыл о войне, заговорил о мирных делах. Ему девяносто лет, вырастил 12 детей. Четверо сыновей сражались на разных фронтах…

Первой вступила в бой 10-я стрелковая бригада. В горах стоял непрерывный гул от взрывов снарядов, лязга и грохота танков. Тяжелое положение создалось в обороне 4-го батальона. Контратаку возглавил начальник штаба бригады майор Е. И. Семибратов. Противник был отброшен, но в ходе этого боя тяжелое ранение получил Ефим Иванович. Вместо него штаб бригады возглавил один из лучших командиров батальонов — майор П. П. Климентьев.

Так уж вышло, что большую часть времени я занимался 10-й бригадой. Направленцы в штабе корпуса в то время не выделялись, но если появлялась возможность выбора, то я просил направить меня именно в эту часть. И начальник штаба приветствовал это. Такое закрепление оператора за определенной бригадой, безусловно, себя оправдывало. Я всегда был в курсе дел, знал детально положение, состояние и характер боевых действий каждого подразделения, изучил деловые качества многих командиров подразделений и работников штаба, безошибочно определял по голосу, кто говорил со мной по телефону или радио, в короткие сроки мог уточнить вопросы, не называя при этом ни нумерацию батальонов, ни действительных наименований местных предметов, ни истинных цифр и значений.

Климентьев вступил в должность в трудный период. Танковая группировка противника настойчиво продвигалась вдоль шоссе на Орджоникидзе. Бригада вместе с другими частями корпуса встала на ее пути. Я отвечал за постоянную и непрерывную связь с ней.

А штаб корпуса между тем развернулся на новом месте, в Гизели. Уже оттуда я дважды выезжал на передний край, чтобы выяснить состояние и положение отходящих войск. Обстановка продолжала оставаться сложной, и меня не покидало чувство вины в случившемся. Я понимал, что именно мы, работники штабов, обязаны своевременно обнаружить приготовления

противника к наступательным действиям на новом направлении. И вот проглядели выдвижение его сильной танковой группировки, по вскрыли время и направление удара, а это не позволило создать на возможных участках прорыва необходимые плотности сил и средств. За промахи в работе штабов приходилось тяжело расплачиваться.

По всем данным, танки врага могли скоро появиться около Гизели. К вечеру я выехал с группой командиров, чтобы отыскать и оборудовать новое место для командного пункта. Совсем стемнело, когда в небольшом ущелье, в стороне от направления удара противника, мы нашли наконец удобную площадку.

К рассвету штаб перебрался на новое место. Спать не пришлось: майор Дроздов требовал уточнить последние данные об обстановке в трех штабах бригад, подполковник Глонти приказал срочно сообщить в штаб армии и соседям место командного пункта. А генерал Рослый уже вызвал Дроздова и приказал через час выехать на НП. Я уже привык к такому ритму работы. Что делать!

Буквально на глазах обстановка изменялась. Противник наносил удар между Ардоном и Алагиром. 34-я бригада оказалась разрезанной на две части: 1-й и 3-й батальоны были оттеснены на север, в район Фиагдона и Нарт, где под командованием начальника штаба майора Г. М. Каравана перешли к обороне, остатки 2-го и 4-го батальонов отошли на юг, в горы. В районе Майрамадага оставалось командование бригады с батальоном автоматчиков.

С НП корпуса были отчетливо видны танки противника. Они ползли через огонь и дым. Резервы были выдвинуты навстречу танковому клину. Весь день шел тяжелый бой. Вражеская авиация бомбила Гизель, где оборонялись отдельные корпусные части.

Связной 54-го отдельного пулеметного батальона доставил донесение, в котором сообщалось, что пулеметчики отбили атаки врага и удержали занимаемые позиции. Из 10 танков, которые атаковали их, два они подбили бутылками с зажигательной смесью. Около 60 трупов оставил противник перед рубежом батальона.

Связной повторил как клятву слова комбата: «Будем стоять насмерть, с места не сдвинемся». Он передал изъятую из кармана убитого захватчика памятку, отпечатанную в типографии. В ней были страшные слова:

«Помни и выполняй:…у тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик. Убивай. Этим ты спасешь

себя от гибели, обеспечишь будущее своей семьи и прославишь себя навеки».

В карманах гимнастерок наших погибших воинов также лежали записки, но написанные от руки, карандашом, и нередко обесцвеченные от попавшей на них крови. В них было одно: «Иду в бой за Родину. Если погибну, считайте меня коммунистом».

Соединения 1-й танковой армии фашистов ползли к окраине города. В бой вступили 12-я дивизия НКВД и отдельные части Орджоникидзевского гарнизона. Наступил решающий момент. Все силы и средства были уже задействованы, все возможные меры приняты, командиру и штабу осталось ждать исхода боя, рассчитывая теперь на стойкость, сообразительность и инициативу воинов.

Разговаривая с командирами частей, командир корпуса требовал удерживать занимаемые позиции во что бы то ни стало.

Из штаба армии настойчиво спрашивали: почему противник продолжает продвигаться? Какие меры приняты, чтобы остановить его танки?

Звонил по телефону командарм. Разговор с ним у командира корпуса был коротким:

— Вы должны удержать рубеж любой ценой.

— Удержим, — твердо заверил генерал И. П. Рослый.

Сказано смело. Взвесив все детали обстановки, комкор понимал, что есть основания для такого вывода. Подойдя к нам, присел, спросил наше мнение о дальнейших планах.

— Аппендикс, — уверенно поставил диагноз майор Дроздов, показывая на карте мешок, в котором оказался противник. — Остается отсечь его — и мышеловка закрыта.

— Согласен. Бить надо на Майрамадаг, — комкор провел карандашом направление удара. — Тут самая узкая, не более пяти километров, горловина, ее легче всего перерезать.

Но в каком положении находились части 34-й бригады, оборонявшие вход в Суарское ущелье, в штабе корпуса было неизвестно. Меня направили на установление связи с этой бригадой. Сразу возник вопрос — как ехать: через Орджоникидзе, а дальше по ущелью до Майрамадага или же по короткому пути, вдоль отрогов гор? Выбрал второй маршрут.

На полпути взрывом снаряда разворотило передок машины и выбросило нас с водителем на обочину дороги. Видимо, родились под счастливой звездой. Меня встряхнуло сильнее: онемели шея и спина. Шофер помог встать, поддержал меня за плечи. Шли медленно. Спина вроде «оттаивала», боль отступала.

Командир корпуса, увидев нас без машины, удивился. Я рассказал, что произошло.

— Разве ты обстановку не знаешь? Куда тебя понесло? — И уже мягче добавил: — Не покалечились? Связь с Ворожищевым установлена по радио…

К исходу 4 ноября танковый клин врага, плотно зажатый с флангов нашими частями, вытянулся на два десятка километров вдоль орджоникидзевского шоссе. Острие его, где находились ударные силы, уткнулось в непробиваемую стену огня защитников города. Страх перед окружением заставил фашистское командование отказаться от лобовых атак на город и бить в обход.

В боевом донесении корпуса об одном таком броске штаб написал: «25 танков и батальон пехоты противника атаковали подразделения 62-й бригады вдоль шоссе Гизель — Архонская и шоссе Орджоникидзе — Архонская. Танки, пройдя через боевые порядки, достигли р. Черной. Огнем артиллерии 4 танка подбиты, остальные рассеяны по полю»[4].

Нас, сотрудников оперативного отдела, направляли туда, где осложнялась обстановка, чтобы мы могли на месте оценить события. Всегда ли нужны были такие проверки? Штаб 62-й бригады, к примеру, отличался исключительной добросовестностью в докладах обстановки. Он не допускал передачи непроверенных и необъективных данных — в этом мы уже не раз убеждались. Но командир корпуса увереннее чувствовал себя, когда получал те же самые данные и от офицеров своего штаба. Такие параллельные доклады заставляли подчиненные штабы с большей тщательностью вникать в обстановку и сообщать сведения, которые не вызывали сомнения.

Грозные события, как обвал в горах, чаще всего обрушиваются внезапно. Днем дюжина гитлеровских танков прорвалась к МТС, где расположился КП корпуса. Противник даже не предполагал, какой впереди объект. Мы по команде начальника штаба заняли рубеж, чтобы отразить атаку. Ни у кого не возникало сомнений, что мы выдержим натиск и не оставим своих позиций.

И все-таки, думается, каждый, находясь на своем привычном месте у средств связи на КП, сделал бы неизмеримо больше, чтобы пресечь развитие атаки противника. Расположившись в окопах, мы превратились в небольшое подразделение, которое своими средствами не могло повлиять на изменение обстановки. Выгоднее было бы штабу отойти назад, уклониться от боя. Но, видимо, начальник штаба решил, что это плохой пример для подчиненных, и ложный стыд помешал принять иное, более оправданное решение. К счастью, танки противника действовали нерешительно.

Все это позволило перебросить сюда противотанковую батарею, которая, вступив в схватку, подбила два танка — остальные отползли назад.

Враг задыхался в большом мешке, правда пока еще окончательно не затянутом. Весь день он пытался расширить прорыв, сбить наши части, угрожавшие его левому флангу, но сил для этого у него явно не хватало. По такой же заученной схеме развертывались события под Моздоком и Сагопшином: враг наносил удар на узком фронте, глубоко вбивал клин в оборону, надеясь, что наши части дрогнут и оставят позиции, но этого не случалось. Прошло время, когда такая тактика врага приносила ему успех. Теперь наши войска стали другими, и клиньями их нельзя было испугать.

Решение на проведение контратаки командир корпуса принял 5 ноября. Замысел был. простым: узкую горловину в направлении на Майрамадаг перерезают 10-я и 57-я стрелковые бригады с двумя танковыми, имеющими по две роты танков, после чего 57-я нацеливается на создание внешнего фронта, а 10-я — внутреннего кольца, чтобы надежно закрыть «крышку» котла, в который попадает гизельская группировка врага.

Утром 6 ноября части перешли в атаку. 57-я стрелковая бригада не смогла выполнить задачу: огонь прижал пехоту к земле, а приданная 5-я гвардейская танковая бригада ввязалась в огневую дуэль с бронированным кулаком противника. Фашисты создали перед ними большую плотность огня и танков. Но комкор не отступал от своего замысла: рассчитывал, что сдвинется бригада с места, подомнет огневые точки и выполнит поставленную задачу. Однако время шло, огонь врага усиливался, подразделения несли потери, а ожидаемый успех не приходил.

10-я стрелковая и 63-я танковая бригады успешно продвигались вперед. Противник, оценив нависшую над ним угрозу, бросил все имеющиеся на этом направлении силы против них. Весь день шли упорные бои. По 6–7 контратак отразили батальоны, но к вечеру выполнили поставленную задачу — вышли к Майрамадагу и соединились с частями 34-й стрелковой бригады. Горловина была перерезана, группировка врага оказалась в котле.

Но сил и средств для того, чтобы создать внешний и внутренний фронты окружения, оказалось недостаточно. Все в оперативном отделе понимали, что фашистское командование скорее всего выберет направление для своего удара через полосу обороны 10-й стрелковой, полагая, что здесь не только слабое звено в наших боевых порядках, но и самый короткий путь для вывода своих частей из окружения. Перед 57-й бригадой, которая

могла быть переброшена для закрепления успеха 10-й стрелковой, противник не ослаблял огонь, периодически проводил контратаки. В какой-то мере она сковала часть сил врага и не давала их использовать на другом направлении.

Поздно ночью мы с капитаном П. М. Мурашко, который, как и я, являлся помощником начоперотдела, проверили, насколько прочно закрыт котел. У Павла Михайловича были замечательные качества, которые необходимы работнику штаба: большая выдержка и умение сохранять деловой настрой в любой, самой сложной обстановке. Такие операторы, как Мурашко, всегда вызывали к себе уважение. Во всем его облике, неторопливых и расчетливых действиях чувствовались уверенность, смелость; он не боялся брать на себя ответственность за предлагаемые им мероприятия. На первых порах часто приходил мне на помощь в решении возникающих трудных вопросов. Если получалась заминка в разработке документа, он брал карандаш, садился рядом, показывал, как лучше выполнить ту или иную работу.

Еще в штабе корпуса, перед выездом, мы с ним тщательно изучили решение командира бригады на закрепление рубежей. Большая часть сил бригады была повернута на восток, откуда ожидался наиболее сильный удар. Генерал И. П. Рослый на нашей карте отметил район, где нам предстояло наиболее тщательно проверить организацию закрепления рубежей. Начальник штаба бригады майор П. П. Климентьев пошел вместе с нами, он по-своему, как всегда коротко и точно, оценил обстановку:

— У нас здесь горячая сковородка.

Двигался он уверенно, быстрым шагом. В темноте безошибочно нашел все батальоны.

Ближе к центру — батальон автоматчиков. Адъютант старший батальона старший лейтенант В. П. Река недавно отметил свое двадцатилетие. Батальон автоматчиков составлял второй эшелон и был в готовности к выдвижению на любое направление, где могут возникнуть осложнения. Начальник штаба подготовил таблицу с расчетами времени на выдвижение подразделений по каждому возможному маршруту.

— Сам лично с часами в руках промерил шагами. Ошибки не может быть, — заверил он.

Среди отличившихся в дневном бою он назвал немало бойцов. Особенно выделил отважного командира сержанта А. Ф. Швеца. При отражении контратаки, когда фашисты приблизились на бросок ручной гранаты к рубежу, занимаемому ротой, вдруг замолк пулемет. Его расчет вышел из строя. Швец быстрее всех почувствовал надвигающуюся опасность. Он метнулся к замолкнувшему пулемету и открыл огонь по набегавшим

фашистам. Контратака была отражена.

Побывал я и в 1-м батальоне, где адъютантом старшим батальона был старший лейтенант С. А. Воронин. Удивительно большой запас энергии, бодрости, оптимизма в этом человеке. Решения он принимал смело, умел предвидеть развитие обстановки.

Сергей Андреевич был всегда в поиске наиболее целесообразных решений. Докладывал четко, полно и ясно:

— Одна рота заняла рубеж под углом к переднему краю. Для противника создан огневой мешок. Влезет в него — легче бить. Если удар фашистов придется на фланге, то рота займет другой рубеж — опять огневой мешок. Весь успех — в огне. Контратаки — после, когда обессилеет враг. Сорокапятки выдвинуты на передний край. КП батальона — в 200 метрах от передовой. Резерв расположен около КП. Этим создана глубина обороны.

Пользуясь картой, он убедительно доказал, что выгоднее в любых условиях при отражении танковых атак не располагать подразделения на переднем крае прямолинейно. Противнику труднее подавлять огнем позиции, которые не видны с наземных НП.

Да, опыт накапливался по крупинкам. Постепенно учились мы воевать лучше и умнее.

Я показал на заплатку, приклеенную к его уху. Он засмеялся, пошутил:

— Дырку пуля сделала для серьги. Теперь замок можно вешать, а не только украшения… На этот раз костлявая промахнулась на полсантиметра.

Батальон располагался на самом горячем и бойком месте. Даже теперь, ночью, не затихал огневой бой — приходилось на ряде участков передвигаться быстрым шагом, а то и перебежками.

— Ночью не начнут, — заверил Воронин. — Производят перегруппировку, вынюхивают, где выгоднее нанести удар. Думаю, атакуют рано утром. Скорее всего здесь, вдоль шоссе.

Такого же мнения был и заместитель командира батальона капитан М. П. Буторин. Он прошел ступеньки взводного и ротного, приобрел хороший боевой опыт, был расчетлив в бою. Запомнились его слова:

— Броситься в огонь или толкнуть туда подчиненных — не смелость, а безрассудство и глупость. На огонь летят мотыльки, да и то в темноте. Воин должен не сгорать, а побеждать.

Михаил Петрович часто бывал на самых опасных участках.

Командир 1-го батальона капитан Г. И. Диордица, вернувшись с переднего края на свой командно-наблюдательный пункт, встретился с нами. Когда я спросил его о положении дел в

батальоне, он ответил:

— Окружить противника легче — труднее не выпустить из котла. Мало сил у нас… Но передайте командиру корпуса, что гвардейцы с честью выдержат удар. Не сомневайтесь: рубеж отстоим.

Из батальона мы направились на командный пункт 10-й стрелковой бригады. Полковник Бушев терпеливо выслушал выводы и предложения. Он всегда уважительно прислушивался к мнению офицеров штаба корпуса. Оборона в целом оставила у нас хорошее впечатление. Все, что можно было предпринять за эти короткие часы, сделано и делалось. Недочеты, которые встречались нам в ходе проверки, сразу же устранялись.

Рано утром 7 ноября фашисты ударили вдоль шоссе, пытаясь вырваться из окружения. Такова уж психология авантюриста: он чаще возвращается по знакомому маршруту, чтобы не тратить время и силы на освоение новой дороги. Огонь и мужество вступили в схватку с танками. Силы сторон были неравными. Противник превосходил во много раз обороняющихся. Но гвардейцы 10-й стрелковой не дрогнули. Они открыли меткий огонь по танкам и пехоте врага, и бронированные машины заметались перед позициями батальонов.

Не сразу в штабе корпуса становилось известно о подвигах бойцов и командиров. Быстрее передавались сведения о занятых рубежах, о силах врага, количестве уничтоженных вражеских танков, потерях, и только к исходу дня в штаб поступали донесения о мужестве и отваге воинов.

В 3-й пулеметной роте пулеметного батальона вместе с командиром роты младшим лейтенантом Д. А. Гилевым и его заместителем по политчасти младшим политруком И. Г. Витченко было 34 человека. Восемь расчетов станковых пулеметов занимали огневые позиции. Если бы атаковала одна пехота, то не нашлось бы сильнее и опаснее для нее оружия, чем пулеметы. Но 16 танков и до роты пехоты нанесли удар по позициям. Пулеметчики били по пехоте, отсекая ее от танков. Гранаты и бутылки с горючей смесью полетели навстречу гитлеровским бронированным машинам, когда те подошли на расстояние броска. Два танка загорелись.

Вражеская пехота не смогла преодолеть пулеметный огонь, залегла. Артиллерия противника усилила огонь по нашим позициям. Танки проскочили передний края обороны, и снова, теперь уже им вслед, полетели гранаты и бутылки.

После небольшой паузы накатилась на позиция роты вторая волна танков. Они шли на окопы, утюжили их, пытаясь уничтожить защитников. Только два фланговых расчета, несмотря

на близость танков, не прекратили огонь по пехоте.

Рота держала рубеж. Пулеметчиков оставалось меньше половины прежнего состава. Им уже приходилось воевать не только за себя, но и за погибших, биться с удесятеренной энергией и настойчивостью. Раненые не уходили с поля боя, не выпускали оружия из рук.

Без артиллерии и ПТР — только гранатами и бутылками с горючей жидкостью было подбито 5 танков и уничтожено не менее сотни фашистов. До последней минуты своим примером стойкости и бесстрашия воодушевлял воинов командир роты, вселял в них уверенность в успех. Всех видел, и люди видели его.

Геройски сражался с врагом замполит роты И. Г. Витченко. Из личного оружия Иван Гаврилович в упор поразил несколько гитлеровцев, которые прорвались с тыла в расположение роты. Когда вышел из строя наводчик, он лег за пулемет, метко поражая атакующие цепи врага.

Рота удержала рубеж. Враг не прошел. Большой ценой досталась победа. Из 34 защитников погибло 22. Погиб и бесстрашный командир роты Дмитрий Алексеевич Гилев. Почти все оставшиеся в живых получили ранения.

Немало подобных примеров сохранилось в моей памяти.

Недалеко от шоссе находились позиции двух расчетов ПТР братьев-близнецов Ивана и Дмитрия Остапенко. В окопах они отметили свое девятнадцатилетие. Оба невысокого роста, крепкие, неторопливые.

На большой скорости двигались на них танки. Артиллерия противника усилила огонь по позициям. Иван насчитал двенадцать вражеских машин. Бронебойщики вступили с ними в единоборство. Счет уничтоженным танкам открыл Иван. На каждую цель братья тратили по два, реже по три патрона. Дмитрий, подбив третий танк, почувствовал острую боль в левой руке. Перевязывать руку было некогда — танк наползал на окоп. Дмитрий почти в упор поразил его.

Наступила короткая пауза. Танки врага шли где-то в стороне. Там их встречали другие бойцы. Дмитрий в последний раз разглядел в окопе брата. Перед позицией Ивана стояли застывшие четыре машины врага. Брат помахал рукой: мол, все в порядке.

Короткая передышка оборвалась быстро: на позиции вновь ринулись вражеские танки. Братья встретили их огнем. И тут же артиллерия ударила по окопам бронебойщиков. Вздыбилась от взрывов земля.

Если Иван, словно подбадривая себя, в полный голос подсчитывал каждый подбитый танк, то Дмитрий не считал их. Он стрелял только по ближним машинам, чтобы поражать

наверняка. Запас патронов иссякал. Второй номер, который мог бы пополнить его, вышел из строя. Последний танк наползал на окоп Дмитрия. Патронов уже ее было. Под рукой оказалась связка гранат. Он метнул ее, и танк остановился с перебитой гусеницей на краю окопа. Стрелять было нечем. От потери крови затуманились глаза. Дмитрий сполз на дно своего полузасыпанного окопа. Его подобрали санитары, отнесли в санроту, а оттуда отправили в госпиталь.

Иван тоже устал. Он оглядывал поле, выжидая новую цель. Но фашисты, видя кладбище своих машин, не решались больше приближаться к позициям бронебойщиков.

К исходу дня подсчитали подбитые и сгоревшие танки. На долю братьев Остапенко пришлось 20 таких машин: Дмитрий поразил 13, Иван — 7. За этот беспримерный подвиг Дмитрию Яковлевичу присвоено звание Героя Советского Союза, а Иван Яковлевич награжден орденом Ленина[5]. За всю войну ни на одном фронте никому не удалось повторить подвиг братьев Остапенко.

В 1-м батальоне в окружении оказалась 2-я рота. Крохотный островок среди бурлящего и клокочущего потока. Бойцы сражались с врагом, не имея связи со своими, не пополняя боеприпасов, не эвакуируя раненых, не получая питания. Рота мужественно держала плацдарм. Фашисты много раз пытались захватить его: он торчал у них как кость в горле. Дважды атаковывали после сильных артиллерийских налетов, один раз пытались ворваться на позиции внезапно, без стрельбы, приблизившись скрытно, но кустарнику, к району обороны почти на бросок ручной гранаты.

Гвардейцы бились смело, настойчиво. Мужественно руководил ими командир роты старший лейтенант И. Ф. Юдаков. Быстрый, подвижный, он следил за передвижением противника, точно оценивал его силы и намерения. На правом фланге и в тылу, где местность не просматривалась из занимаемого им окопа, находились опытные сержанты. Они докладывали ему о всех изменениях в обстановке. Туда, где назревала опасность, Юдаков перебрасывал свой небольшой резерв — группу воинов. Чаще сам возглавлял ее. С какой бы стороны ни начинал атаки противник, он наталкивался на упорное сопротивление.

Но командиру роты доложили, что больше нет патронов. Что делать? Можно было ночью напасть на одно из подразделений врага, разгромить его, овладеть оружием и боеприпасами. Но как быть с ранеными? Им нужна помощь. Взвесив все обстоятельства, Юдаков решил пробиваться к своим.

Иван Филиппович раздал оставшиеся у пулеметчика патроны — их пришлось на каждого по два, — распорядился о погребении погибших, выделил бойцов в помощь раненым, собрал всех, объяснил задачу. Как только стемнело, рота двинулась по кратчайшему пути к своим. Бесшумно, без стрельбы, действуя только штыками, они пробились к своим. А тот островок, что удерживала рота, даже на второй день после ухода ее враги обходили стороной, не решаясь приближаться к нему.

Комбат похвалил воинов за стойкость и мужество и, не теряя времени, сразу же поставил роте новую задачу: прикрыть огневые позиции противотанковой батареи, куда уже просочились вражеские автоматчики.

— Отдыхать придется после, когда отразим атаку, — добавил он.

Бойцы Юдакова действовали мужественно и решительно. А ведь два месяца назад они, сражаясь за станицу Терскую, потерпели поражение, оставили занимаемый рубеж.

Удачно подметил помощник начальника оперативного отделения 10-й стрелковой бригады капитан Н. В. Попов:

— Если бы теперь вернулись на прежние рубежи, то намного больше побили фашистов.

Война быстро выковывала мастерство бойцов, оттачивала навыки командиров и штабов в управлении войсками.

В ночь на 8 ноября фашистам удалось пробить вдоль шоссе коридор шириной до двух километров, разрезав боевые порядки 10-й бригады. Сюда с других участков спешно выдвигались артиллерия и стрелковые подразделения. Противник пытался через образовавшуюся щель вырваться из окружения, вывести на запад личный состав и технику. Однако горловина простреливалась с обеих сторон нашим многослойным огнем. Враг непрерывно атаковал, пытаясь раздвинуть пошире коридор, но ничего не мог сделать.

Недалеко от рубежа 10-й, разделенной на две части, бился в районе Майрамадага батальон моряков-автоматчиков 34-й бригады под командованием старшего лейтенанта П. Д. Березова. К автоматчикам присоединились уцелевшие в ходе прорыва танковой группировки противника бойцы 2-го и 4-го батальонов, но их было немного. Батальон с 5 ноября отразил несколько атак и нанес ощутимые потери противнику. Однако самые тяжелые часы выпали на утро 9 ноября. С обеих сторон лезли враги: с запада — подразделения румынской горностелковой дивизии, с востока — танки и пехота окруженной группировки. Удары пришлись по стрелковым ротам, которыми командовали К. Е. Иконописцев и Э. Мирза-Туниев.

Противник не ставил уже цель пробиться через Суарское ущелье, чтобы выйти к Военно-Грузинской дороге, у него была более скромная задача — расширить коридор и через него вывести свою группировку на запад. Но на пути встали 10-я бригада и один из батальонов 34-й.

В каждом бою всегда есть самый горячий участок. Таким в обороне Майрамадага стали сложенные из кирпича и крупной речной гальки конюшни, которые стояли за околицей на западной стороне.

Группы автоматчиков огнем и гранатами отразили первые атаки врага. Когда поредевшее подразделение, оборонявшееся в одной из конюшен, израсходовав боеприпасы, вынуждено было отойти, командир роты Мирза-Туниев направил туда сержанта Павла Кудреватых с тремя бойцами. Проскочив простреливаемый участок, моряки ворвались в конюшню и уничтожили находившихся там гитлеровцев. В ходе схватки был тяжело ранен Кудреватых, еще двое вышли из строя, огонь мог вести только один. На помощь направился старшина 1-й статьи Николай Громов с четырьмя бойцами. На пути к цели группа вступила в неравный бой с танками противника. Две машины были подбиты гранатами, однако пехота противника при поддержке танков прорвалась в селение.

Перелом в обстановку внес парторг роты Рафаэль Хуцишвили. «Коммунисты и комсомольцы — за мной!» — крикнул он. Бойцы услышали этот призыв и бросились за парторгом. Навстречу двигался танк. Будучи уже раненным, Хуцишвили подбил его противотанковой гранатой. Контратака принесла успех, положение было восстановлено.

Напряжение боя у гвардейцев 10-й бригады не ослабевало. Противник принимал отчаянные попытки раздвинуть коридор и вывести свои войска из котла. Для наших частей не было более важной задачи, чем прочно закрыть «крышку» котла.

С юга поднялись в атаку оторванные от основных сил подразделения 1-го и частично 2-го батальонов, возглавляемые начальником штаба бригады майором И. П. Климентьевым. Навстречу им наступал 3-й батальон во главе со старшим лейтенантом А. Н. Бурдаковым. На завершающей стадии разгрома окруженной группировки в бой была введена 60-я стрелковая бригада, выдвинутая из резерва армии.

В эти напряженные дни но дорогам и большакам днем и ночью, в ненастье, под обстрелами и бомбежками разъезжали мы по штабам бригад, разыскивая их то на безымянных высотах, то в балках или в густых зарослях виноградника. Штабы и командные пункты часто меняли места своей дислокации. Случалось, что по

нескольку суток мы не смыкали глаз, уточняя положение частей непосредственно на местности, доводя задачи до командиров, согласовывая вопросы взаимодействия.

Своеобразие в работе штаба вытекало из состава корпуса. В него входили 319-я стрелковая дивизия, 10, 34, 57, 60, 62-я стрелковые бригады, а также корпусные и приданные для усиления части и соединения. При наличии такого большого количества боевых единиц, безусловно, повышалась нагрузка на офицеров штаба корпуса. После того как наши войска ликвидировали попытки противника прорваться из окружения, все почувствовали, что наступает развязка схватки под Гизелью.

Во второй половине дня 9 ноября наши части захватили Гизель, а затем Новую Санибу. Накал боя сразу же спал. Дымилась большая гизельская равнина. Ветер разносил каленый запах горелой брони, резины и масла. Нам удалось захватить знамя 13-й танковой дивизии. Позже фашисты создали под номером «13» новую дивизию, но она по своей боеспособности уже не могла сравниться с разгромленной нами — отборные экипажи бесславно полегли в предгорьях Кавказа.

Затихло поле боя. На небольшой площади стояли покореженные и исправные машины, боевая техника. К вечеру подсчитали: 140 танков, 70 орудий, 2350 машин потерял враг. На поле лежали сотни трупов гитлеровских солдат[6]. В предыдущих боях врагу наносился немалый урон, но не всегда можно было увидеть результаты труда. Здесь же все было перед глазами.

После завершения разгрома гизельской группировки противника бои приутихли. Мне этот период запомнился тем знаменательным для меня событием, что я был принят в партию. На собрании ближе всех ко мне сидел заместитель командира корпуса по политчасти полковник П. Л. Базилевский. Несколько дней назад, перед тем как подать заявление о вступлении в партию, я зашел к нему. Павел Леонтьевич был приветлив.

— Мы никого не тянем за руку в партию, — с обычной прямотой заявил он. — Если вы готовы к этому, то я поддержу. Вас я знаю.

Теперь он сидел молча, чертил на листе какие-то завитушки. И тут послышался гул приближающихся самолетов. «Тяжелые бомбардировщики», — по звуку определил я. Такие сбрасывали бомбы с большой высоты. Собравшиеся примолкли. Все зависело от Базилевского. Если он не даст команду, то ни один не сдвинется с места и продолжит начатый разговор, напряженно прислушиваясь к гулу самолетов и свисту бомб. Базилевский же сразу скомандовал:

— По щелям!

В один миг опустел дом. Послышался свист падающих бомб. Один за другим загрохотали взрывы. Вдоль улицы поползли клубы едкого дыма.

Политработник поступил разумно. Хоть и говорят, что на миру смерть не страшна, но какое это геройство — бессмысленно оставаться под огнем?

После налета опять заняли места, продолжили собрание. Опытные товарищи давали советы, делились мыслями. Я схватывал основное: «Учитесь. Война — большая школа мужества. Прежде чем сделать шаг, подумайте: насколько он отвечает требованиям партии? Чаще советуйтесь с другими». Приняли единогласно…

Нам поставили задачу прорвать оборону противника на рубеже Рассвет, Дзуарикау. Казалось, после разгрома ударных сил противника создалась благоприятная обстановка для продвижения наших войск на запад. Но враг решил временно отсидеться в обороне, стал укреплять занятые рубежи, строить дзоты, создавать проволочные заграждения, устанавливать минные поля. Пошли дожди, дороги раскисли, подули промозглые ветры.

Части пробовали атаковать с расчетом, чтобы не дать возможности врагу маневрировать своими резервами и огневыми средствами, но слишком слабыми оказались удары, и противник отбил их. Сосредоточивали усилия на узком участке, однако опять не могли прорвать оборону — не хватало боеприпасов для подавления огневых средств врага.

Работники штаба немало времени проводили в войсках. Каждый день, возвратившись с передовой, они высказывали дельные замечания и предложения по улучшению организации дела, но перелома в действиях войск не отмечалось. Однажды, после очередного выезда, у меня состоялся обстоятельный разговор с полковником М. В. Глонти.

— Потеря веры в успех атаки приводит к тому, что снижается качество подготовки к бою, — говорил я ему. — Решение принимается чаще по карте, без детального изучения местности.

— Причина? — спросил Глонти. — Как вы думаете?

— Говорил с командирами. Считают, что отлично знают оборону противника, его огневые точки, проволочные заграждения и минные поля, — попытался пояснить я и прибавил: — Но упускают то, что предстоящий бой не повторяет вчерашний.

— Да, — согласился Глонти, — каждый бой по-своему нов и неповторим. И в каждом нужна победа, хотя бы небольшая, иначе ослабнет упорство в выполнении боевой задачи.

Глонти долго сидел, низко опустив голову над столом. Чувствовалось, что и он немало думал о том же.

— Что же ты предлагаешь? — спросил наконец.

— Убедить командующего армией в том, что атаки бесполезны. Надо накопить боеприпасы.

Полковник молча подвинул только что полученное боевое распоряжение штаба армии, в котором ставилась задача с утра силами двух бригад овладеть высотой 518,3. Подождав, когда я прочту, прибавил:

— Значит, так надо. Командующему, которому известна общая обстановка, виднее, что сейчас важно делать в полосе армии.

После завершения планирования боя М. В. Глонти собрал работников штаба, довел до них недостатки, имевшие место в организации наступления, потребовал не допускать их при подготовке очередной атаки. Большинство из нас выехали в бригады.

Как будто на этот раз удалось подготовить все. Организация боя была проведена в полном объеме, штабы бригад разработали все положенные документы.

Атака началась утром. Преодолеть сопротивление врага части корпуса не смогли. Огневые точки в обороне противника оказались не подавленными из-за недостатка снарядов. Наши стрелковые цепи залегли перед проволочными заграждениями. Несколько раз были попытки возобновить атаки. Ждали: вдруг произойдет чудо; но на войне чудес не бывает. Для успеха в бою требовалось иметь превосходство в силах над противником, а его не удалось создать даже на направлении главного удара.

17 декабря поступило распоряжение перейти к обороне. Пять недель мы наносили удары по врагу, не имея успеха. Напрасно? Нет, так мы не думали. Возможно, без этих настойчивых атак победа под Сталинградом пришла бы позднее: противник держал против корпуса солидную группировку и не смог выдвинуть ее на усиление своих войск, действовавших на решающем направлении.

А через несколько дней — 22 декабря враг побежал по старым следам. Испугался, что с выходом войск Юго-Западного фронта к Ростову захлестнется вся его кавказская группировка. В донесениях штабов бригад было одно: преследуем. Конечно, противник тронулся с рубежа не по доброй воле. К этому шагу его подвели не только успешные действия войск другого фронта, но и атаки наших соединений, проводимые в последние недели.

Части корпуса в составе войск 9-й армии стремительно преследовали противника в направлении Пятигорска. Фашисты

не изменяли свои звериные повадки: взрывали, портили, сжигали все на своем пути. Жители с радостью встречали освободителей. Впереди действовал передовой отряд под командованием отважного майора А. Б. Казаева из штаба нашего корпуса. Днем и ночью продвигался его отряд, обходя опорные пункты и заминированные участки дорог, внезапно вклинивался в оборонительные рубежи, обрушивался на районы скопления вражеских войск. «Смелость и еще раз смелость, — учил Казаев своих подчиненных. — Быстрота решает исход схватки».

В ходе преследования многие офицеры штаба корпуса продвигались с частями. Находясь в одном из батальонов, я оказался свидетелем, как подразделения захватили небольшой поселок, но, не выдержав контратаки противника, отошли назад, а затем снова овладели им. Меня это не удивило, обычное дело в ходе маневренных боев… Подъехал Глонти. Я бодро доложил ему обстановку.

— Ты считаешь это нормальным? — строго переспросил он. Я не стал возражать. — Через полчаса восстанови динамику боя и доложи.

Когда я поглубже вгляделся в этот случай, то все оказалось не таким уж безобидным. А было вот как. В поселке предстоял обед. Личный состав, не получив твердых указаний о дальнейших действиях, разошелся по домам. Охранение не было выставлено. Только взвод ПТР, который запоздал с выходом сюда, с ходу вступил в бой, подбил танк. Взвод 45-мм орудий с опозданием развернулся, но, сделав несколько выстрелов, замолк — не было снарядов: повозка с ними остановилась на другой улице.

Маленький случай оставил зарубку в сознании многих офицеров. Да и для меня это явилось хорошим уроком: нельзя быть верхоглядом в оценке боевых действий.

На разборе участники этого боя сидели молча. После моего выступления Глонти оглядел лица офицеров, заговорил негромко, словно хотел поделиться с понятливыми собеседниками своими мыслями: забыли однополчане о бдительности, о необходимости поддержания подразделений всегда в боевой готовности.

Приказ о наказании виновников не был издан. Но трудно сказать, что сильнее действует на человека — грозная бумага или живое, доходчивое слово старшего начальника.

Когда разошлись офицеры, у Глонти состоялся разговор с комбатом и начальником штаба. Здесь у него совсем другой тон. С них спрос вдвойне. Гневно звучал его голос:

— Так командовать нельзя! Надо душой болеть за выполнение задачи.

Возвращаясь на КП, Михаил Варламович повернулся ко мне:

— Удивляюсь: почему ты сам не ударил в набат? Чего ждал? — Он почти в упор смотрел мне в лицо. — Ты же представитель вышестоящего штаба, а занял позицию постороннего наблюдателя.

В другой раз Глонти пригласил меня к себе в машину.

— Подброшу до бригады, — сказал он.

Машина старенькая, с выцветшим и изрешеченным дождями парусиновым верхом, но безотказная. По дороге шли и ехали на повозках и автомобилях воины. Газик поравнялся с бойцом, который шел неторопливо, опираясь на суковатую палку.

— Куда, дружище, топаешь? — участливо спросил Глонти, остановив машину.

— К себе в роту. С перевязкой задержался.

— Нога не беспокоит? Может быть, лучше в медсанбат?

— Я скорее выздоровлю на свежем воздухе. Да и бить фашистов надо.

Не по пути, большой крюк придется сделать, но Глонти подхватил под мышки бойца, втащил в машину.

Газик накручивал километры. На взгорке, рядом с бурной горной речкой, догорали дома в деревне. Ни одного целого здания. Женщины рылись в неостывшей золе, отыскивая перегоревшие плитки, чугуны и разную хозяйственную рухлядь, которую пощадил огонь.

— Сожгли бандиты, — без слез, не поворачивая голову к пепелищу, проговорила пожилая женщина. — Жили месяц у нас. Ребятишки стали понимать их собачий язык. Окопы для них рыли. Норма большая. Не выполнишь — изобьют, второй раз — расстреляют. Изверги.

Глонти молчал, на скулах взбугривались желваки. Следы разбоя фашистов оставались на всем пути отступления врага.

Недалеко от КП бригады, около небольшой рощи, стояла походная кухня. Михаил Варламович остановил машину. Попробовал обед, остался недоволен, качеством пищи. Повар пожал плечами:

— Съедят, товарищ полковник. Здесь не ресторан…

Прибежал старшина с повязкой на голове.

— Найдите другого повара. Этот не научился уважать бойцов, для которых готовит еду, — приказал Глонти.

Большинство таких шероховатостей, влияющих на боеспособность подразделений и настроение воинов, ликвидировались начальником штаба сразу же, без всяких задержек…

Наши войска успешно преследовали противника. На отдельных рубежах он вгрызался в землю, и тогда приходилось

вести напряженные бои. Так случилось под небольшим поселком Сурх-Дигора, за которым у врага скопились сотни машин и танков, оставшиеся без горючего Тяжелый бой выдержали наши части. Здесь, в поселке, я узнал о подвиге офицера 10-й бригады И. Г. Кишкина. По рассказам очевидцев, он попал посредине улицы под пулеметный огонь. Не лег, не метнулся за дом, а, выхватив гранату, побежал навстречу вражескому пулемету. Один — в атаку! Гранату он бросил по огневой точке, но и сам упал замертво. На его теле насчитали 38 пулевых ран.

Адъютант старший батальона старший лейтенант С. А. Воронин вспомнил тяжелые бои под Гизелью.

— Тогда выдержали, — неторопливо говорил он. — Шли в атаку под сплошным огнем. Обычно улавливаешь взвизг и посвист от пролетевших рядом пуль и осколков, а там я впервые ощутил, как сильно бьет в лицо от них упругая горячая волна.

Он шел в атаку с одной из рот. Я его спросил:

— Была ли такая необходимость?

Он пожал плечами:

— Никогда не думал об этом. Место свое в бою определяют так: где сложилась трудная обстановка и нет твердой уверенности в успехе — там должен находиться. — И, подумав, добавил: — Надо поддержать дух гвардейцев. Кому же больше, как не командиру, сделать это?

Бесспорно, он прав. Эти люди самые авторитетные и уважаемые в батальоне, за ними всегда смело шли воины на штурм и бились с утроенной энергией. Так же вел себя Воронин и здесь, под Сурх-Дигора.

В боях на подступах к Пятигорску части захватили три десятка пленных, четверо из них были ранены. При допросе один из них с горечью признался, что бросили его, никто не помог, а когда он приподнялся на руки, над головой просвистела пуля.

— Свой стрелял, пытался добить, — сказал пленный.

В первых числах февраля преследование противника закончилось. Были освобождены Пятигорск, Железноводск, Ессентуки, Минеральные Воды, Армавир, Кропоткин. Войска фронта вышли к Азовскому морю. Теперь предстояло очистить от врага низовья Кубани и Таманский полуостров, который удерживала 17-я немецкая армия. Попытка с ходу сбить противника с занимаемого рубежа не принесла успеха. Стало ясно, что без солидной подготовки оборону не прорвать.

Новый командир корпуса генерал И. Л. Хижняк взял меня в поездку по частям. Побывали в 57-й бригаде. После трехдневных напряженных боев бригада овладела большой станицей Кореновской. Достигнутый успех не удалось ей развить.

Противник занял подготовленный рубеж впереди Ново-Корсунской и Дядьковской.

С КП одного из батальонов четко просматривались местность и оборона противника. Командир батальона показал рубеж, который занимали роты, огневые точки врага, доложил:

— Готовимся с утра наступать.

Иван Лукич спокойно, по-деловому расспросил комбата о предстоящих действиях, выслушал замысел. На местности генерал показал, как лучше расположить людей, где выгоднее установить пулеметы, куда отвести второй эшелон, чтобы дать воинам отдохнуть и подготовиться к наступлению. В этом и состояла учеба на фронте. Старший передавал свой опыт, учил подчиненных мастерству управлении подразделениями в бою.

На КП находились с десяток бойцов и командиров. Все подвинулись ближе к генералу. У Ивана Лукича была удивительная способность располагать к себе подчиненных. С уважением прислушивались они к его простым и ясным суждениям. А если кто-либо из присутствующих хотел высказать свои взгляды или заботы, то генерал был внимателен и приветствовал инициативу. Конечно, комкор был всегда очень занят, у него много разных больших и сложных дел, но среди них самыми важными всегда оставались встречи с тружениками поля боя.

Возвращались под вечер. По сторонам тянулись разбросанные на несколько километров хутора и станицы, недавно освобожденные нашими войсками.

— Ты приезжал в бригаду на проверку? — неожиданно спросил комкор.

Я подтвердил, что за последние дни дважды был в ней: в первый приезд изучил в штабе порядок ведения журнала боевых действий, а во второй — проверил обеспечение стыков с соседями.

Он не отрицал, что нужно проверять и эти вопросы, но делать это выгоднее в комплексе с другими.

— Почему не заглянул в батальоны и не посмотрел, как организовано закрепление рубежа? — спросил он.

Я пояснил, что на проверку отводилось совсем мало времени и приходилось спешить, чтобы вовремя вернуться в штаб, где ждала другая срочная работа.

— Пользы от такой проверки мало, — сделал вывод генерал. — Нельзя проходить мимо главного объекта — подразделений переднего края.

Машина, преодолев балку, выбралась на ровную дорогу.

Справа в редеющей темноте виднелся курган. Генерал

вспомнил свой разговор с одним командиром батальона.

— Я ему толкую, что надо было атаковать опорный пункт в обход, а он мне отвечает: «Зачем обходить, прямо — ближе». Этого офицера война ничему не научила, — с раздражением говорил он. — Такого не беспокоит, какой ценой выполнит задачу. Подобных людей на пушечный выстрел нельзя допускать к должности командира.

Новый командир корпуса был горячим сторонником смелых и дерзких маневров. Участник гражданской войны, он, пока ехали до штаба, рассказывал о своей молодости, о лихих кавалерийских атаках во фланг и тыл врага.

7 февраля на рассвете командир корпуса провел рекогносцировку с командирами бригад, отработал вопросы взаимодействия в ходе предстоящего наступления. Мягкий ветер по-весеннему ласкал лица. В поле редкими грязными пятнами лежал мокрый снег.

С высоты хорошо просматривался участок полосы наступления, где намечался главный удар. Обстоятельно разбирались действия войск. Противник мог отвести свои части с переднего края, использовать резервы для контратаки или занятия обороны на первой позиции. Комкор настойчиво перебирал все возможные варианты, чтобы подчиненные были готовы к любым неожиданностям в ходе боевых действий.

Ночью вместе с комкором выдвинулись на НП командующий артиллерией, начальник разведки и два работника оперативного отделения. Атака началась в 4 часа. Рассчитывая на внезапность, атаковали без артподготовки.

Прошло полчаса, прежде чем послышалась стрельба. 7-я и 34-я стрелковые бригады зацепились за окраину Ново-Корсунской. Дальнейшее продвижение застопорилось. Подразделения 10-й гвардейской и 57-й стрелковых бригад залегли под сильным огнем, не достигнув станицы Дядьковской.

Перед рассветом разведчики притащили пленного, втолкнули его в окоп и даже не посмотрели на него. Не представляли они, какая большая цена этому «языку». За два дня — первый. Организовывали наступление, основываясь на старых данных, а противник мог изменить группировку. Пленный, старательно вытягивая руки по швам, торопясь, назвал полк и дивизию. Таких частей здесь, на переднем крае, раньше не было. Ошибки в показаниях не могло быть. Теперь и начальник, разведки, сопоставляя данные об огневой системе, которая вскрылась в ходе наступления, тоже пришел к выводу, что сил и средств в обороне стало значительно больше.

Много трудов вложили в организацию боя, в полном объеме

штаб отработал положенные боевые документы. Сколько сил и времени заняла разработка одной только плановой таблицы боя! Трижды ее переделывали. Ни один, даже самый придирчивый, проверяющий не нашел бы в документах ошибок, неряшливо сформулированной фразы. Одним словом, возводили сооружение старательно, любовно обтачивали детали, подгоняли их друг к другу, прочно крепили все части, по, когда здание встало в законченном виде, обнаружилось, что фундамент сделан без расчета — он не выдержит нагрузки я здание может рухнуть, а вместе с ним пропадет и труд людей, вложенный в его сооружение.

Конечно, никто не застрахован от просчетов: нелегко распознать замыслы врага. Если бы на войне командир и штаб, приступая к организации боя, всегда знали планы противника, то победа добывалась бы быстрее и легче. В том-то и состояла особенность планирования боя, что оно в ряде случаев осуществлялось при отсутствии проверенных и подтвержденных данных о группировке и намерениях противника. В каждом замысле командира всегда большая доля риска.

Противник несколько часов назад выдвинул один полк на передний край. Плотность живой силы и огневых средств у него возросла, а наступающие стали слабее. Что же делать? Продолжать выполнять задачу в том же порядке, как было принято раньше, или же нужно вносить изменения в группировку войск и содержание задач?

Командир корпуса выслушал мнение подчиненных. Операторы высказались за то, чтобы сосредоточить усилия на овладении Ново-Корсунской. Тем более что там уже захвачено несколько домов и есть возможность скрытно накопить силы для нового удара. Начальник разведки высказался за то, чтобы сделать паузу, произвести перегруппировку и с утра следующего дня продолжить атаку.

Генерал И. Л. Хижняк запросил обстановку у командиров бригад. Доклады их не радовали. Присев к стереотрубе, он долго смотрел на поле боя. Взлетали султаны взрывов, низко над землей полз дым, редко перебегали одиночки. В докладах командиров бригад улавливалось одно: успеха нет и ждать его не приходится. Одни высказывали этот вывод открыто, другие — с оговорками, словно боялись огорчить комкора. К этому выводу пришел и он. Теперь предстояло убедить командующего. После доклада обстановки комкор с обычной твердостью в голосе доложил свое решение: прекратить атаки, с наступлением темноты произвести перегруппировку и с утра повторить удар.

Генерал Хижняк обычно смело высказывал любому

начальнику свои взгляды, да и сам не уважал подчиненных, которые не имели своего мнения и жили тем, что всегда ждали указаний старшего. Вот и теперь возникла необходимость убедить командующего в нецелесообразности осуществления ранее намеченного плана. Но командующий не согласился с решением командира корпуса. Предстояло продолжать наступление. Лишь через несколько дней противник не выдержал напора наших войск и с боями стал отходить. Корпус перешел к преследованию. Жирная грязь тяжелыми комьями липла к колесам повозок. Машины с трудом ползли по раскисшим дорогам. Но успех заставлял позабыть об этих трудностях. Подразделения шли бодро, спорым шагом, выбирая места посуше. Впереди действовали передовые отряды.

Вскоре фашистам удалось зацепиться за новый, заранее подготовленный рубеж: Черноерковский, Староджерелиевская, Старонижнестеблиевская, на котором им удалось создать сравнительно высокую плотность живой силы и огневых средств. Значительно усилила активность вражеская авиация.

Попытки наших частей прорвать рубеж с ходу не принесли успеха. А тут еще прошли дожди, размыло дороги. Отощавшие кони даже пустую повозку тянули с трудом. Предстояло изыскивать пути для повышения боеспособности частей. Командование и штаб обратились к жителям, что оставались в станицах, с просьбой помочь доставлять снаряды. Женщины, старики и дети — все, кто мог двигаться, пришли на помощь. Люди с непривычным грузом шли гуськом по обочине грязной дороги. Снаряды и мины они укладывали в мешки или обвертывали в тряпки, несли их за плечами или держали на руках, как маленьких ребятишек. Вблизи огневых позиций, около кустов, вырастали небольшие штабеля боеприпасов. Бережно положив тяжелый груз, многие садились здесь же, на обочине дороги, отдыхать.

На другой день рано утром они опять отправлялись в путь. Штабеля снарядов и мин хранили тепло человеческих рук, капли пота, а может быть, и слез, выжатых из женских глаз болью и усталостью.

Плохо стало и с питанием личного состава. Но самым трудным препятствием на пути к переднему краю обороны противника оставалась местность — топкая, набухшая к весне водой, с редко торчащими пятачками твердой земли. Сложнее всех приходилось артиллеристам и минометчикам. После трех выстрелов станины орудий и опорные плиты минометов погружались в топь, и требовалось немало усилий, чтобы вытащить их и передвинуть на другое место.

С наступлением темноты пустели штабы: все, кто мог, уходили в подразделения. Задача стояла одна: поддержать боевой настрой воинов, помочь командирам в организации боя. При встречах с личным составом никто не спрашивал, для чего мы находимся в плавнях, какая в этом необходимость. Солдаты верили в жесткую разумность решений командования и не ставили под сомнение целесообразность осуществляемых им мер, считая, что они вытекали из высоких оперативных замыслов.

В конце февраля 11-й гвардейский стрелковый корпус был передан из 9-й армии в состав 58-й. Но содержание задач и условия их выполнения от этого для войск корпуса не изменились. Однажды я всю ночь пробыл в подразделениях 10-й бригады. Со многими гвардейцами поговорил. Ни одной жалобы. А командир роты старший лейтенант И. Ф. Юдаков даже пошутил:

— Я своим орлам говорю: «Когда мало ешь, то легче становишься — болото не засосет, да и в атаку можно бежать быстрее».

Недавно его рота выдержала натиск врага, находясь в огненном кольце. В том, что устояла она тогда, нанесла врагу большой урон и без боеприпасов проложила себе дорогу к своим, — во многом заслуга ротного, Здесь он тоже не терял бодрости духа, верил в успех.

Я посмотрел на его сапоги — на одном отскочила подошва, шинель заляпана грязью, лицо совсем осунулось, выдались скулы. До чего же терпелив и скромен этот офицер! Притащили термос с похлебкой. Какая бы она там ни была, но запах ее аппетитно щекотал голодный желудок. Никто не поставил бы в вину старшему лейтенанту, если бы он первым получил свою порцию, но ротный ждал, пока все подчиненные не наполнили котелки и не принялись за еду, и только потом сам занялся обедом. При мне он похлебал ложкой одну жиденькую похлебку.

— Всем поровну. Такой порядок на переднем крае, — пояснил он.

Конечно, скромничал командир роты, не все поровну делил с рядовыми. На нем лежал неизмеримо более тяжелый груз ответственности за судьбы вверенных ему людей, за выполнение боевой задачи. Пока бойцы, положив руки под головы, спали, он принимал решение, по-разному расставлял гвардейцев, огневые средства, менял направление атаки, настойчиво искал тот самый, единственно лучший, вариант, который обеспечивал достижение цели. Он первый поднимался в атаку, сильнее всех радовался успеху и с болью переживал, когда события развертывались не так, как ему представлялось.

Близко раздались два взрыва. Иван Филиппович придавил меня за плечи и сам лег рядом.

Противник здесь слабый, — сделал он неожиданный вывод. — Один сильный удар — и побежит. У него две выгоды: сидит на сухом месте и имеет много снарядов. В лоб его не одолеть, надо просачиваться через передний край, бить во фланг и с тыла…

За редкими кустами находилась рота старшего лейтенанта П. В. Козака. Есть люди, которые не оповещают мир о своих успехах, не шумят, когда выполнят поставленную задачу или даже совершат подвиг. Если не знать их близко, то можно поставить под сомнение достигнутые ими успехи. Павел Васильевич один из таких. Скромный и деловой.

В этих условиях его рота сделала немного больше, чем другие. Она преодолела заболоченную местность, вклинилась в оборону противника и прочно вросла в землю. Фашисты понимали, что скорее всего отсюда русские нанесут удар. Ротный доволен, что удалось форсировать болото и захватить плацдарм. Ночью он рассчитывал овладеть полностью опорным пунктом.

— Батарея задушит три пулеметные точки, а две, что на флангах, возьмет под контроль, — коротко пояснил он свой замысел. — Главное — огонь пехоты. По пять гранат на каждого бойца. В два часа ночи — бросок.

Соседи пока просматривались. Но ведь выгоднее сосредоточить здесь основные подразделения батальона и, не ожидая общего сигнала, обрушить удар по опорному пункту. После моего разговора с комбатом тот согласился на проведение ночной атаки. Командир и штаб бригады поддержали эту инициативу, выделили средства для поддержки батальона.

Вернувшись на КП, часа два писал отчет. Не сгущал краски, но и не опускал колючие мелочи. События преподносились без обтекаемых фраз, коротко, а в конце — предложения. Мне казалось, что если их реализовать, то сразу произойдет перемена, батальоны резко повысят боеспособность и смогут быстрыми темпами продвигаться в глубину обороны противника.

Глонти долго читал, некоторые места подчеркивал, выписывал к себе в блокнот. Отложив в сторону листы доклада, потер подбородок:

— От земли не надо отрываться. Не мы определяем — наступать или обороняться. Ты вроде прокурора, тот всех обвиняет, а сам безгрешен.

Глонти не витал в облаках. Он всегда трезво оценивал события и дела людей. Терпеливо разобрал все мои замечания и предложения, как через решето их просеял. Осталось не так

много — остальные проскочили, оказавшись пустой породой.

— Чем ты помог командирам подразделений? — спросил, выжидательно глядя мне в лицо.

Я знал, что Глонти не терпел, если представитель штаба в ходе проверки фиксировал факты, чтобы доложить о них командованию, и не принял нужных мер на месте. Довести новое — значит передать полезный опыт, подмеченный представителем штаба у других. У командиров подразделений обычно много своих забот и дел, не всегда удавалось им найти время, чтобы внимательно присмотреться к действиям соседей, уловить у них полезное, заслуживающее внедрения в практику. Работник же штаба в более выгодном положении: он не только мог быстрее заметить новое, но и обоснованно доказать полезность его. Весь опыт штабной работы убеждал, что, чем больше представитель штаба выдвигал разумных предложений, направленных на повышение боеспособности подразделений и на успешное выполнение боевой задачи, тем выше становился его авторитет в войсках.

Когда я доложил о том, что было сделано в ходе проверки, Глонти снова взял в руки исписанные мною листки.

— Вроде наши части оказались в тупике, — он сердито постучал карандашом по столу. — Можно подумать, что они исчерпали все возможности.

Глонти достал ведомость соотношения сил и средств, которую я позавчера составлял вместе с разведчиком. В сухих цифрах не просматривалось даже намека на такие безрадостные выводы. Заговорил задумчиво:

— Кому же верить? Согласен — трудные условия, но воины наносят врагу урон. По показаниям пленных, в ротах у фашистов осталось по 25–30 человек. Кто, по-твоему, их обескровил? — Глонти встал, закурил. Что-то было в нем свое, особенное, мудрое. Продолжил: — А вдруг подошьют твои бумаги в дело, на обложке поставят штамп: «Хранить вечно». Исчезнем мы с тобой, возьмут в руки эту папку наши потомки, прочитают и удивятся. До чего же, скажут, наши предки плохо воевали, бестолково распоряжались людьми! А ведь не так. Черное не должно забивать другие краски…

У Глонти свой подход к проверке: начинать ее с поисков хорошего, в отчетах и докладах ставить хорошее на первое место. Он взял цветной карандаш, начал подчеркивать в моих листках, как он выражался, ценные крупинки.

Прочитал:

— «Снаряды в первой батарее выдают только снайперским расчетам»…

Резюмировал:

— Умно. Зачем же напрасно жечь боеприпасы, которые на руках приносят жители? «Командир второй роты считает, что выгоднее проводить атаки ночью»… Правильная мысль. «Приближать исходное положение для атаки до 100 м к переднему краю обороны противника»? — И опять подчеркнул: — Разумно. Меньше будет потерь в подразделениях.

Он неторопливо выбирал эти полезные зерна, оценивал их, записывал для памяти в блокнот.

Разговор уже подходил к концу, когда зашел новый командир корпуса генерал М. Ф. Тихонов. Он только что приступил к своим обязанностям. Я снова повторил основные результаты проверки. Глонти предложил написать приказ, но генерал не согласился.

— Одними бумагами положение не выправить, — пояснил он. — Надо искать другие пути.

Он выехал в 10-ю бригаду, чтобы, как он выразился, «своими глазами посмотреть на обстановку». Командир бригады подполковник Н. Е. Терешков встретил нас на командном пункте. Генерал поздоровался, сразу перешел к делу.

— Что мешает выполнить задачу? — спросил он. — Мало людей? Дайте ведомость боевого и численного состава. Противник сильный? Покажите карту с последними разведданными. Снарядов но хватает? Пригласите начальника артиллерии.

Документы изучал внимательно. Неторопливо вникал в детали, уточнял сведения у непосредственных исполнителей. Делал это не потому, что не доверял данным штабных документов и сообщению комбрига. Просто хотел попутно познакомиться с другими должностными лицами.

Без всяких записей схватывал генерал основные данные. Жизнь убеждала, что командиру положено помнить, держать в голове все важнейшие данные. Бесспорно, штаб всегда имел эти сведения, но ведь командир постоянно жил обстановкой, яснее и ближе всех видел поле боя, и вряд ли он смог бы вовремя отдать обоснованные распоряжения, четко не представляя сам состояние и возможности подчиненных частей.

К вечеру комкор определил, что для успешных действий необходимо еще больше сузить участки прорыва, предусмотреть сосредоточение на них основных сил и средств. Он считал также, что полезно работникам штаба почаще осматривать поле боя не в окуляры бинокля и стереотрубы, а с переднего края. Там ярче выступают нужды и заботы однополчан, легче нащупывается верный путь для успешного выполнения боевой задачи.

На другой день мы пошли в подразделения. Настойчиво

искали, что можно сделать, чтобы добиться перелома в ходе боя. До рассвета я пробрался в роту лейтенанта П. М. Волошина. Местность заболоченная. Командир роты приподнялся, раздвинул камыши: в серой дымке выделялись бугорки на рубеже противника.

— Три пулемета, — показал лейтенант на видневшиеся окопы. У сарая — автоматчики, а чуть дальше, в кустах, — минометный взвод. Сюда надо две пушки выкатить на прямую наводку. Если не подавить огневые точки — успеха не будет.

Волошин сдвинул камыши. Мы с ним лежали рядом. Он окончил курсы младших лейтенантов, месяц командовал взводом. Был ранен, вылечили и сразу назначили на роту. Он снова раздвинул камыши, обвел рукой, показывая своих подчиненных. Сказал:

— Все считают, что здесь рота, а реально-то — взвод. Задачу ставят как роте, с меня требуют как с ротного. Был командир взвода — вчера ранило.

Вблизи хлопнул взрыв, затем еще один. Волошин пояснил, что у противника норма: огневой налет — шесть мин; через полчаса повторяет. Я сосчитал шесть взрывов. Немцы аккуратны и точны.

Командир роты поведал о нуждах воинов, о снабжении боеприпасами, качестве пищи, о том, что неделю назад представил к награде двух рядовых, а ответа пока не было. Десятки нитей тянулись от лейтенанта к разным начальникам, от которых зависели боеспособность роты и моральный настрой воинов.

Не меньше часа я пробыл в роте. Перед уходом лейтенант показал мне, как лучше доползти до лощины.

— Голову не поднимайте, — посоветовал он.

Земля была сырой, с холодными лужами. Короткими перебежками я проскочил опасную зону.

По результатам таких проверок штабом были подготовлены предложения по объединению мелких подразделений и использованию командиров, высвобождающихся при этом, о выводе части сил во второй эшелон для отдыха и подготовки к предстоящему броску. Для всех стало ясно, что одно дело — когда штабной работник оглядывал колонки цифр, отражающих укомплектованность, состояние и обеспеченность подразделений, и совсем другое — если он лично встречался с бойцами и командирами, на месте выяснял готовность их к наступлению, вблизи наблюдал арт-налет по обороне противника и атаку стрелковых рот. Тогда эти цифры наполнялись плотью, становились вполне реальными величинами, из которых вырастал

успех.

В начале марта противник под натиском наших войск отошел за реку Протока, ширина которой немалая — до 120 м, а глубина — 3–4 м. Вдоль западного берега тянулась насыпь, местами доходившая до двух метров высоты. В нее фашисты врезали огневые точки.

С полковником Глонти выехали на НП бригады, чтобы ознакомиться с рекой и обороной противника. По донесению из бригады, наши подразделения занимали рубеж вдоль восточного берега. Но находиться на открытом месте вблизи огневых точек врага не было смысла, и командир решил отвести их на 200 м от реки. Отодвинули подразделения, а в штаб корпуса почему-то не доложили.

— Кого вы обманываете? — без всякого вступления навалился Глонти на начальника штаба бригады. — Почему безответственно подписываете документы?

Голос твердый, сердитый. Никогда я не видел таким возбужденным Михаила Варламовича. Он знал, что у меня имелась махорка, попросил закурить. Скрутив козью ножку, задымил, продолжил:

— Могу простить глупость: с кем не бывает. Выдержу, если офицер старался, но не смог выполнить к сроку задание. Все мы люди, можем ошибаться, не все знать и уметь. Но не могу простить обмана. Никто ведь вам не поставит в вину, что отвели подразделения. Но если сделали — доложите. По-честному.

Долго он отчитывал начальника штаба. Возмущение Глонти было понятно: в данном факте он видел значительно более серьезное, чем просто случайный промах в работе подчиненных. В нем просматривалось пренебрежение штаба к точности, четкости и объективности в воспроизведении обстановки. Если штаб счел возможным не доложить в вышестоящий орган даже об изменениях в положении своих войск, что являлось одним из серьезнейших нарушений, то не было гарантии, что и другие, тем более мелкие, вопросы им не упущены или не скрыты от старших начальников.

По возвращении в штаб М. В. Глонти поручил майору Т. Н. Дроздову написать приказ о недостатках в работе штабов, в котором предстояло указать и этот случай.

На другой день рано утром я вернулся из 10-й бригады, где по поручению Глонти изучал работу штаба. Недостатки в работе, которые я обнаружил, сообщил Дроздову. Тот выбрал наиболее важные и вписал в приказ. Когда приказ был подписан, я еще раз взглянул на него, и меня поразило, что значительное место в нем

заняли факты из работы штаба 10-й бригады. Получилось неладно: хороший штаб отругали, а о тех, которые допускали в работе непростительные ошибки, упоминали вскользь.

Я попытался отстоять правду, по не проявил нужной настойчивости, и приказ остался в силе.

Это, естественно, вызвало обиду в бригаде. Через день, когда пришлось заехать туда, сразу почувствовал прохладное и даже недружелюбное отношение ко мне. До этого я приходил в штаб как близкий и доверенный человек, где меня не считали посторонним и вели разговор открыто обо всем, не стесняясь, делились нерешенными проблемами, обсуждали имевшиеся недочеты. Теперь пропало прежнее доверие, словно пролегла незримая граница: здесь — наше, куда запрещено ходить другим лицам, а там, за незримым барьером, — место контролера. Начальник штаба майор П. П. Климентьев, увидев меня, сказал с обидой:

— Отругали ни за что.

Я пытался объяснить, что все в приказе указано правильно, за каждый факт я мог ручаться. Тем более я не обходил штаб бригады, даже когда направлялся в батальоны. В подразделения меня обычно сопровождал кто-нибудь из штаба, чаще старший лейтенант Н. В. Попов или же майор Н. В. Минаев. Результаты проверки сразу же становились известны командиру и начальнику штаба бригады.

Климентьев не оспаривал факты, но ставил под сомнение практику доклада командованию мелких недочетов, которые разрешимы непосредственно штабом бригады.

Начальник штаба был, несомненно, прав в том, что в каждом штабе всегда можно отыскать мелкие недочеты, которые можно устранить быстрее, чем они попадут в приказ. Тот случай заставил меня с особой силой прочувствовать высокую личную ответственность за проведение проверки работы подчиненных штабов и оценку их деятельности. Проверку в тот раз я провел добросовестно, однако основная часть работы проверяющего — устранение обнаруженных недочетов — осталась не выполненной, а значит, и деятельность моя принесла мало пользы и вызвала вполне оправданную обиду в штабе бригады.

Глава вторая
КАЖДЫЙ БОЙ — ЭКЗАМЕН

В марте 1943 года в один миг погибло управление 10-й бригады. Налетела группа самолетов. Комбриг вручал в доме награды. К счастью, многие уже успели их получить и были отпущены к себе в подразделения. Бомба попала в угол этого дома. Погибли командир бригады подполковник Н. Е. Терешков, начальник штаба майор П. П. Климентьев, начальник оперативного отделения майор Н. В. Минаев.

В апреле состоялся приказ о назначении меня начальником штаба этой бригады. Беспокоило, справлюсь ли с новыми обязанностями? Проще вскрывать чужие недостатки, записывать распоряжения, составлять отчеты — значительно труднее отвечать не только за себя, но и за работу целого коллектива.

Легко рассуждать и оценивать чужой труд, когда дело уже сделано. Если не добились успеха, можно найти причины. «Удар-то надо было наносить не утром, а ночью, когда бдительность у фашистов снижена, боевой порядок строить не в один эшелон, а в два, бить не в лоб, а в обход…» Секрет этой «прозорливости» состоит в том, что события рассматриваются задним числом, когда определились замыслы противника и налицо результаты боя. А попробуй все это предугадать заранее! Не всегда удается найти единственно верное решение.

Волновало и другое. Пока я выступал в роли рядового работника штаба, воспитал в себе в основном одно качество — исполнительность: «напиши — сходи». И в этой роли как-то терял способность самостоятельно решать вопросы, привыкал жить, прикрываясь от напора колючего ветра спиной начальника. И вот прикрытие исчезло — сумею ли выдержать напор, хватит ли силы и воли быть ведущим?

Многих начальников штабов я знал. Все они не похожие, разные, по-своему несли на плечах большой груз обязанностей. Особняком от всех — полковник М. В. Глонти. Он быстро реагировал на события, решал вопросы смело, не откладывая, был напористым. Иногда он коршуном налетал на исполнителя, но, по-деловому разобравшись в его промахе, быстро остывал, будто брал на себя часть его вины, и вместе с ним искал, как можно исправить допущенную ошибку.

За семь месяцев работы в штабе корпуса я понял источник авторитета Михаила Варламовича. Он не только много знал, но и умел передать эти знания и навыки другим, научить их работать с

полной отдачей своих сил, проявляя при этом самостоятельность и творчество, ценил исполнителя, который не повторял азы, находил в каждом деле что-то новое, лучшее. Даже если в своих поисках тот забегал слишком вперед, отрывался от земли, то и тогда он по-дружески говорил:

— Держи в себе эту идею, со временем она пригодится.

Иногда идея не находила применения, а автор, окунувшись в дела и в обстановку, убеждался сам, что задумывал нереальное, и выбрасывал ее из головы.

Но и начальник штаба не всегда все знал. Слишком много обрушивалось на него неожиданных вопросов, которые требовалось решать. Глонти в таких случаях садился рядом с исполнителем, интересовался его мнением, внимательно выслушивал доводы, не перебивал, иногда вступал в спор, доказывал свое. Если исполнитель был твердо убежден в правоте своих взглядов и не отступал от них, то это нравилось начальнику штаба.

Отчетливо выделялась еще одна его черта — человечность. Думается, требовать начальнику легче — труднее проявлять заботу о подчиненном. Забота многолика. Но в чем бы она ни проявлялась, всегда отрывала время и силы начальника, которых часто у него не хватало даже на решение самого неотложного.

Он был деловым и требовательным, знающим и терпеливым, способным учиться у подчиненных и учить их, человечным и общительным. Даже просьбы его приобретали силу приказа. Уважительность и тактичность его в обращении воспринимались офицерами как большое доверие, и ни один из начальников родов войск и служб, непосредственно подчиненных командиру, никогда не ставил под сомнение правомерность отданных им распоряжений и не проходил мимо, чтобы ее поделиться своими заботами и не обсудить совместно возникающие проблемы, перед тем как докладывать о них командиру.

Каждый начальник штаба в процессе своей повседневной деятельности делился опытом, знаниями, учил подчиненных профессиональному мастерству, отдавал им тепло своей души, развивал у них необходимые в бою и жизни высокие нравственные качества. Учил и воспитывал других своим примером мужественного поведения в сложных условиях обстановки, своей организованностью и четкостью в работе, обстоятельностью и убедительной обоснованностью в подходе к оценке событий.

Все это я имел в виду, начиная работать начальником штаба.

Инструктируя меня, генерал М. Ф. Тихонов был немногословен:

— Результаты твоей работы — в успехах бригады. Нет успеха — работал вхолостую, выполнила задачу бригада — отлично действовал штаб и его начальник. Другого показателя для оценки работы нет.

Начальник штаба корпуса похлопал меня по плечу, улыбнулся:

— Надеюсь, что работу наладишь. Не зазнавайся. Спрашивай, если что не знаешь. Береги себя, без нужды не суйся в огонь.

И вот я направился к новому месту службы.

Весна была в полном разгаре: на полях дружно зеленели всходы, светлели деревья, прикрытые нарядным редким кружевам молодых и клейких листочков, парила земля, прогретая щедрым южным солнцем. Далеко в синеве одиноко заливался смельчак жаворонок. А за небольшой бурной речкой шел огневой бой, на поле взлетали черные кусты взрывов, и дым заволакивал землю.

Штаб бригады разместился в небольшом овраге. С десяток землянок, перекрытых камышом и тонкими жердями, рядом с ними повозки, восемь коней на привязи. В землянках в такой день неуютно, сыро, и потому многие офицеры вышли на воздух: одни писали, другие о чем-то беседовали, третьи, пригретые солнцем, спали. Позади землянок дымила кухня.

Я уже оглядывал порядок на КП глазами начальника. Всегда ведь так: новый человек обычно ярче видит предметы, которые примелькались в глазах у других.

Всех офицеров здесь я знал. Теперь для большинства из них я — начальник. Дела не ждали, они сразу же навалились на меня, и требовалось их решать немедленно, без всякой примерки.

Первым заглянул секретчик, он просил выделить ему коня и повозку. Попал под бомбежку, лошадь погибла, повозка развалилась. Деловой и серьезный, он сразу же подсказал, где можно все взять.

Позвонил Дроздов: не поступил отчет за первую половину месяца, а сроки вышли. Начальник оперативного отделения капитан И. В. Попов завершил оформление карты с решением в самый последний момент: через 10 минут комбригу предстояло ставить задачи подчиненным.

— Полтора часа было на всю работу, — оправдывался он. Молодой, энергичный, с вихрастым чубом, свисавшим на лоб, он пока тоже врастал в новую должность. До этого являлся помощником и теперь нередко забывал, что поднялся на ступеньку выше, норовил все сделать сам.

Пишущая машинка тарахтела так, что казалось — не выдержит нагрузки и в скором времени распадется на части. Две буквы выскакивали из общего строя и ложились сверху строчки,

мягкий знак почти не просматривался в тексте. Пришлось заменить машинку, взять для штаба лучшую. Строчки выровнялись, все буквы заняли свои места. В документе стали более отчетливо видны погрешности. В подготовленных оперативным отделением боевых распоряжениях встречались опечатки, подчистки, видимо, готовились они в спешке. Перед тем как подписывать их, пришлось внести поправки.

Николай Васильевич взглянул на часы, пожал плечами.

— Это же не штаб корпуса, — напомнил он. — Здесь попроще.

— Как «попроще»? — возразил я. — Боевые документы в любом штабе должны быть одинаково добротными, строго выдержанными по форме, грамотно и культурно написанными.

Конечно, всякий документ, разрабатываемый в штабе, имеет одно общее свойство: любит долго прихорашиваться. По-разному можно заменять слова, переставлять фразы и знаки препинания, и все будет казаться, что еще немало нужно внести уточнений, чтобы завершить подготовку документа.

В своей практике я встречал начальника, который переставлял слова скорее по выработанной привычке, чем по необходимости. Такие пустопорожние перестановки обижали исполнителя, ослабляли его настойчивость в поисках нужных слов и выражений при разработке последующих документов. Если уж старший вносит уточнения в текст, то они должны повышать качество документа, ярче высвечивать его содержание и не вызывать ни у кого сомнений в их обоснованности. В этих поправках — авторитет, знания, культура самого начальника.

Те, кто в свое время исправляли подготовленные мною документы, в большинстве много знали и, внося уточнения, учили меня, помогали вырабатывать необходимые навыки. Теперь мне предстояло быть похожим на своих учителей. А эта задача оказалась не из легких. Исполнитель стоит над душой, сверлит глазами карандаш, зажатый в руке начальника. Если в такой момент начальник с налета впишет между строк свою не совсем приглаженную мысль, а затем начнет ее подправлять, заменяя и переставляя слова, то сомнения исполнителя в ненужности внесения поправки укрепятся и он уже без всякого уважения станет присматриваться к этой работе. С учетом всего этого требовалось формировать взгляды офицеров штаба на отношение к разрабатываемым документам.

За последние дни на качество планирования боя в какой-то мере отрицательно влияло неполное выполнение батальонами поставленных боевых задач. У офицеров штаба появилось моральное оправдание перед своей совестью: зачем, мол,

шлифовать формулировки, если задачи оказывались нереальными, а порядок их выполнения изменялся и уточнялся на поле боя. Я уже давно заметил определенную закономерность: если командир и штаб снизили требовательность к планированию и организации боя, то подразделения снижали активность и настойчивость в выполнении своих боевых задач. Здесь все находилось во взаимной связи. Когда намеревались переломить обстановку и добиться успеха на ноле боя, то обычно начинали с пересмотра взглядов, содержания и метода работы командиров и штабов по планированию и организации боевых действий.

Не могли служить оправданием низкого качества оформления документов короткие сроки, отведенные на подготовку наступления. Очень справедливо подметил однажды М. В. Глонти, что надо волчком крутиться, но не допускать брака.

Я посмотрел на часы — времени не оставалось. Снова вгляделся в боевые распоряжения: поправки в них казались заплатами, небрежно наложенными на дыры. По этим штопаным документам командиры вынуждены будут принимать решения, а штабы планировать бой. Решение одно: перепечатать! Это суровый урок. Понимал и состояние своего заместителя. В душе он крепко ругал меня. Но лучше с первого шага все поставить на свое место: документы должны всегда разрабатываться грамотно и культурно. Попову же посоветовал впредь предъявлять аналогичные требования к подчиненным.

Командир бригады подполковник Г. С. Кукс выразил неудовольствие задержкой с отправкой боевых распоряжений.

— Такого еще не было, — справедливо кольнул он нового начальника штаба.

С ним я согласился: штаб обязан все выполнять в установленные сроки, опозданию нет никаких оправданий. Борьба за сроки — одна из самых больших забот начальника штаба…

Уже поздно вечером заглянул в первый батальон, которым командовал майор Г. И. Диордица. Его знали не только в корпусе, но и в армии. Где труднее — там его батальон. Не подводил, и к этому все привыкли. Говорил он напористо, смело давал оценку обстановке. Я всегда уважал его за решительность, самостоятельность, сноровку, за готовность пойти на оправданный риск в бою.

Посетовал, что в предстоящем бою придется форсировать неширокий, но глубокий и полноводный канал. Доложил, что предусмотрел наводку наплавных мостов из бревен. За час до атаки готовые секции настила мостов будут доставлены к местам переправы.

Заслуживала похвалы его смелость в выборе места для форсирования. Все было за то, чтобы переправить батальон на участке, примыкающем к правому флангу. Там в воде торчали сваи от разрушенного моста, которые могли быть использованы для оборудования переправы, куда подходила наезженная дорога, обеспечивающая быстрое выдвижение подразделений через заболоченную пойму, а на берегу, перед бывшим мостом, росли густые и высокие кусты, скрывающие войска от наблюдения со стороны противника.

Видимо, и фашистское командование также оценило значение, которое имел для нас этот участок, сосредоточив против него значительные силы и огневые средства.

На левом фланге — местность открытая, заболоченная, с ржавыми пятнами луж. Но именно здесь, на неудобном, но зато слабо прикрытом противником направлении, комбат планировал бросить на врага основные силы, а на правом фланге — оставить для переправы только, один взвод.

Риск? Конечно, причем значительный. Еще днем командир бригады, прежде чем утвердить решение командира батальона, направил офицеров штаба, приказав им на месте разработать мероприятия, способствующие успеху батальона. Чтобы скрыть от противника подготовку форсирования на левом фланге, по рекомендации штаба комбат провел рекогносцировку местности в районе разрушенного моста, и, особенно не заботясь о мерах маскировки, связисты днем развернули здесь проводную связь, к вечеру на двух повозках саперы подвезли бревна, а с наступлением темноты пять солдат старательно застучали топорами, якобы готовя переправочные средства. Создавалось впечатление, что батальон живет одной заботой — как лучше подготовить бросок через канал на правом фланге. Вместе с тем с постов, развернутых вдоль канала, с особой тщательностью наблюдали за всеми передвижениями подразделений противника.

Вместе с комбатом мы вышли на участок форсирования. Через заболоченную пойму уже подтаскивались лошадьми к берегу готовые секции настила мостов, устанавливались на огневых позициях орудия для стрельбы прямой наводкой, а вдоль берега пехота старательно отрывала окопы.

Подготовка к форсированию шла полным ходом. Атака была назначена на рассвете. НП бригады разместился на небольшой, но заметной высоте, недалеко от канала.

Вместе с комбригом на наблюдательном пункте находились я, начальник артиллерии майор А. В. Быстров, начальник разведки капитан А. Р. Порожняк и помощник начальника связи капитан М. Г. Чернуха. У разведчика на небольшом листе ватмана

расчерчена таблица, на которой представлены вся группировка противника и ее состав. В любое время он мог доложить не только о выявленных огневых средствах. Небольшая, удобная таблица сразу же приглянулась мне, и в дальнейшем, с кем бы из начальников разведки ни приходилось работать, каждому из них советовал готовить примерно такую же.

Порожняк — разведчик по призванию, энергичный, грамотный. У него удивительная способность вести наблюдение за полем боя. На карту сноровисто наносил вновь появившиеся огневые точки. Андрей Родионович любил точность и обоснованность в выводах о противнике. Если же не имел проверенных данных, то не спешил со своими соображениями.

В планшете под прозрачной пленкой у меня лежала ведомость боевого и численного состава бригады. За последние тяжелые бои немало гвардейцев выбыло из строя. Всего в бригаде имелось чуть более трети штатного состава. Цементировали подразделения ветераны, прошедшие большую боевую закалку, накопившие мастерство и опыт… Каждый второй воин был коммунистом или комсомольцем.

Непосредственная подготовка форсирования проходила по плану. Офицеры штаба, направленные в подразделения для контроля, периодически докладывали о завершении очередных работ в батальонах.

Приплыл через канал разведчик. Порожняк подозвал его. Небольшого роста, в маскхалате, мокрые волосы прилипли ко лбу. Оказывается, радиостанцию у разведчиков разбило. Сведения его были важные: противник подготавливал все к отходу. Не исключено, что в первой половине ночи оставит рубеж. Вывод их был очень смелым. Одним наблюдением они определили это. Можно ли верить?

Противник, возможно, и собирался отойти, но пока стрельба не стихала. Комбатов мы предупредили о возможных действиях врага, усилили наблюдение. На мой взгляд, был очень удачный момент для нанесения нашего удара. Мне казалось, что нужно немедленно приступить к форсированию канала, иначе удар бригады придется по пустому месту. Но командир не спешил вносить изменения в принятый план боя. Он долго всматривался в короткие вспышки огня на западном берегу, поговорил по телефону с командирами батальонов, уточнил некоторые данные. Для него неубедительно выглядели выводы разведчиков: они могли допустить ошибку, не представляя, к каким последствиям она приведет.

Ничего не оставалось, как отправить на западный берег вторую разведывательную группу. С нетерпением я ждал от нее

данных. Донесение было благоприятным: разведчики обнаружили движение машин и повозок в западном направлении. Комбриг согласился перенести начало наступления на более раннее время.

В каждом решении всегда есть риск. Если бояться риска, то вряд ли можно добиться успеха. После короткого огневого налета в 2 часа ночи передовые подразделения на подручных средствах сделали рывок через канал. Противник открыл огонь. Первые пленные испуганно таращили глаза, не понимая, как оказались в их обороне русские. Они ведь через полчаса должны были отойти на новый рубеж, но наша атака спутала их карты, сорвала организованный отход.

К утру саперы навели мост, по которому началась переброска артиллерии, машин и повозок. Это уже был успех. Противник побежал. Стремительно покатились за ним наши подразделения.

Была освобождена большая станица Анастасиевская. В центре ее, около одного из домов, стояли прислоненные к стене три ПТР. В доме за столом сидели бронебойщики во главе с командиром взвода лейтенантом Иваном Яковлевичем Остапенко. Его слава гремела под Гизелью, где вместе с братом они уничтожили за один бой два десятка танков. Невысокого роста, плотный, черты лица не выточены резцом, а будто любовно вылеплены мягкими, чуткими пальцами — ни одного острого выступа, ни одной морщинки, все заботливо округлено и сглажено. Говорил он с сильным украинским акцентом.

Я пришел некстати: хозяйка накрывала на стол.

В этом бою успехи у них были внушительные: четыре подбитых танка — два приходилось на долю самого лейтенанта. Он поведал о том как о самом обычном деле:

— Зашли с тыла, били в корму, ни одного промаха. Все стоят за сараем, отсюда рукой подать.

Больше ни слова. Подвиг всегда прост. Если же о нем много говорили, то он чаще всего обрастал выдумкой, дополнялся деталями и подробностями, которых не было на самом деле.

Все семь человек во взводе степенные, с прокаленными солнцем и ветром лицами. Всякий уважающий себя мастер обычно не хвалился своими золотыми руками и умной головой, а норовил вложить душу и свое умение в дело, и оно уже выставляло напоказ достоинство и высокие качества исполнителя. Для них подбитые танки — это самая высокая оценка ратной деятельности.

Я читал как-то статью в газете о бронебойщиках, написанную Остапенко; напомнил ему о ней.

— Корреспондент сработал за меня. Мы сами смеялись: «Утро озарилось», а была слякоть, — говорил он, широко улыбаясь и

показывая свои крепкие, слегка пожелтевшие зубы.

С виду увалень, пройдешь мимо и никогда не признаешь в этом невысоком воине с мягкими, сглаженными чертами лица большого труженика, отчаянно смелого и находчивого в бою.

Быстро расправились бронебойщики с котелком картошки, который хозяйка поставила на стол. От самокруток повалил дым, и через несколько минут в избе даже потемнело.

— Может быть, дадут передышку? Все время в боях, устали, — сказал один из бойцов.

— Отдых пока не предвидится, — ответил я. — Сдвинули с рубежа противника, теперь его надо гнать дальше.

Бронебойщики согласно закивали.

В нескольких километрах от Анастасиевской фашисты зацепились за новый рубеж. В центре полосы наступления был второй батальон. Им командовал капитан И. П. Рудко. В его характере как бы слились воедино две черты: смелость и скромность. Говорил он неторопливо, слегка приглушенным голосом. Те, кто работал с ним, знали, что замыслы его всегда отличались обоснованностью и оригинальностью.

Вот и теперь решение на захват промежуточного рубежа сводилось к тому, что удар наносился на узком участке силами двух наиболее укомплектованных рот, а на остальном широком фронте оставалась одна рота, которой предстояло отвлечь внимание противника и принять огонь на себя. Для того чтобы ввести фашистов в заблуждение, артиллерия ставила дымовыми снарядами завесу на время броска пехоты через ничейную полосу.

Оставалось около часа до атаки. Я выдвинулся в роту старшего лейтенанта В. К. Дружина, чтобы убедиться в готовности подразделений к бою. Василий Константинович, прищуривая от солнца свои светлые глаза, указал на местности все огневые точки врага, четко определил, кто и когда их подавляет. Он считал, что у противника здесь мало сил.

— Серьезного боя на этот раз не будет, — заверил Дружин. — Рубеж у фашистов невыгодный: позади болото.

Думаю, он недооценивал противника. Суровая практика выработала осторожность в подходе к оценке сил и возможностей врага, и я не спешил с выводами. По моим данным, бригада могла встретить в своей полосе до батальона врага с 10–12 танками. Невыгодное же положение рубежа, занимаемого противником, ограничивало создание им глубины обороны, но зато вынуждало иметь высокую плотность огневых средств на переднем крае. При таком построении обороны было необходимо подавлять огневые точки врага все одновременно, что при недостатке в подразделениях боеприпасов создавало серьезные трудности в

организации огневого поражения.

И вот началось… Вслед за коротким артиллерийским налетом пехота дружно атаковала врага. Фашисты, не выдержав, отошли. Предвидение командира роты, к счастью, оправдалось.

Позвонил полковник Глонти, выразил неудовольствие, что не мог в течение 8 минут разыскать меня.

— Начальник штаба не имеет права ни на одну минуту быть без связи, — строго сказал он. — Всегда и везде с ним связь. Запомни, больше повторять не буду.

Я доложил последние данные обстановки, он остался доволен нашими успешными действиями.

Глонти все эти дни держал бригаду в поле зрения. Мне казалось, что каждый мой шаг он видел издалека, и часто поздно вечером, когда спадало напряжение боя, звонил, спрашивал о делах и возникших трудностях. Даже за промахи сильно не ругал, словно давал время окрепнуть, врасти в должность.

Однажды под вечер он зашел в штаб, послушал мои указания офицерам по организации обеспечения. Сидел молча. Изредка я бросал взгляд на него, пытаясь уловить оценку моей работы. Когда офицеры ушли, он похвалил за конкретность и обстоятельность указаний. Потом предложил подумать о том, нужно ли всем исполнителям с такой подробностью ставить задачи. Не стал ждать ответа, высказал свое мнение. Оно сводилось к тому, что начальник, как бы обстоятельно ни перечислял, что и как нужно сделать, не в состоянии охватить в полном объеме содержание и порядок выполнения заданий. Всегда останется значительная часть вопросов за пределами указаний, которые потребуется решать непосредственно исполнителю, ориентируясь при этом на основные отправные данные, изложенные начальником.

Поэтому разумнее, считал он, если начальник, отдавая указания, не мельчит, не забивает их второстепенными подробностями, а оставляет такие вопросы на решение самого исполнителя. В этом проявляется доверие к подчиненному, уважение к его опыту и мастерству, и в то же время достигается неизмеримо большее — вырабатывается у него смелость, творческий подход к выполнению своих обязанностей, что положительно сказывается на работе штаба в целом.

В ходе боев происходила «притирка» командира с начальником штаба. В первые дни чувствовалось, что командир не находил приемлемого тона и формы обращения со мной. Видимо, настораживала его моя молодость: шел-то мне двадцать четвертый год. Но на войне в таких звеньях, как батальон и бригада, молодость служила успеху дела. Слишком большая

нагрузка падала на офицера, она сразу же делала его взрослее, серьезнее.

Постепенно лед взламывался, взаимоотношения приобретали деловой настрой. Не возникло разногласий и в решении вопроса о том, где быть в ходе боя начальнику штаба. Хотя каждый из начальников штабов, которых я знал, решали его по-своему: некоторые оставались на КП, получая данные обстановки ив донесений и докладов подчиненных, другие делили все пополам с командиром, находясь на НП, и своими глазами улавливали изменения, происходящие на поле боя. Я считал, что, будучи на НП, больше принесу пользы в управлении.

«Бумаги пусть полежат» — так решили мы с командиром бригады. Только вечером, вернувшись на КП, я просматривал основные документы, а остальные без всякой резолюции принимали к исполнению должностные лица и в положенное время докладывали о них.

С первых же шагов работы надежной опорой для меня стали начальник разведки капитан А. Р. Порожняк и начальник оперативного отделения капитан Н. В. Попов. Это две руки начальника штаба. Самые близкие и доверенные офицеры, которые несли на себе значительную тяжесть работы. Они исключительно быстро реагировали на события, точно выполняли любые распоряжения, чутко улавливали изменения в характере боевых действий, смело вскрывали просчеты и устраняли трудности с выполнением поставленных задач.

Все это позволяло им со знанием дела, обоснованно подходить к разработке мероприятий по организации боя, авторитетно оказывать помощь командирам батальонов в управлении подразделениями, умело подготавливать отчеты, боевые донесения и сводки.

К исходу 26 апреля наша бригада, включенная в состав 10-го гвардейского стрелкового корпуса 56-й армии, сосредоточилась недалеко от Крымской. Противник на этом направлении вцепился в высоты, опутал траншеями берега речушек, обложил подходы к рубежу минами. Два дня нам дали на подготовку к наступлению. Бригаде предстояло захватить высоту 195,5 и вместе с другими соединениями овладеть Крымской.

Накануне наступления была проведена разведка боем. Батальон, встреченный сильным огнем, залег перед проволочным забором и не смог пробиться к переднему краю обороны врага. По всем данным, предстоял напряженный бой. Мы готовились серьезно. НП бригады выдвинули в непосредственную близость к переднему краю, чтобы обеспечить постоянное наблюдение за

полем боя, надежную связь и оперативное управление подчиненными подразделениями.

Обычно привыкли повторять: потеря связи — это потеря управления. Не совсем так. Связь многогранна. Она представлена не только радио- и проводными средствами, но и обменом письменными документами, посыльными, сигналами, командами, личным примером, голосом. Не может быть, чтобы разом исчезли все виды связи и штаб бригады оказался не способным получить данные обстановки и довести решение командира. Такого состояния невозможно даже представить. Но все-таки более доступной и привычной оставалась проводная связь.

К сожалению, в бригаде имелось только 3,5 км телефонного кабеля, причем изрядно изношенного. Начальник связи майор А. В. Нефедов — большой оптимист, при нервом же знакомстве заверил, что в любых условиях связь будет устойчивой, важно, чтобы батальоны успешно продвигались вперед. Алексей Васильевич — хороший специалист и толковый организатор. Даже при таких куцых средствах он сдержал свое слово и обеспечивал надежную связь в самые напряженные периоды боя.

Утром 29 апреля задрожала от взрывов земля. Артиллерийская подготовка продолжалась сто минут. Оборону врага затянул густой дым. И все-таки, когда поднялась в атаку пехота, высота ощетинилась пулеметами. Подразделения залегли на ее восточных скатах. Одного рывка не хватило, чтобы ворваться во вражеские траншеи.

Связь с батальонами поминутно рвалась. Связисты едва успевали ее восстанавливать. Обстановка накалялась. Начальник штаба второго батальона капитан Д. А. Книжник сообщил о сильном огневом сопротивлении противника. Командир первого батальона майор Г. И. Диордица докладывал о больших потерях в ротах. Григорий Иванович уверял, что если артиллерия не подавит ожившие огневые точки, то батальон не сможет выполнить задачу. Самые большие потери, сообщал он, понесла вторая рота. Я знал, что комбат мужественный офицер, но думалось, что на этот раз он рассматривал обстановку через темные очки.

Уточнив, где находится командир второй роты, я побежал к нему. Браг произвел очередной огневой налет, и тяжелый дым повис над землей. Можно было вернуться, но упрямство толкало вперед. Лейтенант Е. А. Богданович торопливо отполз в сторону, освобождая место в укрытии рядом с собой. Снизу вверх приходилось смотреть на траншеи врага и его огневые точки.

— Потери — восемнадцать человек, — доложил Богданович. — Огонь сильный, головы не поднять.

Я пытался найти причину неудачи. Несомненно, противник занимал выгодный в тактическом отношении рубеж, имеющий хороший обзор и обстрел. Но ведь обороняющиеся всегда закрепляются на выгодном рубеже, а наступающие никогда не имеют всех данных об их огневой системе, и потому нельзя рассчитывать на подавление всех пулеметных точек.

Нельзя было не заметить, что рота, приблизившись к объектам атаки, снизила огневую активность. Редко слышались автоматные и пулеметные очереди, почти бездействовали ПТР и приданные орудия, предназначенные для стрельбы прямой наводкой. Своим огнем рота могла бы немало сделать для подавления пулеметных точек врага и подготовки броска к его переднему краю.

Чем ближе к обороне противника, тем убедительнее подтверждался вполне оправданный вывод: успех атаки — в огне всех видов оружия — винтовок, автоматов, пулеметов, противотанковых ружей… Тысячи пуль — неоценимая и весомая добавка к огню артиллерии и минометов. Если не стрелять — значит быть беззащитным и беспомощным на поле боя.

Богданович заверил, что повысит огневую активность своих подразделений.

Вернувшись на КП, я доложил командиру свой вывод. По всем каналам связи настойчиво зазвучала команда: усилить огонь. Хорошая и нужная команда запоздала, она не произвела ожидаемого эффекта. Ее требовалось довести до сознания каждого еще до перехода в атаку, чтобы воин сроднился с мыслью, что без его огня не прорвать оборону, что одна артиллерия не сможет надежно подавить все огневые точки.

Время шло, а перелома в обстановке не происходило. Невольно возникал вопрос: почему же с первой попытки не захватили высоту? Причины были ясны. Штабы не успели по-настоящему изучить оборону. Проводимая накануне разведка боем нацелила противника, показала место, где в ближайшее время начнется атака основными силами. Планирование огня артиллерии проводилось по площадям, рубежам, а не по конкретным целям. Вспахали снарядами поле, но многие огневые точки оказались неподавленными.

Вывод напрашивался один — надо тщательно организовать разведку. Поставил задачу капитану Порожняку направить в тыл разведгруппу.

Учитывая характер обороны противника, сделать это было сложно. Очень внимательно следили гитлеровцы за своим передним краем. И все-таки в одну из ночей разведчики нашли лазейку и проникли в тыл обороны. За ними просочилась рота

старшего лейтенанта Берулина. Она смело атаковала противника с тыла. Ее дерзкие действия, поддержанные с фронта основными силами 1-го батальона, принесли успех. Высота задрожала от взрывов. Стремительно действовали роты П. Н. Сысоева и Н. В. Савинкова, все глубже вгрызаясь в оборону врага.

Начальник штаба батальона капитан Г. М. Явруян доложил обстановку, и я понял, что необходимо как можно быстрее нарастить силы на участке прорыва.

Командир второго батальона капитан И. П. Рудко, не ожидая указаний, по своей инициативе нацелил роты на использование успеха соседа. Вслед за ним пошел, уже по распоряжению комдива, и третий батальон.

Сопротивление противника нарастало. Около двух десятков бомбардировщиков нанесли удар по нашим подразделениям, огневым позициям артиллерии и наблюдательному пункту. Два взрыва грохнули рядом, между ними оказался наш НП. Стенки его не выдержали и обрушились. Забило уши, оглушило, засыпало землей. Я разгреб землю, выбрался из разрушенного окопа. Светило солнце. Никаких звуков, будто все замерло. С трудом поднялся на ноги. За мной выполз начальник разведки капитан А. Р. Порожняк. Тяжелый дым медленно рассеивался над полем. К счастью, командира не было на НП. Порожняк лег на бок, рукой прикрыл глаза, долго сплевывал. Я попытался закурить, но после первой затяжки потянуло на рвоту.

Вспомнилось: точно так же тряхнуло меня в Прибалтике на второй неделе войны.

Бой не терпел пауз в управлении. Кто-то требовал к телефону начальника штаба. Связист, не зная причины задержки ответа, что-то мне говорил, показывая на аппарат. Я махнул рукой: мол, подожди малость. Сел на край воронки. Медленно, словно издалека, стали вползать обессиленные звуки. Наконец совершенно отчетливо услышал взрывы снарядов и скороговорку автоматных очередей. Порожняк сидел еще с полчаса, бледный, с закрытыми глазами.

На левом фланге второй батальон отбил контратаку. Отличились бронебойщики лейтенанта М. Н. Туницкого. Михаил Николаевич влюблен в свои ПТР. Когда расчет вышел из строя, Туницкий занял место наводчика. Стрелял он без промаха. Два танка подбили бронебойщики и один — артиллеристы. Все усилия фашистов удержать высоту оказались тщетными. Наши подразделения решительно продвигались вперед.

Вскоре поступили данные от старшего лейтенанта И. Ф. Тарханова (недавно назначенного помощником начальника оперативного отделения штаба бригады) о захвате высоты

передовыми подразделениями. Вместе с начальником артиллерии майором А. В. Быстровым мы прикинули районы новых огневых позиций. НП бригады переместился на отвоеванную высоту.

4 мая Крымская была освобождена. Мы считали, что она — ворота Тамани и если овладеть ею, то враг побежит из Новороссийска. Но предположения не оправдались. Противник занял другой подготовленный рубеж. Для развития успеха требовались свежие части. К вечеру был получен приказ передать занимаемые позиции и выйти во второй эшелон корпуса. До наступления темноты я ознакомил прибывших офицеров с положением наших подразделений и данными о противнике.

Смена всегда таила в себе опасность. Враг мог нанести удар и наделать неприятностей. В такие минуты место офицеров штаба — в подразделениях. Я отправился в роту лейтенанта П. Н. Сысоева. Она находилась во втором эшелоне, недалеко от НП. Сысоев — один из беспокойных и добросовестных офицеров. Даже когда на фронте устанавливалось затишье или, как теперь, рота находилась вне соприкосновения с противником, он не снижал свою деловую активность. Ему требовалось что-то еще решить, уточнить, проверить, поговорить с одним из подчиненных, и он был убежден, что ни одно из этих дел нельзя отложить на другое время. Нравились мне вдумчивость и рассудительность Сысоева. Помню, во время одного короткого и быстротечного боя он вдруг остановил роту и отвел ее на исходные позиции, чтобы подготовить новую атаку.

— Если начались перебежки, то выгоднее все начать сначала, — заявил он уверенно и твердо. — Одиночки, которые перебегают на поле, рубеж не захватят. Даже если вскочит смельчак в траншею врага — ничего не сделает полезного. Надо добиваться одновременного броска всей роты. Настойчиво продвигаться, не «приземляясь», пока под ногами не окажется траншея противника.

Я высказал опасения, что при такой атаке можем потерять всех людей.

— Надо давить его огневые точки. Подчинить командиру роты орудия. Я спрошу с артиллеристов за результаты стрельбы, — убежденно обосновывал он свои выводы.

Он был прав: там, где начинались перебежки на поле боя, трудно и долго рождался успех. Перебежки — это затухание атаки. На оборону врага накатывалась не грозная волна, а набегали одиночки. Следует добиться одновременного броска на оборонительный рубеж всех подразделений.

Заглянул сюда и помощник начальника штаба батальона младший лейтенант А. В. Небылица. Очень молодой,

расторопный, отчаянно смелый. За полчаса под огнем противника побывал у всех командиров рот, проверил готовность их к смене. Александр Васильевич недавно стал трудиться в штабе. Он еще не представлял в полном объеме свою работу, на первых порах выполнял разные поручения. Прав был Глонти, когда говорил, что штаб ответствен везде, во всех делах и свершениях. Это не противоречило важнейшему, оправданному практикой принципу: в любом звене управления нужна специализация офицеров, разделение труда, иначе не выработать у них в короткие сроки прочных знаний и навыков, нельзя сделать их мастерами своего дела.

Бригада была отведена недалеко от передовой. Редкие снаряды залетали сюда. Слабо слышались пулеметные очереди. Двигались медленно, радуясь солнцу, траве, птицам. На поле, через которое лежал наш путь, только пробивалась трава, но и она ласкала глаз, радовала.

В ручейке я помыл сапоги, напился и сел на корягу, не спуская глаз с журчащей полоски воды. Задумался о том, что же сделал за минувшее время в штабе бригады. Изменив методы работы, поднял ли чуточку выше культуру офицеров в выполнении ими своих задач? Копался в бумагах, решал разные вопросы. Захлестнула текучка, не стало времени, чтобы подумать о новом. Многое решал с ходу, без всякой подготовки. Но горше всего сознавать, что начальник штаба пока еще для некоторых офицеров похож на толкача. Толчок — сдвинулась работа, нет его — застыла она без движения. Слишком много я брал на себя, лишая исполнителей самостоятельности. Видимо, следовало с большим доверием оценивать возможности исполнителей. И в то же время строго контролировать их, а если надо, и строго спрашивать.

Во время смены подразделений произошел такой случай. Во втором батальоне еще до наступления темноты связисты сняли проводную связь. По их действиям противник безошибочно мог определить, что на этом участке производилась замена подразделений. Разве командир взвода, отдавая распоряжение, не знал этой простой истины? Знал, но ему хотелось до темноты собрать провод и уложить в повозку. Никакое наказание не возместило бы тот ущерб, который он мог нанести своими необдуманными действиями. Виноват и начальник штаба батальона, что без его ведома выполнялись такие работы. Пришлось с обоими вести серьезный разговор.

О многом я передумал в те недолгие минутки отдыха. Вспомнил я и о том, как однажды начальник штаба батальона капитан Г. М. Явруян высказал дельную мысль: не писать боевые

донесения, а изготавливать их на схеме. Заманчивое предложение. В порядке эксперимента я ему разрешил перейти на графические донесения. Но первую же схему штаб выполнил небрежно, с ошибками. Хорошая идея оказалась нереализованной. Легче всего отменить эксперимент, если сам автор потерял интерес к нему. Но выгоднее было не губить росток хорошей идеи. С капитаном И. В. Поповым вдвоем потрудились над усовершенствованием схемы, внесли дополнительные данные, пристроили к ней таблицу, в которой могли быть отражены потери и запасы. В таком виде ее можно вводить в практику работы штабов батальонов.

Сама жизнь доказывала, что писать нужно как можно меньше и только о самом необходимом. При этом оправданно, если содержание документов будет отличаться простотой, ясностью, а поэтому написание их не потребует от исполнителей серьезного анализа и обобщений. Четкий вопрос — короткий ответ. Такой документ осилит любой офицер, ему не нужно тогда затрачивать много времени на его составление. Разработанная схема отвечала этим требованиям. Капитан Явруян познакомился с ней и остался доволен. Его идея получила признание.

Были и другие дельные предложения. Начальник строевого отделения старший лейтенант М. В. Поляков не имел военного образования, не мог похвастать выправкой, но отличался добросовестностью и исполнительностью. В его сфере работы вроде все уже было давно уложено в формы и таблицы и вряд ли что можно было изменить и усовершенствовать. Но, в совершенстве зная состояние учета, он предложил вместо двух ведомостей о движении личного состава, которые подготавливали штабы батальонов, разрабатывать одну, добавив дополнительные графы. Такое предложение было вполне разумным, но, когда оно вошло в практику, последовал запрет от штаба корпуса. Теперь уже отступать было нельзя, предстояло доказывать и убеждать начальника штаба корпуса о целесообразности данного новшества. И это сделать удалось…

В дни, когда бригада находилась на отдыхе, в штаб пришло письмо из госпиталя. Написала его медсестра под диктовку раненого бойца И. И. Свиридова, который сообщал, что командир взвода обещал представить его за последний бой к правительственной награде: «Может быть, уже наградили, а мне неизвестно. Пока лечусь. Врачи опасаются за мои глаза. Хожу, как слепой, с повязкой на глазах».

В штабе не оказалось представления. Командир взвода, на которого указал Свиридов, погиб в бою. Что же ответить бойцу? Пришлось самому встретиться с участниками того боя. Рядовой

Свиридов с честью выполнил свой долг. И то, что не успел сделать погибший лейтенант, сделали мы, направив в вышестоящий штаб представление. Красноармеец был награжден орденом.

Как-то к вечеру заехал на КП полковник М. В. Глонти. Он обнял меня за плечи, сильно тряхнул:

— Мне сказали: ранен. А ты здоров! Значит, никогда не ранят — такова примета, — громко, с улыбкой говорил он. — Не обижаешь подчиненных? А то бывают такие… Пока нет подчиненных — человек человеком, а потом закусывает удила, трудно остановить… Спросил о тебе. Не ругают. Спасибо — не подвел. Скажу прямо: беспокоился.

Шаг у него широкий, я с трудом поспевал. Мне нравился его смелый взгляд на события и действия людей, он не прятал злое и плохое, а сразу высказывал его в глаза виновнику. Не половинил оценки, не смягчал их, а выдавал сполна. Если плохо было сделано офицером, то так и оценивал.

— Не грубость, а твердость нужна, — говорил он. — Тебе надо ее набирать. Для войны не годится мягкотелость начальников. Не согласен? Я тоже не люблю, когда рычат по пустякам. По себе знаю — дергают начальника штаба. Рвут. Спасенье в одном: иметь хороших помощников, авторитетных, способных со знанием дела выполнять свои обязанности. Тогда они смогут вести разговор со всеми на равных…

Когда пришли в землянку, полковник сел рядом — так он всегда делал, если хотел переговорить о чем-то серьезном. Он предложил перейти в штаб корпуса на должность начальника отдела. Я поблагодарил, но согласия не дал, считая себя не подготовленным к этой работе. Глонти не торопил с ответом: серьезные вопросы с налета не решаются. Нужно время, чтобы продумать и взвесить решение.

— За одну неделю потеряли половину комбатов и начальников штабов батальонов. Такого раньше не было, — сообщил я горькие итоги боев.

Узнав о его приезде, в землянку стали заходить офицеры. Я видел, как расправлялись в приветливой улыбке морщинки на лице Михаила Варламовича. Память у него цепкая и надежная. Капитану Порожняку напомнил:

— А как с фельдфебелем?

И оба заразительно засмеялись.

Был такой несуразный случай: захватили разведчики ефрейтора, а посчитали его фельдфебелем. Ночью не разобрались в знаках отличия. Тогда начальник разведки выдержал неприятный разговор, а теперь, за давностью, можно и

посмеяться.

Счастлив начальник, который, попав к старым знакомым — подчиненным, не связанным с ним больше по службе, видел приветливые улыбки и уважительное отношение к себе. Глонти расспросил о каждом командире и начальнике штаба батальона, обо всех офицерах управления бригады. Называл фамилию и добавлял: «Живой?» Многих уже не было в строю.

— Согласен с тобой: большие потери. От нас с тобой зависят их размеры. Штабы небезгрешны. Мало думают, слабо ищут новое. Чаще берут готовое, что повторялось много раз. По проторенной дороге легче шагать.

По любому вопросу Глонти всегда имел свое мнение, свои взгляды и высказывал их четко, коротко, понимая, что собеседнику-единомышленнику не нужно растолковывать прописные истины.

Я опросил о судьбе знакомых офицеров. За месяц произошли немалые перемены и в составе управления корпуса.

На учебу командование отвело пять дней. Ни часа больше. Без раскачки — за дело. В бою учил противник, он заставлял перебегать, переползать, отрывать в короткие сроки окопы, стрелять, бросать гранаты. Если оказывался плохим учеником, то противник очень скоро выставлял самую безжалостную оценку. Здесь же все иначе: опытные воины свысока посматривали на учебу, а новичков требовалось учить с азов. Прибыло пополнение необстрелянное, после месячных курсов. В первый же день с утра во всех подразделениях развернулась боевая учеба.

Если появлялась возможность побывать в подразделениях, то я охотнее шел в роту старшего лейтенанта В. К. Дружина. Василий Константинович обычно немногословен, но если разговор задевал за живое, то загорался, смело высказывал свои взгляды. Я увидел Дружина перед строем роты. Он был рослый, подтянутый, в начищенных сапогах и с торжественно-строгим выражением на лице.

Ему привычнее было командовать в бою, чем учить людей воевать. Ведь он закончил краткосрочные офицерские курсы, а науку побеждать осваивал уже на поле боя. Позади у него большой боевой путь. Он один из тех, кто выдерживал любой огонь, не теряя присутствия духа, с упрямой настойчивостью добивался поставленной цели. Такие не умели жаловаться на трудности обстановки, не привыкли выставлять свои слабости, они были сильны своей волей, выдержкой, стойкостью и умом.

Два сержанта с поблескивающими медалями показывали, как нужно выполнять на поле боя команды командира. Верилось, что такой офицер хорошо научит приемам боя. Правда, не все

команды у него были выверены требованиями устава, но за его спиной опыт, боевая выучка, трудные шаги по перепаханной снарядами земле, а это, пожалуй, сильнее общих рассуждений.

С командованием бригад, их заместителями и начальниками штабов была проведена летучка. После боев она показалась кое-кому забавой. Почти у всех обучаемых одно стремление. Никаких споров и неясностей не возникло.

После обеда занятия провел командир корпуса генерал И. А. Рубанюк. С его НП отчетливо виднелись изученные уже до мелочей высоты, опутанные траншеями и проволочными заграждениями, безымянный ручей с обрывистыми берегами, изуродованные голые деревья с обрубленными осколками снарядов сучьями. Если бы не дымки и не сухой треск пулеметной стрельбы, можно было подумать, что в траншеях нет людей.

Генерал подошел ближе к подполковнику Г. С. Куксу, показал на лысую, изъеденную воронками высоту. Вроде невысокая, безжизненная, но торчала она над равниной, закрывая собой на замок оборонительный рубеж противника.

— Вам ее захватывать. Думайте как. Средств усиления — два артполка. Танков нет. Через 40 минут доложите. — И генерал ушел к другим командирам бригад.

Однажды, только с другого места, вырабатывали мы с комбригом план захвата этой высоты. Удачи не было. Теперь нужно вложить все свое мастерство, опыт, чтобы бить наверняка. Ведь чаще всего спотыкались атакующие на ничейной полосе. 400 метров открытой, пристрелянной противником земли надо проскочить незаметно, без шума и внезапно обрушить удар на оборону. Припомнились добрые советы Дружина, Юдакова, Кондрашева, Козака, Сысоева, они как ручейки вливались в решение.

А что если бригада, находясь на фланге, но в общем боевом порядке корпуса, будет действовать не так, как другие? Она не станет сгруппировывать свои подразделения на узком участке, не будет у нее главного удара, а каждая рота первого эшелона вначале силами небольшой передовой группы внезапно ударит по обороне. Затем вступят в бой и остальные силы роты. Вторые эшелоны каждого батальона будут нацелены на два направления, с тем чтобы немедленно развить успех там, где он обозначится. Орудия откроют огонь прямой наводкой по появившимся огневым точкам врага. Заманчиво попробовать новинку!

И. А. Рубанюк внимательно выслушал решение и его обоснование, уточнил детали. Роли поменялись: теперь обучаемые поставили перед руководителем нелегкую задачу,

которую ему предстояло решать. Трудно отказаться от того, что давно сложилось, подтверждено опытом и не вызывало ни у кого сомнений. Разве можно опровергать такие важнейшие принципы успеха в наступлении, как массирование сил и средств на направлении главного удара, создание превосходства над противником на участке прорыва? Как без фундамента невозможно возвести стены дома, так и без соблюдения этих принципов нельзя добиться победы.

Но опыт боев за эту высоту показал и другое: на открытой местности трудно осуществить незаметно для противника сосредоточение сил на узком участке прорыва, а еще сложнее помешать ему совершить маневр и создать в короткие сроки высокую плотность живой силы и огневых средств на направлении нашего главного удара.

Решение не повторяло ранее опробованные варианты и потому казалось привлекательным. Генерала больше всего беспокоило, как удастся бригаде, находясь в едином боевом порядке корпуса, действовать по-своему, идти со всеми «не в ногу». В наступлении все взаимосвязано, централизовано, и никак нельзя вырвать одно звено из общей цепи. Конечно, фланговое положение давало право бригаде на большую самостоятельность в действиях.

Комкор не определил своего решения, просил еще раз подумать над замыслом захвата высоты. Поздно вечером, узнав, что комбриг настаивает на своем решении, дал согласие на наш вариант. Большое доверие не только радовало, но и неизмеримо повышало ответственность за подготовку и исход боя. Здесь не могло быть осечки — действовать надо наверняка.

Штаб бригады отравил на плане оборону противника во всеми выявленными траншеями, окопами, пулеметными точками, огневыми позициями артиллерии и минометов, инженерными заграждениями. На НП подразделений и частей, которые сменили нашу бригаду, были направлены артиллеристы, разведчики, саперы и офицеры штабов. У них одна задача: собрать последние данные об обороне врага.

Решение может принести успех, если оно будет умело реализовано. Трое суток бригаде отводилось на подготовку к наступлению.

За день саперы оборудовали на высоте, похожей на ту, что оборонял противник, небольшие участки траншей, дзоты, обложили подходы «минами», поставили проволочные заборы. С наступлением темноты начались тренировки. Вперед поползли саперы. Четыре группы. Только одна, под командованием старшины И. С. Акинтьева, сумела скрытно проделать проход в

минных полях и заграждениях. Остальные были обнаружены «противником». Дважды пытались они решить задачу, но не смогли скрытно ее выполнить.

Поручили подготовку саперов Акинтьеву. Иван Семенович — сапер с большим опытом. Всегда впереди войск бесстрашно полз к траншеям противника, щупом рыхлил затвердевшую корку земли, отыскивая мины.

— Важно обнаружить первую, — учил он молодых. — Потом легче отыскивать другие. Они располагаются в определенном порядке. Главное — научиться врастать в землю.

Он умел не только снимать мины, но и слагать в минуты затишья на фронте стихи. У меня сохранились его строчки:

Вы на каждом клочке воевали,
Капли крови у ваших наград.
Там, где насмерть солдаты стояли, —
Там у каждого свой Сталинград.

К утру саперы «сдали экзамен», на них можно было положиться — не подведут. Труднее шла учеба у стрелков. Ничейную полосу земли им никак не удавалось скрытно проползти. Никто не подсчитывал, сколько раз они начинали выдвижение с исходного рубежа. Первая ночь, а за ней и вторая прошли в тренировках. Гимнастерки бойцов не просыхали от пота, чернели от пыли и усталости лица, сухая земля, словно железным скребком, обдирала на коленях брюки. Даже бывалые воины, за плечами которых было немало ночных боев, убедились, что за эти две ночи сделали большой шаг в повышении мастерства.

Когда бригада вышла на передовую, перед нами открылась Лысая высота. Днем приехал начальник штаба армии генерал А. А. Харитонов. У меня находились два офицера.

— Работайте, словно меня нет, — предупредил генерал. Раскрыв карту, он уткнулся в нее.

После занятий генерал сказал мне:

— Зачем вы беретесь за мелочи? Подчиненные обязаны их решать сами. Порядка не будет, пока не повысите ответственность исполнителей. У вас много больших и серьезных дел.

Затем он подвинулся ближе ко мне, попросил уточнить на карте места, наших НП и КП. Пункты управления у нас всегда выдвигались как можно ближе к переднему краю. Так надежнее и устойчивее управление: если даже откажет проводная и радиосвязь, с НП в бинокль можно без ошибки определить положение и характер действий всех подразделений.

— Близко располагаете КП, — оказал генерал. — Отодвиньте его на километр в тыл. А что у вас на НП? Какой перед вами противник? Как организуете разведку днем и ночью?

Один за другим возникали у него вопросы, ставил их и, не перебивая, внимательно слушал ответы. Потом сам определял, как, по его мнению, лучше сделать.

Но главное, ради чего он приехал, — это убедиться, насколько обоснованно выглядело наше решение на предстоящий бой. Штаб армии сомневался в реальности замысла командира бригады.

— Для штаба нужны не пожелания, а обоснованные расчеты и доказательства, — заметил генерал и потребовал: — Показывайте их.

Взяв карандаш, уткнулся в схему, на которой была представлена оборона противника на высоте, показаны в виде маленьких стрелок-наконечников действия передовых групп и рот первого эшелона, пробивающих в разных местах передний край, отражены возможные направления ударов вторых эшелонов батальонов, их задачи. Небольшая табличка поясняла состав групп, какие орудия выделены для их поддержки и сопровождения, раскрывала сигналы управления и взаимодействия.

Заново вглядываясь в схему, я вдруг подумал, что она сделана очень невыразительно, излишне просто и вряд ли убедит начальника штаба, привыкшего рассматривать карты с большими и ярко раскрашенными стрелами.

Между тем генерал, не отводя взгляда от схемы, уточнил некоторые детали. Он убеждался, что подчиненные выстрадали замысел, взвесили все доводы, поверили в его реальность и теперь повернуть их мысли к другому варианту будет трудно. Но в то же время этот вариант содержал в большей степени риск, на который шла бригада.

Генерал приказал снять копию со схемы и выслать ее в штаб армии. С решением, предложенным командиром бригады, он согласился и обещал его поддержать. К вечеру во всех инстанциях замысел был одобрен.

В ночь на 1 июня вперед, как всегда, выдвинулись саперы, а за пять минут до общего артналета поползли по проходам передовые группы. Действовали они на широком фронте, бесшумно. С первым залпом артиллерии броском рванулись на траншею врага. В ход пошли гранаты. Взорвалась тишина фронтовой ночи, и в этом гуле потонули слабые взрывы гранат. Все зависело от находчивости, смелости этих воинов, от эффективности огня орудий прямой наводки. Осветилась и

задрожала от взрывов высота.

Радостными были первые сообщения: группы проскочили передний край обороны противника. Следом за ними в пробитые бреши устремились роты первого эшелона. Теперь им предстояло атаковать назначенные объекты и обеспечить ввод в бой вторых эшелонов батальонов. Очень удачно действовали группы, возглавляемые лейтенантами В. С. Мальцевым и С. М. Качалой, младшим лейтенантом М. П. Криворучко. Группа Качалы уничтожила два бронетранспортера и штурмовое орудие. Криворучко с шестью бойцами захватил за два часа три дзота, Мальцев с тремя смельчаками уничтожил гарнизоны в двух укрепленных точках.

Острые наконечники стрел вонзились в тело врага, и он оказался не в состоянии ночью быстро разобраться в обстановке и принять против них меры. К рассвету роты продвинулись на полтора километра. Было захвачено 35 пленных. Соседи отстали: у них не хватило сил прорвать в открытом бою оборону. С рассветом противник начал проводить контратаки. Одну за другой. Шесть контратак отразил только второй батальон. Вся артиллерия была выдвинута на поддержку рот. Много фашистов полегло в бою.

Во время одной из контратак три танка и два бронетранспортера прорвались на КП второго батальона. Майору И. П. Рудко со штабом пришлось отбиваться от наседавших врагов. Ручными гранатами и огнем автоматов встретили офицеры бронированные машины. Прервалась связь с батальоном.

Мы с капитаном А. Р. Порожняком пошли в батальон, чтобы на месте выяснить обстановку. Перед КП валялись трупы захватчиков, стоял подбитый бронетранспортер, немного дальше дымил танк. Адъютант старший батальона коротко поведал о бое:

— Рация вышла из строя. Проводная связь через 10 минут будет восстановлена. Танк подбили артиллеристы, а бронетранспортер — на нашем счету.

Через час здесь погибли Книжник и Порожняк. Снаряд угодил в окоп, где они находились. Чем-то внешне они были похожи друг на друга. Совсем мало пробыл Андрей Родионович Порожняк в должности начальника разведки. За все, что касалось разведки, он болел душой. Однажды, когда свалилась полоса неудач с захватом пленных, он сам просился пойти с разведгруппой. Трудно было найти ему равнозначную замену.

И. П. Рудко сильно переживал: за пять месяцев погибло в батальоне четыре адъютанта старших батальона. Каждый из них становился для него самым близким помощником, незаменимым

боевым другом. Они приходили с должностей командиров подразделений. Лучшие, бесстрашные, привыкшие быть в зоне огня, они служили образцом мужества для личного состава батальона. Невольно напрашивалось пожелание комбату: надо беречь своего начальника штаба, точнее определять ему задачи и без особой нужды не направлять в огонь.

Среди захваченных пленных один, худой, в очках с разбитым стеклом, как великую новость сообщил о больших планах фашистов на лето.

— Курск! — многозначительно произнес он. — Скорее всего там запылает в огне земля.

1 июля 43-го было получено известие о том, что из 4-й и 10-й бригад создается 108-я гвардейская стрелковая дивизия. Я был назначен начальником штаба дивизии. Большое доверие. Понимал — будет трудно. Сам чувствовал, что куцый у меня запас знаний и навыков, иногда выбирал не лучшее решение.

Организационный период всегда трудный: здесь закладывались, по существу, основы боеспособности частей и в то же время с особой силой затрагивались судьбы людей. Много общего в этих двух бригадах. Почти год они воевали рядом, находясь в разных корпусах. Но у каждой из них сложились свои порядки, традиции, коллективы. Не сразу слились они вместе, в одно целое, нередко звучало с обидой: «Этот не из нашей бригады. У нас так не поступали». Требовалось время, чтобы заросли межи и навсегда исчез бывший водораздел между ними.

Знакомились и притирались друг к другу и мы — командир дивизии полковник С. И. Дунаев, начальник политотдела, он же заместитель командира по политчасти, подполковник Л. П. Вахрушев и я — начальник штаба. Помню, Дунаев пошутил:

— Три витязя, три богатыря.

Внешне, пожалуй, ни один не похож на богатыря. Сам командир старше нас — ему около сорока. На вид вынослив, пошире в кости, но голос мягкий, без стального отлива. Л. П. Вахрушев — с большим боевым опытом, до этого был заместителем командира бригады, ему около тридцати.

Для первого знакомства оглядели друг друга, поговорили о насущных делах. Самая важная из всех задач — расстановка и укомплектование подразделений личным составом. В подходе к ее решению не возникло разногласий. Договорились, что вначале следует довести до штата стрелковые роты, обеспечивая при этом в каждой из них солидную партийную прослойку, специалистов использовать только по своему прямому назначению, в тыловые подразделения направлять воинов старших возрастов. Решили, что более тесное знакомство состоится уже в боевые будни. Сама

работа раскроет, насколько удачно подобрались «витязи». Центр всего — командир. От него во многом зависел уровень доверия, дружбы, сплоченности офицеров управления, их самостоятельности и инициативы в работе.

Большая ответственность за качество укомплектования ложилась непосредственно на строевое отделение. Начальник его капитан И. К. Бойко со своим помощником — старшим лейтенантом М. В. Поляковым, который в 10-й бригаде успешно возглавлял такое же отделение, со знанием дела решали вопросы укомплектования.

Приятно было, что сохранился из 10-й бригады костяк ведущего отделения штаба — оперативного. Начальником его остался майор Н. В. Попов. Ему исполнилось 22 года. Одним из наиболее подготовленных помощников в отделении был старший лейтенант И. Ф. Тарханов. Связь возглавил майор К. М. Татур, имеющий большой опыт в организации связи. Помощником у него по радио стал капитан Г. И. Проценко, молодой, настойчивый, хороший специалист своего дела. К сожалению, пока мы сумели создать в дивизии только роту связи — вместо положенного по штату батальона.

Поздно вечером собрались начальники штабов полков. Один из них — майор П. Е. Кондратов, ветеран 10-й бригады, несколько месяцев воевал адъютантом старшим батальона, а затем и комбатом. Он испытан в бою — это самая высокая проверка деловых качеств. Два других — майор Н. И. Слепнев и капитан И. А. Меньшиков были незнакомы мне. Совместная работа в боевой обстановке быстро роднила сослуживцев, раскрывала способности и мастерство офицеров.

Я видел в работе многих начальников штабов. Встречались разные. Одних хвалили, других ругали, а третьих — ругали и хвалили, вперемежку. Но никто еще не назвал начальника штаба бездельником. Могли неодобрительно оценить его мастерство, знания, опыт, но не прилежание и трудолюбие. Начальник штаба, каким бы он ни был, всегда в работе. Сами условия и обязанности заставляли его трудиться в полную силу, не считаясь со временем и усталостью. Поэтому я верил, что новые начальники штабов быстро освоятся со своими обязанностями и научат своих подчиненных плодотворно трудиться. У них много хороших помощников, за плечами которых большая школа войны. Такие не подведут.

Ночью позвонил издалека полковник М. В. Глонти, поздравил с новой должностью. До чего же беспокойный человек! Такие умные и чуткие наставники, возможно, и сами не представляли, как много душевного тепла, силы и бодрости вливали они в

людей, какую большую моральную поддержку оказывали молодым.

— Не рвись в одиночку. Один ничего не сделаешь, — наставлял он. — Запрягай всех. Крепче держи руль. Дорога-то, сам знаешь, с ухабами. Когда-нибудь загляну.

Но так и не удалось больше встретиться с Михаилом Варламовичем: пути наши разошлись. Правда, часто писал ему письма, получал и от него.

Как бы ни были мы заняты своими делами, связанными с формированием дивизии, но каждый с тревогой ловил известия об исходе схватки под Курском. В скупых сводках Совинформбюро улавливалось величайшее напряжение развернувшегося сражения. По разным каналам приходили данные о ходе битвы на Курской дуге. Бывалые воины с гордостью говорили: «Наши стоят». Успех войск на решающем фронте поднимал настроение, наполнял радостью сердца воинов.

К исходу третьего дня, закончив формирование, дивизия выстроилась вдоль широкой лесной просеки недалеко от Крымской. На сколоченной наспех трибуне стояли представители фронта и армии. Вынесли Боевое Знамя. Сильные руки знаменщика приподняли его, и ветер легко, играючи, развернул полотнище, и оно полетело большой крылатой птицей к строю, а затем вдоль рядов — мимо ветеранов, за плечами которых были тяжелые бои, и молодых солдат, равноправно вставших в одну колонну с бывалыми гвардейцами.

Части проходили торжественным маршем. Трудно было узнать бойцов и командиров: подтянулись, старательно отбивали шаг. Правда, не все попадали в ногу с соседом, не так высоко от земли поднимали каблуки, не совсем четко выглядели прямоугольники подразделений, а в них не везде строго рисовались шеренги и ряды. Но ведь дивизия-то шла не по асфальту, а по кочковатой лесной просеке, да и к тому же она готовилась не маршировать на параде, а вести бой с противником.

Начало было положено: части укомплектованы и собраны вместе; теперь предстояло обучить их, сколотить, дать возможность воинам присмотреться друг к другу, узнать соседа, с которым придется завтра идти в бой.

Начальник штаба армии в разговоре по телефону поинтересовался, чем заняты офицеры штабов.

— Планы боевой подготовки отрабатываете? — переспросил он. — К бою надо готовиться, а не бумаги писать.

— Учеба — это и есть подготовка к наступлению, — сказал я.

— Через два часа получите боевое распоряжение. Готовьтесь

к выдвижению. Ничего не оставляйте — все с собой, — наставлял он.

Дивизия, составляя второй эшелон 10-го гвардейского стрелкового корпуса, несколько дней занимала оборону в районе Крымской. В ночь на 19 июля, за три дня до наступательной операции 56-й армии по прорыву Голубой линии противника на участке Киевское, Молдаванское, она получила задачу на наступление в составе главной группировки.

Для штаба не было более важной задачи, чем получение необходимых данных о противнике. С начальником разведки майором К. С. Михальченко съездили на НП сменяемого полка. Константин Саввич до этого работал начальником разведки 4-й бригады. Он был неторопливый, расчетлив и хорошо знал свое дело.

Начальник штаба полка с готовностью поделился данными, которыми он располагал, не скрыл выводов о том, что количество огневых точек в обороне врага за последнее время заметно увеличилось.

На передовой уже обосновались наши разведчики, артиллеристы и саперы. С двух НП вели они наблюдение за противником. Вблизи оборона врага выглядела еще более внушительно. Сплошные траншеи и проволочные заграждения опутывали высоты, занимаемые фашистами.

К. С. Михальченко высказал свои предположения о том, что противник, догадываясь о наших приготовлениях к наступлению, может оставить в последнюю ночь первую позицию. Самое вероятное время отхода, как считал он, — перед рассветом. С таким же успехом он мог выдвинуть резервы, чтобы усилить оборону, провести контрподготовку. Из неожиданностей соткана вся война. Если на каждое «вдруг» принимать меры, то можно задергать подчиненных, лишить их здравого подхода к оценке обстановки. Из всех «вдруг» следовало выбирать лишь наиболее вероятные и по ним уже предусматривать мероприятия. Возможность изменения группировки противника в пределах первой позиции не исключалась. Учитывая, что пока не разрешено направлять разведгруппы, определили дополнительные задачи разведчикам, артиллеристам, саперам по наблюдению.

Много времени заняло планирование наступления. Основные боевые документы оперативное отделение отработало быстро. Может быть, не все они заслуживали высокой оценки, но исполнители старались сделать их добротными. С майором Поповым еще в бригаде определили и узаконили порядок разработки и оформления документов и не отступали от него.

Больше внимания пришлось уделить разведке. Майор

Михальченко — еще новый человек в штабе, важно было с первого шага установить с ним единство взглядов на решение основных вопросов по организации разведки. А времени, как всегда при подготовке наступления, мало, забот же не перечесть.

Я знал, что, погрузившись в бумажное половодье, легко упустить выполнение в срок других, не менее важных мероприятий. Предстояло развернуть сеть наблюдательных пунктов и постов, согласовать вопросы обеспечения флангов с соседями, предусмотреть прикрытие саперов в ходе разминирования, довести сигналы взаимодействия, проконтролировать организацию боя в полках… Конечно, документы были необходимы, ибо обеспечивали условия для организованной и целеустремленной работы подчиненных по подготовке боя, повышали их ответственность за точное и своевременное выполнение задач. Но я знал и другое: как бы ни были тщательно и грамотно разработаны боевые документы, в случае неудачи они не защитят и не оправдают командира и штаб.

Летние ночи на юге чернильно-темные, звезды словно отодвигаются высоко-высоко, а от вспышек ракет на земле темнота еще больше густеет. Наблюдательный пункт дивизии мы расположили недалеко от НП 305-го полка. Начальник штаба майор П. Е. Кондрашев поделился своими сомнениями:

— Плохо знаем противника. Только передний край изучен, а за ним — темный лес. Вслепую будем бить.

Мы с ним стояли на высоте. Стрельба на фронте была почти не слышна. Тишина перед бурей. Совсем мало времени осталось до атаки.

Первыми за передний край поползли саперы роты лейтенанта Д. И. Андрыгина. К ночной работе им не привыкать. Чаще они ставили и снимали минные заграждения ночью. Большинство саперов с боевым опытом, их руками сняты сотни мин. Одну группу возглавлял старшина И. С. Акинтьев, отчаянный сапер из бывшей 10-й бригады. Как-то он говорил, что любит работать ночью.

— Копаешься, как крот, но соседа чувствуешь, даже слышишь, как он тяжело дышит.

Долго не было известий от саперов. Широкую полосу кочковатой, затвердевшей и исковерканной снарядами земли им предстояло прощупать. Перед рассветом они доложили, что проделаны проходы, снято 73 противотанковых и несколько десятков противопехотных мин, установлены ограничительные флажки, расставлены вешки. Путь для танков и пехоты подготовлен, можно смело двигаться на оборону врага.

Приближалось время атаки. Я не изменил своей привычке быть вместе с командиром на НП, своими глазами видеть поле боя. Был твердо убежден, что если начальник штаба оставался на КП, то он выполнял роль передаточной шестеренки в системе управления войсками, стоял в стороне от активного решения вопросов. Значительно лучше, когда в одном окопе находились командир и начальник штаба. Вопросы они решали вместе, согласованно, все сведения об обстановке текли к ним, в одно место. Да и командиру намного легче управлять, когда рядом его близкий помощник и советчик. Его не требовалось наставлять, подталкивать, он сам по мере необходимости запрашивал у подчиненных последние данные, своевременно докладывал их в штаб корпуса и армии, а если резко изменялась обстановка и нельзя было упускать время, отдавал необходимые распоряжения, о которых потом ставил в известность командира.

Утром 22 июля, после восьмидесятиминутной артподготовки, началась атака. В низине, большой, ровной, без единого кустика, зажатой в виде подковы цепью высот, пришла в движение наша пехота с танками. Для увеличения первоначального удара все три полка мы поставили в первый эшелон. Им предстояло на узких участках прорвать оборону врага и стремительно продвигаться вперед, выделяя незначительные силы для прикрытия флангов. Самыми уязвимыми местами в боевом порядке оказались фланги, над ними возвышались две высоты, с которых противник обстреливал наши части.

По мере продвижения танков и пехоты огонь противника нарастал. Если успех, то обозначался он обычно в первые минуты. «Пошли!» — радостно звенели тогда провода. Все спешили передать эту хорошую новость, не ожидая запросов старших. Теперь никто не торопился с докладом, и это настораживало, вызывало беспокойство. Передовые подразделения успешно проскочили ничейную полосу и с ходу ворвались в первую траншею. Вроде бы успех, но пехота залегла и дальше не продвигалась. Впереди появились новые огневые точки, которые требовалось подавлять. Танки, попав под прицельный огонь артиллерии, заняли укрытия.

Из штаба корпуса и армии вначале терпеливо уточняли рубежи, которых достигла пехота, а затем стали настойчиво требовать более решительных действий. Доводы у начальников неотразимы: «Дивизия имеет все для прорыва. Почему топчетесь на месте?» Снизу, от подчиненных, разными голосами: «Огонь, не поднять головы. Несем большие потери».

Артиллерия не прорубила в обороне коридора, она только нарушила огневую систему на переднем крае, а в глубине

сохранились пулеметные точки, которые не удалось вскрыть с наземных НП. Поправить положение, когда израсходована основная часть боеприпасов, становилось все сложнее.

НП переместился ближе к переднему краю, но это не внесло перемен в обстановку. Положение соседей — 383-й и 61-й стрелковых дивизий — такое же: прорыва не произошло. Командир корпуса предложил ввести вторые эшелоны полков, поясняя, что иначе успеха не будет. Сообщил, что соседи тоже вводят. Полковник С. И. Дунаев просил дать время, чтобы подумать. По всем приметам, вводить их было пока рано. Первый эшелон мог еще изменить положение. Ввести вторые эшелоны полков — это бросить на чашу весов последнее, и если идти на такой шаг, то надо быть уверенным в успехе. Пока не просматривалось ни одной пробитой щели в обороне. В такой обстановке, считал я, вторые эшелоны вводить преждевременно. Командующий артиллерией подполковник Б. А. Харкевич, ровесник комдива, один из немногих в дивизии, имевший высшее военное образование, согласился со мной.

Комкор видел судьбу выполнения задачи в этих батальонах. Если они, мол, не будут введены, и притом немедленно, то дивизия не справится со своей задачей. Ничего не оставалось другого, как выполнять указания старшего.

Солнце уже поднялось высоко. Жарко. Над землей, изрытой вдоль и поперек траншеями, висел густой дым от взрывов снарядов. К переднему краю стали выдвигаться два батальона — вторые эшелоны двух полков — наша надежда на перелом событий. Для их поддержки привлекалась вся дивизионная артиллерия, пришли в движение танки, нанесла удар эскадрилья штурмовиков.

Через час командир 308-го полка майор К. А. Андреев сообщил о захвате второй траншеи, начальник штаба 305-го полка майор П. Е. Кондрашев порадовал: в центре прорвана первая позиция. Командир 311-го полка подполковник Л. Н. Френкель докладывал, что подразделения успешно отразили сильную контратаку. В этом полку очень удачно подобрались командиры батальонов — майоры В. Я. Антропов, П. Д. Садовников, Ф. К. Ольховик. Серьезные, деловые, с боевой закалкой, получившие солидную практику в командовании отдельными батальонами. Каждый из них мог бы с успехом возглавить полк.

Среди них выделялся майор В. Я. Антропов. Он служил на Каспийской флотилии, воевал в батальоне моряков. Порывистый, смелый, находчивый, он был из тех счастливых офицеров, которые командовали легко, с подъемом и даже весело. Но ни у

кого никогда не возникало сомнения в обоснованности его распоряжений и решений, ибо каждый знал твердо, что все он делал надежно, с умом и с чувством высокой личной ответственности за жизнь подчиненных и выполнение задачи.

На его батальон фашисты бросили более батальона с танками. Огонь нашей артиллерии сосредоточился на вражеских подразделениях. Ненадолго хватило выдержки у захватчиков — залегли, а минут через десять побежали к своим траншеям. Дружно поднялись наши подразделения, с ходу на двух участках прорвали первую позицию и двинулись дальше.

И вот командир 305-го полка доложил: взят Арнаутский. Невелик хутор, но ценность его в другом: прорвана вторая позиция и части могут уже смело продвигаться в глубину обороны. Обидно, что мы переместили свой НП, с него не просматривалось поле боя в центре полосы наступления. Командир полка уверял, что сам лично видит подразделения в хуторе, через полчаса туда переместится его НП.

Командир дивизии распорядился:

— Высылаю вам противотанковый дивизион. Закрепите хутор.

Не успел полковник С. И. Дунаев закончить разговор с командиром полка — вызвал к аппарату комкор. Комдив доложил об успехе.

Пока он выслушивал указания, я позвонил начальнику штаба полка майору П. Е. Кондрашову. Тот не сообщал о захвате хутора. Почему же тогда доложил командир полка? В трудном положении оказался начальник штаба, попал он между двух огней. На весах лежали правда и кривда. Что пересилит? Сказать правду — нанести удар по своему командиру, подтвердить ложь — сделаться соучастником обмана.

Но самый лучший вариант — быть честным. Плохую правду всегда нелегко сообщать. Кондрашев доложил, что вторая позиция противника проходит по восточной окраине хутора, наши батальоны залегли перед ней. Смельчаки проскочили вперед, к домам, но огнем были выбиты. Командир полка, наблюдая за обстановкой со своего НП, посчитал, что в хуторе уже основные силы третьего батальона.

Полковник С. И. Дунаев пошел на НП полка, надеясь исправить ошибку. Но захватить хутор не удалось. Первый бой — и первая серьезная оплошность штаба. Давно уже стало правилом: не докладывать в вышестоящий штаб обстановку, пока она прочно не улеглась, и тем более не проверена. В этом случае возникал некоторый разрыв во времени между происшедшими событиями и докладом о них, но зато сообщаемые данные отражали истинное положение частей и подразделений. Штабу полагалось не запаздывать, но и не спешить с докладом как плохого, так и хорошего, пока все не получило подтверждения по другим каналам.

Штаб корпуса потребовал представить письменное донесение с объяснением случившегося…

Этот суровый урок остался навсегда в памяти, и он больше не повторялся.

Успех обозначился на левом фланге в полосе наступления 311-го полка. Узким клином врезались батальоны в оборону врага. Противник, пытаясь срезать этот выступ, при поддержке огня трех дивизионов провел сильную контратаку по второму батальону. Мужественно бились наши бойцы, отражая удар. Десять танков горело. Но и тех, кто встал на их пути, становилось меньше. Погиб комбат майор Ф. К. Ольховик, тяжелое ранение получил его заместитель старший лейтенант П. А. Руденко, не стало двух командиров рот, а третий был ранен.

Места выбывших занимали другие, их никто не назначал, они сами брали на себя эти нелегкие обязанности. Самые смелые и решительные подавали голос: «Я принимаю командование». Никакой паузы. Даже пленный, доставленный на наш НП, заметил эту особенность. Когда он доложил все данные о своих частях, которые воевали против дивизии, я его спросил, как он оценивает действия на поле боя наших подразделений. Его больше всего удивило, что у нас в ротах «много офицеров», и он заявил:

— Выходит один из строя — сразу же появляется другой. Их заметно, они первыми поднимаются в атаку.

Срочно выдвинулся в 311-й полк противотанковый дивизион под командованием майора В. В. Тычинского. Он быстро вышел на связь.

— Пехота надежно держит рубеж, — с гордостью сообщал командир дивизиона. — Орудия развернуты. Два танка подбито. Контратака затухает.

Противник, занятый проведением контратаки, видимо, и не заметил, как батальон майора Антропова рывком проскочил вперед и с ходу ворвался в хутор Подгорный. После короткого боя

хутор был занят. Об этом успехе сообщил командир полка подполковник Л. Н. Френкель, потом — начальник штаба капитан И. А. Меньщиков. Для закрепления достигнутого успеха командир полка выделил противотанковую батарею, саперный взвод, направил туда своего заместителя майора И. П. Рудко. Я выехал в полк. В. Я. Антропов расположился в кирпичном доме. Как всегда деятелен, слышались его четкие и уверенные команды. Он показал мне на местности, где расположены роты, куда выдвигаются орудия. Бойцы уже старательно окапывались: понимали, что успех надо закреплять. Противник бил из орудий по хутору.

По старым следам я вернулся на свой НП. Когда отдышался от бега, подумал: зачем же ходил в батальон? Какую пользу принес? Что сделал? Полтора часа не был на связи. Штаб корпуса не признавал заместителей, требовал, чтобы обстановку докладывал начальник штаба. Бесспорно, доклады НШ для вышестоящего штаба звучали более авторитетно, в них излагались не только сложившиеся условия и оценка обстановки, но и меры, принимаемые командованием по ее изменению. При этом старший, выслушав доклад, давал, минуя всякие передаточные звенья, необходимые указания.

В ходе боя серьезный экзамен выдержали связисты. Со всей очевидностью подтвердилось, что рота связи — не для дивизии, она рассчитана на организацию связи в полку и бригаде. Связисты делали все возможное, чтобы обеспечить устойчивую связь. В ходе такого боя буквально сгорала проводная связь. По 3–4 порыва в час на основных линиях связи. Вышли из строя за первые часы боя три радиостанции в батальонах. Но управление не прерывалось. Если случался порыв кабеля, для устранения его с обеих сторон поврежденного участка выбегали на линию связисты. Не один, а сразу двое — навстречу друг другу, что сокращало сроки восстановления линий. При нарушении проводной связи включались в работу радиостанции.

Самоотверженно трудились начальник связи майор К. М. Татур и его помощник по радио капитан Г. И. Проценко. Для них провода и радиостанции не просто средства связи, а словно живые существа, которые, как и все живое, требовали защиты, лечения, восстановления, а главное — бережного и чуткого к себе отношения. Они лелеяли связь, переживали за каждый ее обрыв, и потому она работала даже в самые напряженные периоды боя безотказно. Весь день на НП находился Проценко. Он умело направлял работу связистов, обеспечивая устойчивую связь командиру дивизии.

Ночью предстояло завершить прорыв обороны. После

напряженного дневного боя силы частей заметно ослабли, дивизия понесла серьезные потери. Притом значительная часть боеприпасов была уже израсходована. Вместе с комдивом определили основные мероприятия на ночь. Полки сосредоточивали свои усилия на более узких участках, с тем чтобы высвободить подразделения для отдыха и в то же время создать необходимое превосходство над противником.

Проходила беспокойная ночь. Когда не было успеха, никто не отдыхал. Передавалось немало дельных команд и распоряжений. Начальник штаба корпуса предлагал попробовать пустить вперед мелкие группы.

— Когда-то у вас в бригаде они добились внушительных результатов, — напомнил он.

Да, тогда они сделали много, но их действиям предшествовала серьезная подготовка. Если же теперь с ходу сформировать эти группы, то они, не изучив засветло объекты атаки и не отработав порядок огневой поддержки, не сумеют выполнить свои задачи. Мои доводы убедили старшего начальника.

На второй день с утра фашисты обрушили контратаки, намереваясь срезать опасный выступ, который возник с вклинением дивизии в его оборону. Полки закрепились на достигнутых рубежах. Офицеры штаба вместе с артиллеристами проверили надежность обороны хутора Подгорного. Сюда противник направлял свои основные усилия.

Хутор небольшой, притулился в лощине, но он чаще всего появлялся в сводках и донесениях. В бою важен результат. Если воин уничтожил хотя бы одного захватчика, то он уже оправдал свое участие в бою. Для дивизии мало десятка отбитых контратак, сотен уничтоженных фашистов и узкой полосы, что захвачена у врага. Она должна пробить насквозь оборону и выйти на указанные ей рубежи. Захват хутора показывал, что дивизия настойчиво двигалась к цели, но в полном объеме не смогла выполнить задачу.

Противник бил в одном направлении. По своим следам и своим трупам. Помню, когда-то пленный гитлеровский офицер уверял, что без танков их пехота в атаку не идет. На этот раз дважды уже до полка контратаковали без танков. Несмотря на отчаянные попытки, фашистам не удалось сдвинуть назад наши части. К вечеру, убедившись в бесполезности своих контратак, они прекратили их, но продолжали усиленно обстреливать огнем артиллерии и минометов боевые порядки полков…

Командир дивизии оглядел в стереотрубу застывшее поле боя, повернувшись ко мне, поинтересовался, почему нам не

удалось завершить прорыв обороны. Конечно, он знал причины, не раз разъяснял их командиру корпуса, но, наверное, ждал, что я отыщу и другие, более убедительные, которые он сам не сумел разглядеть. Наши соседи тоже не достигли цели. Видимо, быть или не быть успеху, зависело не только от усилий одной дивизии. На этот раз плохую услугу оказала торопливость в подготовке операции. Слишком велико было желание быстрее разделаться с группировкой противника на Тамани, и это определяло сроки организации наступления.

Несмотря на ограниченные сроки подготовки, я не мог снять вину со штабов, считал, что они мало проявили настойчивости, добывая необходимые данные о противнике. Это главный урок: не имея этих сведений, нельзя давать команду на переход войск в атаку. Полковник С. И. Дунаев промолчал.

На третью ночь полки сдали свои участки и были отведены в тыл.

После оформления документов о сдаче рубежа я пошел на НП. Там еще не сняли связь, ожидался приезд офицера связи. Для начальника штаба ближе всех — связисты. Днем и ночью они держат его в напряжении, не отпускают ни на шаг от радиостанций и телефона. Щель связистов примыкала к НП, составляя с ним неразрывное сооружение. Телефонист рядовой Алексей Чумаков сообщил, кто звонил за эти сорок минут, пока я не был здесь. Трубка у него привязана к голове — так удобнее отвечать на вызовы.

Подошел заместитель командира 311-го полка майор И. П. Рудко.

— Зря сменяют нас, — сделал он вывод. — Еще такой удар — и затрещала бы Голубая линия. Фашисты держатся из последних сил. Чувствуется, что обессилены они, понесли большие потери.

Еще днем пленные тоже уверяли, что удерживать рубеж некому, обезлюдели роты. Не вызывало сомнения, что фашисты потеряли много солдат за эти двое суток, но, занимая выгодный и оборудованный рубеж, они могли оставшимися силами оказать сильное сопротивление. При этом нужно трезво оценивать свои силы и возможности. Части понесли серьезные потери, что не могло не сказаться на их боеспособности. Для повторной атаки требовалось накопить боеприпасы. Рудко же оценивал обстановку со своих позиций, не представляя ее в полном объеме.

Я не стал оспаривать его вывод. 311-й полк сделал больше, чем другие. Рудко с гордостью рассказал о многих офицерах, достойно показавших себя в первом бою. Особо заслуживал похвалы командир роты старший лейтенант М. С. Новиков. Его рота была переброшена вперед, на левый фланг, откуда

ожидалась контратака. Через час 16 танков и до двух рот пехоты начали выдвижение для нанесения удара. Противник продвигался без разведки. Гвардейцы проявили выдержку и себя не обнаружили, хотя рядом проползли танки, а за ними торопливо, в полный рост, шла пехота. Наступила решающая минута. С тыла и во фланг почти в упор обрушила рота огонь. За 5 минут контратака была отражена. Фашисты спешили назад, теряя людей и машины. Бронебойщики рядовые И. Е. Феофилов и Я. М. Шелутько подбили три танка.

Вернулся из полка помощник начальника оперативного отделения старший лейтенант И. Ф. Тарханов. Он проверял смену подразделений. По его оценке, противник опять создал высокую плотность огня.

— Снова надо готовить прорыв, — сделал он вывод.

Мне нравился Иван Федорович, способный, деловой и смелый офицер. Его оценка обороны заслуживала большего доверия.

В последний раз я оглядел из опустевшего НП неровные вершины гор, расплывчато выступающие на темно-синем фоне неба, яркие вспышки орудийных выстрелов, торопливые уколы огня пулеметов, плавные трассы осветительных ракет, непрерывно прочерчиваемые над передним краем. Совсем близко угадывались войска, сменившие наши подразделения и приступившие к закреплению занятых рубежей. Но на этот раз на душе не было чувства радости от ожидания близкого отдыха в стороне от огня и взрывов.

В первых числах сентября 43-го дивизия была переброшена по железной дороге на Украину, в район Ровенек. Кругом — выгоревшая, пережившая войну степь. Возвращались жители к своим родным местам. Около солдатских кухонь толпились ребятишки. Они не просили, а терпеливо ждали, когда взрослые сами догадаются, зачем они здесь. Бойцы вытаскивали из карманов припрятанные куски хлеба и сахара, толкали их им в ручонки.

Части сразу же после выгрузки двинулись к фронту. Переходы планировались в среднем по 45 километров в сутки. Марш только ночью. На маршрутах редко встречались уцелевшие от огня деревни. Возле развалин уже появились шалаши, домики-времянки, маленькие, неказистые, сколоченные на скорую руку, прикрытые кусками старой фанеры, ржавой жести и битой черепицы. Местами чернели землянки, в них люди жили по-окопному, как на фронте.

На ходу вливалось пополнение. Впервые в строй становились солдаты рождения 1925 года. За военные годы они выросли и

возмужали, но пока еще неумело держали в руках оружие. Представитель штаба фронта, с папкой, в очках, пояснил:

— Учите на марше. Невелика премудрость солдатской науки: перебегать, стрелять, гранаты бросать. Лучше бы пропустить через запасные полки? А чем вы завтра будете воевать? Врага надо гнать с нашей земли.

На привалах и дневках проводились занятия, за новичками закреплялись бывалые воины.

24 сентября был последний переход. Части подошли вплотную к оборонительному рубежу, созданному противником за рекой Молочной. Командир дивизии провел рекогносцировку, в которой участвовали мы с командующим артиллерией. Ровное поле, расчерченное лесозащитными полосами. Перед обороной лежала большая, привольно раскинувшаяся деревня Тифенбрун. На огородах, рядом с домами, жители уже оборудовали щели. Войска стекались к фронту.

С небольшой высоты четко виднелись Ворошиловка, Показной, Ново-Мунталь и холмы, где проходил оборонительный рубеж фашистов. Совсем близко отсюда залегли подразделения передовых батальонов. Даже при первом знакомстве с обороной вызывало удивление требование командарма наступать с темпом 20–25 км в сутки. Такой темп возможен только при наступлении на поспешно занятый незначительными силами рубеж.

До вечера штаб планировал наступление. Мало данных. Только после, когда все отработанные документы легли в папки и замыслы стали претворяться в дела, схемы начали обрастать подробностями: обозначались опорные пункты, огневые точки, проволочные заграждения, паутина траншей.

Штаб отрабатывал каждый документ с обычной тщательностью. Там, где не хватало конкретных данных, их заменяли расчеты и прогнозы возможных действий противника. Вырисовывалась сплошная, глубокоэшелонированная оборона. Степь разрезал противотанковый ров. Впервые в нашей полосе встретилось такое сооружение, и оно убедительнее всего показывало, что фашистская армия вообще стала пугливее.

С наступлением темноты во всей полосе наступления дивизии стали действовать разведгруппы. Они разглядели на дне рва спираль Бруно и мины. Медленно вскрывалась огневая система и инженерные сооружения в обороне. За три часа до атаки был доставлен пленный. Подтвердилось, что в ходе планирования боя штаб в основном правильно оценил состав и группировку врага.

В 10 часов 26 сентября дивизия в составе 10-го гвардейского стрелкового корпуса 44-й армии перешла в наступление, имея в

первом эшелоне два полка. Противник открыл огонь по боевым порядкам. Более успешно продвигался 308-й полк. У него больше средств усиления, меньше ширина полосы наступления. Преодолев противотанковый ров, гвардейцы ворвались в первую траншею. На наш НП был доставлен пленный офицер с документами штаба батальона. На карте у него — схема обороны первой позиции с подробностью до огневой точки. Оказалось, что захват штаба батальона противника произведен под руководством зам-комбата старшего лейтенанта В. А. Чмеля. В одной цепи он шел в атаку с бойцами.

311-й полк несколько задержался в противотанковом рву. Совсем рядом — дома Ворошиловки, из которых враг вел сильный огонь. Кому-то надо было первому сделать рывок. Таким смельчаком оказался заместитель командира второго батальона капитан Б. А. Ивановский. Он вскочил на край рва и с возгласом: «За Украину, к Днепру!

Ура!» — бросился вперед. Он верил, что не окажется одиноким — гвардейцы дружно поднимутся за ним. Знал: воины залегли в противотанковом рву не от страха перед врагом, а для того, чтобы перевести дух, собраться с силами, оглядеть огневые точки, прикинуть для себя более выгодный маршрут для броска. Рывок замкомбата и дослужил тем самым толчком, который пружиной подбросил роты в атаку. На широком фронте подразделения ворвались в Ворошиловку и завязали уличные бои.

Из подвигов таких людей, как Б. А. Ивановский и В. А. Чмель, вырастал, по существу, успех. Всегда, в любом доле, а тем более в бою, нужен смельчак, способный первым броситься в огонь и показать, что «смелого пуля боится».

Продвижение частей шло медленно. Вскоре наступило равновесие сил. Уже не чувствовалось того превосходства, с которым начиналась наша атака. Оставалась надежда на второй эшелон. Его ввод должен изменить ход боевых действий. Где же его вводить? Полки первого эшелона вели напряженные бои за опорные пункты в районах Показного и Ворошиловки, между ними образовался промежуток. Вводом в него 305-го полка мы могли создать для противника угрозу выхода в тыл этим опорным пунктам, что не могло не сказаться на успехе действий полков первого эшелона. К тому же имелись данные, что фашисты ослабили этот участок, перебросив часть своих сил на поддержку войск, занятых боем за Ворошиловку и Показной.

305-й полк с ходу вклинился в оборону врага, сделал внушительную «вмятину» и, отражая контратаки, захватил ряд сильных опорных пунктов. Отважно воевали гвардейцы этого полка. Командир четвертой роты капитан М. П. Чеверда

выдвинулся с одним взводом и двумя расчетами ПТР вперед, в лесопосадку. Когда до батальона противника развернулось для контратаки, взвод внезапно обрушил по нему огонь. Враг не ожидал такого удара, пехота повернула вспять. Комбат капитан Я. И. Кисляк, воспользовавшись благоприятными условиями, поднял подразделения в атаку и начал теснить противника. В ходе этого боя было уничтожено 2 танка, 3 штурмовых орудия и более роты пехоты.

День клонился к вечеру, но огневой бой не стихал. Мы отвоевывали теперь уже не километры, а метры земли. Начальники штабов полков были единодушны в мнении о том, что сопротивление противника возросло. Обстановка усложнилась. Начальник разведки майор К. С. Михальченко пришел к выводу, что за ночь противник усилит свою группировку на направлении Показного. Командующего артиллерией подполковника Б. А. Харкевича беспокоила задержка в подвозе снарядов. В артчастях осталось 0,3 боекомплекта. Начальник тыла майор И. Л. Сухарев сообщил, что весь лимит боеприпасов выбрали, обещали немного дать завтра.

Командир дивизии полковник С. И. Дунаев спросил мое мнение о том, как целесообразнее развивать завтра успех. Мое предложение сводилось к тому, чтобы за ночь поставить на прямую наводку не менее трети пушечных батарей. Стрелять только по видимым целям. Б. А. Харкевич всегда был за новое, если оно помогало выполнить боевую задачу. Он очень бережно относился к своим подопечным и если согласился на такой шаг, значит, иного пути переломить обстановку не видел.

С начальником штаба артиллерии майором П. П. Николаевым оформили распоряжение на выдвижение ночью орудий к ротам первого эшелона. Николаев — мой ровесник, с ним мы всегда находили общий язык. Решал он вопросы быстро и смело. Для контроля за выполнением этих распоряжений ночью направились артиллеристы и офицеры штаба. Они лично проверили: где поставлены орудия, как оборудованы позиции, сколько снарядов на орудие, какая связь у артиллеристов с командирами рот. Проверяющие не фиксировали недочеты, а на месте, не отходя от исполнителей, добивались выполнения положенного.

Рано утром с командиром дивизии выехали на НП, оборудованный вблизи переднего края. Части возобновили наступление. Противник усилил обстрел. Орудия, выделенные для стрельбы прямой наводкой, сразу же открыли огонь по обнаруженным огневым точкам. Стрельба оказалась эффективной. Пулеметные точки, мешающие продвижению пехоты, быстро подавлялись. Подразделения стали продвигаться

решительнее. Справа вводилась в бой 49-я гвардейская стрелковая дивизия. С ее вводом все силы 308-го полка нацеливались на захват опорного пункта в Показном. Батальоны майора Н. Я. Чернова и капитана П. Е. Закутнего с двух сторон, как клещами, сдавили в нем группировку противника. Захваченный здесь пленный принадлежал к соединению, которое не отмечалось раньше на этом направлении. Выводы об усилении группировки противника подтвердились.

Вызывало беспокойство медленное продвижение 311-го полка. Подразделения встретили сильное огневое сопротивление. Значительная часть домов Ворошиловки была приспособлена к обороне. Бои принимали затяжной характер. Что мешало полку выполнить задачу? Начальник штаба капитан Д. Т. Онищенко добросовестно восстанавливал события, но сообщал о них коротко, без подробностей. Невольно создавалось мнение, что обстановка на поле боя застыла и командование полка не принимало необходимых мер для ее развития.

Много раз я убеждался, что доложить доходчиво обстановку — тоже искусство. Ведь в ходе напряженного боя, даже если подразделения не смогли продвинуться на новый рубеж, все равно события наращивались и развивались. Изменения происходили у обеих сторон. У противника обнаруживались новые огневые точки, возрастала огневая активность на одном участке и снижалась на другом, проводились контратаки, притом каждая отличалась не только составом привлекаемых сил, но и способами действий, осуществлялся маневр танками и штурмовыми орудиями. Даже незначительные изменения в обороне бросались в глаза и заставляли с большей внимательностью подходить к оценке действий противника.

В свою очередь и на нашей стороне перенацеливались удары артиллерии на более важные или вновь обнаруженные объекты, уточнялись задачи ротам и батальонам, под огнем противника осуществлялся маневр подразделениями, применялись новые приемы и способы выполнения задач. Все эти изменения наполняли живым дыханием поле боя, придавали остроту и напряженность в развитии боевых действий. Не замечать или упускать их — значит не видеть тех усилий, что предпринимались в интересах достижения поставленной цели.

Наш НП находился недалеко от Ворошиловки. Через полчаса я был на ее окраине, где встретился с капитаном Д. Т. Онищенко. Вместе с ним выдвинулись к командиру батальона майору В. Я. Антропову. Отсюда отчетливо просматривались дома, за которые шел бой. Вели огонь десятки пулеметов и автоматов, артиллерия прямой наводкой поддерживала действия атакующих.

Василий Яковлевич доложил обстановку. Он был уверен, что к исходу дня Ворошиловка будет в наших руках.

— Противник уже отказался от контратак, держится за укрепленные дома, — как о большом успехе сообщил он.

Комбат направил две группы смельчаков, чтобы обрушить удар одновременно с тыла и фронта. Группы уже просочились через передний край, и теперь он ждал от них сигнала, чтобы начать атаку с фронта.

Уверенность комбата в успешном исходе боя основывалась также и на мерах, предпринимаемых командиром и штабом полка. Знал он, что в захвате этого пункта окажут помощь подразделения 305-го полка, а также соседний третий батальон. Ничего не оставалось, как пожелать командиру батальона успеха, а начальнику штаба предложить проследить за точным выполнением всех намеченных мероприятий.

Антропов сдержал свое слово. К вечеру поступило донесение от штаба полка о захвате Ворошиловки. Это уже был успех. На Голубой линии батальон Антропова первым сломил сопротивление врага и овладел хутором Подгорным. За умелые и самоотверженные действия в том бою комбата наградили орденом Суворова 3-й степени. И в этом бою он снова был впереди. Бойцы рвались за ним через огонь, вдоль улиц, нанося удары по укрепленным домам. Враг не выдержал натиска, начал отступать, бросая технику и боеприпасы. В уличных боях было уничтожено более 200 гитлеровцев, захвачено два склада боеприпасов, минометная и артиллерийская батареи[7].

Комбат не выпускал из рук автомата, он быстро перебегал от одного укрытия к другому, на ходу ведя огонь. Когда подразделения выбивали врага из последних домов деревни, Антропов был тяжело ранен. Он умер в армейском госпитале. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Полковник С. И. Дунаев обычно осторожен в обещаниях, но на этот раз в разговоре с командиром корпуса смело заверил, что к исходу дня Показной будет взят. Хорошее качество у командира дивизии: обещал только то, в чем твердо уверен.

Он спокойно выслушал доклад командира 305-го полка майора З. С. Кравец. Тот не сгущал краски, когда докладывал обстановку в районе южнее Показного: сильный огонь, подразделения несут потери. Дунаев сам знал, что противник предпринимал отчаянные попытки, с тем чтобы не допустить продвижения на этом направлении наших частей и исключить обход Показного. Если полк не ослабит натиск на оборону, то он выполнит свою задачу и обеспечит успех действий своего соседа.

Об этом напомнил комдив командиру полка.

Командир 308-го полка майор К. А. Андреев, несмотря на возросшее сопротивление фашистов, твердо заверил, что Показной через два часа будет нашим. В этом выводе — воля, расчет, предвидение хода развития событий, знание боевых возможностей своих подразделений и противника.

— Вся артиллерия вас поддержит, — обещал С. И. Дунаев. — Тщательно подготовьте удар. Кравец поможет.

В захвате этого опорного пункта решающую роль сыграл смелый маневр батальона капитана П. Е. Закутнего. Под прикрытием лесопосадки подразделения скрытно просочились в глубину обороны противника и внезапно обрушили удар с тыла. Среди первых воинов, ворвавшихся в Показной, был комбат. Своим бесстрашием он увлекал вперед воинов.

Поздно вечером удалось посмотреть оборонительные сооружения в районе Показного. Подразделения закрепляли захваченные рубежи. Здесь я встретился с капитаном В. Смирновым, на днях прибывшим в полк после госпиталя. С ним познакомился еще в первые месяцы войны. Запомнился он мне своей смелостью в бою, бодрым взглядом на жизнь и обстановку, какой бы она ни была трудной.

Из госпиталя Смирнов прибыл в нашу дивизию — и сразу же в бой, здесь, на Молочной. Он по-прежнему бодро смотрел на обстановку. У него были дельные мысли: шире использовать обходы опорных пунктов, не придерживаться разграничительных линий, смелее выходить за пределы своих полос, чтобы бить противника по флангам и с тыла.

— Узкая полоса батальона сковывает маневр, настраивает на лобовые атаки, — доказывал он. — Нечего бояться за свои фланги — мы наступаем!

Чаще можно было услышать, что широкие полосы не позволяют создавать необходимое превосходство в силах и средствах над противником. Смирнов рассматривал это с другой, более привлекательной позиции, что вызывало уважение к его взглядам.

Идеи Смирнова следовало решать на уровне штабов. Не пожелания отдельных командиров, а плановые действия, согласованные удары во фланг и тыл но заранее намеченным опорным пунктам.

На другой день сначала в полках были размечены направления для совместных ударов рот и батальонов, особенно на участках, где положение подразделений по отношению к противнику позволяло наносить удары с двух сторон. Потом вошли в практику такие удары и в масштабе дивизии при захвате

сильных опорных пунктов, расположенных на стыках полков. Так мысли Смирнова стали пробивать себе дорогу, способствуя успешному выполнению боевых задач.

Многие полезные идеи приходили с низов, от командиров подразделений, адъютантов старших батальонов. Если же офицеры прирастали к телефонным трубкам, к столам, бумагам, пробовали пользоваться только информацией, поступающей по средствам связи, то исчезал, невосполнимо терялся важнейший источник сведений. В свое время генерал М. Ф. Тихонов направлял офицеров штаба корпуса в подразделения, с тем чтобы они смогли почувствовать вблизи пульс боевой жизни. Не все тогда признавали целесообразным такое новшество, но оно было полезным. Офицеры штаба реальнее стали подходить к оценке обстановки, разнообразнее оказывались их предложения по содержанию различных разрабатываемых мероприятий.

Через три дня мне сообщили, что Смирнов погиб. Вечером я поехал проститься с ним. Начинало темнеть. Взлетели первые осветительные ракеты. Позади окопов на небольшой поляне лежали тела погибших. Я нашел его сразу, долго стоял, вспоминал, как в начале войны шли по дорогам отхода вместе, ели из одного котелка, делили поровну кусок хлеба…

Правее разгорелась стрельба: забухали минометы, замелькали в темноте короткие, энергичные вспышки орудийных выстрелов. А я все думал: «Без тебя будем праздновать победу. Но тебя вспомним. Ты ведь был в числе первых, кто вступил в войну на границе. Может быть, не все у нас тогда получилось хорошо, но не сразу вырастают настоящие бойцы».

Бои продолжались на редкость яростные. Дивизия проламывала оборону. Продвижение в день по 600–800 метров. Слишком скромные шаги для такого богатыря, как дивизия. Основная причина низких темпов — недостаток снарядов. Сразу же потеряли былое значение расчеты соотношения средств. До этого штабы вписывали в таблицы количество танков, орудий, противотанковых ружей, пулеметов, сравнивали их с такими же огневыми средствами противника — определяли, в какой мере мы превосходим другую сторону. Теперь же эти огневые средства стояли на позициях, но стреляли не с полной нагрузкой и тем самым не обеспечивали свое превосходство над противником. Но даже при недостатке снарядов напряжение боя не спадало.

Трудно сказать, какой полк находился на главном направлении: всем приходилось воевать с полным напряжением сил. Как-то я часа два пробыл на НП 308-го полка. Начальник штаба майор П. И. Щербаков сообщил данные о противнике,

полученные из разных источников за последние три часа: появился на возвышенности около лесопосадки новый НП, к кургану выдвигались два танка, огня не вели, через час отошли назад, заметно повысилась огневая активность на флангах, усилился артиллерийский обстрел боевых порядков полка… Все это были мелкие, разрозненные факты, которые обычно непрерывным потоком стекались в штаб. Но, собранные вместе и умело сопоставленные, они безошибочно наталкивали на вывод о том, что противник сосредоточивал группировку для нанесения контратаки против полка.

— Какими же силами, по-вашему, он нанесет удар? — поинтересовался я.

— До усиленного полка. Скорее всего начнет рано утром, — твердо определил он.

При внимательном анализе имеющихся данных вполне обоснованно выглядели выводы начальника штаба. Не теряя времени, я запросил данные у артиллеристов и в штабе соседней дивизии, довел до них наши предположения. Все сходились на том, что с утра следует ожидать активных действий противника. Были приняты меры. 308-й полк закрепился на достигнутом рубеже, на его усиление был выдвинут противотанковый дивизион, нацелена дивизионная артиллерийская группа на поддержку боя.

С рассветом до полка противника с тридцатью танками провели контратаку. Наши подразделения обрушили плотный огонь в упор по контратакующему врагу. Какое-то время, скорее по инерции, фашисты еще двигались навстречу огню, но вскоре повернули назад. Контратака была успешно отражена, и, думается, немалая в том заслуга штаба, сумевшего заранее определить нависшую угрозу.

Бои подразделений словно сотканы из мужественных действий отдельных воинов. Проскочить первым через огонь, первым ворваться во вражескую траншею, где в рукопашной схватке штыком и прикладом уничтожить набросившихся фашистов, — в этом долг и призвание отважных бойцов. В штаб стекались сведения о героических делах воинов.

Пулеметчик рядовой Н. А. Ганшин из 308-го полка прикрывал открытый фланг батальона. Заняв позицию, он отрыл для себя окоп. Ждать долго не пришлось. Со стороны лесопосадки развернулось до двух сотен фашистов. Они ускоренным шагом продвигались в его сторону. Несколько снарядов разорвалось вблизи окопа пулеметчика.

Ганшин прикинул, что подпускать врагов близко нет резона — тогда одному не остановить противника. Он открыл огонь. Бил

расчетливо, выбирая цели для каждой короткой и точной очереди. Артиллерия и минометы противника открыли огонь. Все ближе и ближе к окопу взлетали султаны земли. Острой болью резануло шею, ручьем потекла кровь. Дважды он раньше был ранен, но никогда так сильно не бежала кровь. Он понял, что, если не остановит ее, потеряет сознание. Враги приближались. В глазах солдата темнело. Он уже плохо различал дальние цели, бил по тем, что маячили вблизи, но и они расплывались, словно в жарком мареве.

Ганшин держал позицию, отбивая атаку противника. Низко опустив голову, стрелял, а чтобы остановить кровь, прижимал рану к прикладу пулемета. Он не знал, что к нему спешили на помощь гвардейцы из его роты. При виде их он беззвучно шевельнул побелевшими губами, видимо намереваясь что-то сказать… Перевязав, товарищи отправили его, почти бездыханного, на батальонный медицинский пункт.

Начальнику штаба всегда близки дела разведчиков. Выделялся среди них старший сержант Константин Приказчиков. Трудно было представить его без автомата на шее, трех гранат и кинжала на поясе, лихо сдвинутой набекрень пилотки. Однажды группа, возглавляемая им, проникла через проволочный забор, подползла к самым окопам противника. Два часа терпеливо лежали под огнем, выжидая объект для нападения. Один фашист вылез наружу. Его схватили, без шума приволокли к нам.

— Все мелюзга попадает, — сокрушался Приказчиков. — Хотелось бы поймать карася…

Перед выходом на задание он обычно днем уходил на передний край, долго всматривался в оборону, изучал, запоминал. Чем больше была плотность живой силы и огневых средств на рубеже, тем труднее рождалось у старшего сержанта решение.

Однажды он направился с тремя разведчиками за «языком». Решено было захватить его в ближайшем тылу врага. Удачно преодолели передний край обороны противника. Впереди стоял длинный сарай, а за ним — дом, в котором, по всем приметам, могли быть фашисты. Около дома решили устроить засаду. Приказчиков дал сигнал разведчикам оставаться на месте, в мелком кустарнике, и быть готовыми в случае необходимости поддержать его действия, а сам пошел вперед. Только завернул за угол сарая, увидел пятерых фашистов. Они, видимо, раньше заметили разведчика и ждали его. Загоготали. Один даже успел весело скомандовать: «Рус, руки вверх!» Сразу двинулись на него.

В разные ситуации попадал он, но в такой оказался впервые. Оплошал, поторопился, а надо бы осмотреться, выждать. Не раз

брал суровые уроки войны, знал, что опасность всегда обрушивается внезапно, схватывает человека за горло, оставляя ему только мгновения на принятие решения.

Вмиг вскинул автомат, дал очередь. Двое свалились. И тотчас повторил очередь, но поверх голов. «Бросай оружие. Руки вверх!» — властно скомандовал он.

Трое подняли руки, на землю упали автоматы.

Когда я его спросил, как ему удалось выйти победителем, он пояснил:

— Я же разведчик. Они толпой на меня, а оружие забыли держать навскидку, думали голыми руками сграбастать. Первую очередь дал по цели, а вторую — чтобы подтвердить свою команду: сдавайтесь. Подняли лапы. Обезоружил.

Троих фашистов взял в плен. Товарищи, волнуясь, ждали его. Верили, что их сержант выйдет в перестрелке победителем. Знали, что мешать ему не нужно.

В другой раз его группа захватила пленного во вражеской траншее. Было так. Ночью один перекрыл траншею, обезопасив свой тыл, а двое двинулись на поиск «языка». За поворотом траншеи около пулеметной точки стояли два фашиста, о чем-то тихо переговариваясь. Приказчиков решил их брать. Резко выдвинувшись к ним, скомандовал: «Руки вверх!» Один с испугу крикнул, всполошив фашистов, находившихся рядом, в блиндаже. Трое выскочили оттуда.

Ничего не оставалось, как дать очередь по пулеметчикам и все внимание направить на выскочивших из блиндажа. «Брать живым!» — скомандовал сержант своему напарнику, опасаясь, как бы тот не выпустил из-за его плеча очередь из автомата. Первого удалось схватить и обезоружить, но двое, оценив опасность, удрали.

Оказалось, что на этот раз был захвачен разведчик. Тот признался, что таких вот мастеров разведки у них нет.

— Ваши владеют акробатикой! — заявил он.

Да, у наших бойцов иная выучка, иные взгляды. Они бились за жизнь, за свою землю, свой народ, и это делало их мастерами в бою.

Константин Николаевич, выслушав ответ пленного, покачал головой:

— Разве это разведчики? Трое их было — двое убежали, бросив одного. А этот слюнтяй забыл даже, где приклад у автомата.

Среди разведчиков попадались отчаянно смелые, но нетерпеливые. Как-то командир роты старший лейтенант И. М. Савичев просил отчислить одного. Бросался тот в огонь без

расчета. Не было у него чувства выдержки. Своей горячностью он уже дважды срывал выполнение задачи. Выскакивал из-за укрытия без команды старшего, пытаясь опередить других в захвате «языка». Раньше времени обнаруживал себя, в результате приходилось отбиваться от врага и отходить с пустыми руками.

Побеседовал я с ним. Сорвиголова оставался верен себе, с жаром убеждал:

— Лежат, чего-то ждут, а фашист — рядом, его голыми руками можно схватить! Правда, не удалось мне, не рассчитал малость. Но в другой раз будет удача. Заверяю. Я не трус. Много раз брал «языка» в одиночку.

Но если человек потерял доверие у товарищей — с помощью приказа авторитет не восстановить. Пришлось разведчика перевести…

Бой — это взлет духа, смелые броски на огонь. Без мужества нет и подвига, а подвиг уже высвечивает душу и характер человека.

Немеркнущий подвиг совершил заместитель командира батальона 311-го полка капитан Б. А. Ивановский. Он, раненный, не имея сил бросить гранату, подполз под двигающийся навстречу танк и взорвал его.

Бой — это большое напряжение нервов и сил и в то же время тяжелая, смертельно опасная работа. Когда трудятся вместе много людей, то нелегко выделить, кто действует более храбро. Нередко оставались неизвестными подвиги погибших и раненых. А ведь многие из них дрались отчаянно, смело пробивали в огне дорогу. Если воин ранен, то ему тем более важна награда — кто знает, вернется ли он снова на фронт, а если погиб, как важно родным получить известие, что воевал он бесстрашно и за проявленную доблесть посмертно награжден орденом или медалью.

К сожалению, штабы иногда забывали об этом. Приходилось напоминать им. Конечно, нельзя было не учитывать и большую текучесть личного состава. Например, только за четыре дня боев здесь, на Молочной, в первой роте 305-го полка сменилось три командира: один был убит, двое — ранены.

В ходе боев, когда успехи, несмотря на большие усилия, измерялись сотнями метров, представляло большую сложность писать боевые донесения. Здесь требовалось высокое мастерство офицеров штаба, чтобы убедительно показать, каким трудом завоевывались эти метры. В донесениях полков не всегда выпукло показывались изменения обстановки и развитие боевых действий. Нередко в них повторялись безликие формулировки, в которых терялись особенности каждого боя. Нельзя было обвинять первых

помощников начальников штабов, которые писали эти документы, в том, что они не знали обстановку и не представляли динамику боя. Причина заключалась в другом: не хватало у них опыта, умения, навыков в написании документов.

Чтобы ускорить накопление знаний и навыков у командиров, однажды поздно вечером пригласили их на КП дивизии. Сели рядом к небольшому столику капитан П. К. Усов, старшие лейтенанты М. С. Катещенок и И. Н. Скоков. Малую пользу могла оказать им лекция, а тем более летучки. Здесь требовались другие методы обучения. Я достал шесть донесений, полученных от них за прошедший день. Все они были разные, не похожие друг на друга, в каждом по-своему излагались обстановка и события. Полки действовали в первом эшелоне, воевали примерно одинаково, да и успехи резко не отличались. Донесения перешли к ним в руки.

— Ты чего же про нас написал глупость? — встрепенулся Усов, показывая донесение Скокову. — Не так было.

— Мне комбат сообщил. Сам я не выдумывал.

— «Комбат», — передразнил Усов. — Мог бы мне позвонить.

Донесения переходили из рук в руки. Читали так же внимательно и свои. Видимо, здесь совсем по-другому воспринималось содержание документов. Прочитанное попадало ко мне. Я исправлял, подчеркивал неудачные выражения и делал пометки на полях. Одно донесение пришлось переписать заново, слишком оно оказалось неубедительным, неряшливо оформленным.

После исправления документы снова передавались по кругу, теперь они уже дольше задерживались в руках, с большим вниманием изучались. Никто не проронил ни слова. Молча согнувшись над столиком, старательно вчитывались в исправления. Затем я вручил им на суд три боевых донесения, написанных за день штабом дивизии. Теперь уже я вглядывался в выражения лиц офицеров, пытаясь уловить оценку ими этих документов. Все они одобрительно отозвались о донесениях, не высказав никаких замечаний. Я не слишком радовался, думая, что они, скорее всего, постеснялись критиковать вышестоящий штаб.

Конечно, и в донесениях штаба дивизии не все было безупречным. Удачно найденная формулировка оценки обстановки повторялась в двух документах, в которых излагались боевые действия, разделенные 4–5 часами по времени. Кто бы ни прочел их, мог увериться, что на поле боя не произошло ничего существенного, что войска не проявили настойчивости и находчивости в выполнении поставленной задачи.

Такая форма учебы, несомненно, оказывалась полезной,

особенно когда в памяти исполнителей еще жили обстановка и ход боевых действий, не были забыты мучительные поиски слов и выражений при составлении документа. Завтра будет другая, совсем не похожая обстановка, по-другому развернутся события на фронте, — что же, опять собирать? Может быть, и придется. Готовить офицеров в процессе их боевой работы всегда сложно. Но нельзя забывать, что операторов должно отличать умение быстро схватывать все, что от них требовалось.

В конце такого занятия — совсем короткие указания. Еще один шаг сделан на пути к мастерству.

При очередном вызове начальников штабов полков я довел до них основные недостатки, допускаемые при разработке боевых донесений — ведь они несли ответственность за качество документов и, если подписывали их, обязаны были замечать погрешности в формулировках. Видимо, не все начальники штабов всегда тщательно изучали донесения, целиком полагаясь на умение и добросовестность своих первых помощников.

В любых условиях одной из важнейших задач штаба оставалась проверка хода выполнения войсками поставленных боевых задач. Офицеры штаба дивизии направлялись в подразделения не потому, что не верили докладам подчиненных, а чтобы на месте более обстоятельно вникнуть в обстановку и наметить оправданные меры для ее изменения.

Осуществление контроля я всегда рассматривал как одну из важных и трудных задач штаба. Отыскать недостатки в работе подчиненных — самое легкое дело, труднее вскрыть причины этих просчетов и определить разумные пути их устранения. Какая бы ни ставилась цель в ходе контроля, от офицера штаба всегда требовалась высокая принципиальность.

Можно привести некоторые примеры из опыта проверок.

Успех в бою во многом зависел от своевременного выдвижения к ротам орудий прямой наводки и быстрого уничтожения ими появляющихся целей. Однажды дождь лил всю ночь и все утро. Земля раскисла, и на одном участке расчеты орудий не успели выдвинуться за пехотой. Штаб полка предъявил артиллеристам серьезные обвинения: не хотят, мол, они быть на одном рубеже с пехотой и поэтому не проявляют настойчивости, чтобы продвигать орудия.

Помощник начальника оперативного отделения капитан И. Ф. Тарханов лично побывал у артиллеристов, посмотрел, с каким трудом расчеты проталкивали орудия по раскисшей земле. Он настоял на том, чтобы выделили им в помощь пехоту и сняли с них всякие обвинения. Сам по себе факт вроде незначительный. Но сразу же возникал вопрос: почему же офицер штаба полка,

который раньше проверял, не вскрыл истинную причину? Оказалось, что тот подошел к проверке формально: ему требовалось отыскать причины задержки продвижения батальона, а он, не затрудняя себя поисками, взял первую, что попалась на глаза. Она снимала вину с командира батальона, и все обвинения падали на приданную «чужую» противотанковую батарею.

Вот другой пример. Помощник начальника штаба 311-го полка капитан П. К. Усов перед самой атакой прибыл в батальон, действующий в отрыве от основных сил. Артиллерия произвела короткий огневой налет, но пехота задерживалась с переходом в атаку. Разрыва между концом артналета и атакой, как известно, не должно быть. Если он образовался, то выгоднее все начинать сначала. Враг уже сбросил пыль с плеч, стряхнул страх и вцепился руками в оружие. А его нужно накрывать до этого, пока он не поднял голову, иначе будет поздно.

Петр Константинович чутьем уловил надвигающуюся опасность. Он никого не спрашивал, почему происходит задержка с атакой, не пытался искать командира, чтобы подтолкнуть его к подаче команды, — понимал, что в этой обстановке надо не говорить, а немедленно действовать самому. Первым двинулся в атаку. За ним дружно поднялись роты. Когда уже был захвачен опорный пункт, командир батальона обхватил за плечи офицера штаба, поблагодарил его за помощь.

При встрече с Усовым я напомнил ему этот эпизод.

— Ничего особенного. Обычное дело, — ответил он. — Самая простая ситуация.

Мне было приятно, что офицеры штаба в ходе контроля, если нужно, смело вторгались в управление подразделениями, болели душой за выполнение задачи.

Однажды, изучая поступившие боевые донесения, я обратил внимание на то, что один из батальонов 311-го полка, находясь в равных условиях с другими, за день боя понес больше потерь в личном составе. Вечером, когда затихло на поле боя, я побывал в полку.

— Чем объяснить большие потери людей? — спросил я начальника штаба полка.

Тот замялся. Если обвинить комбата — тотчас следует другой, более сложный вопрос: «Где же был штаб? Почему он не вмешался в развитие событий?» И он ответил, что потери можно объяснить только одним: сильный огонь противника.

Командир батальона тоже не нашел другой причины. Сам он не прятался за спины подчиненных, действовал в одной цепи с рядовыми. Я поговорил с адъютантом старшим батальона, с командиром артиллерийского дивизиона, командиром роты и

двумя взводными. Восстанавливались события прошедшего боя…

Батальону предстояла нелегкая задача: захватить опорный пункт на небольшой возвышенности. Местность открытая, каждый человек на виду, под прицельным огнем врага. Организация атаки заняла у комбата совсем мало времени.

— Я сам пойду вместе со второй ротой. На одном дыхании надо достичь вражеских траншей, — воодушевлял он своих подчиненных.

После короткого артиллерийского налета по вражеской обороне батальон атаковал противника. В цепи второй роты был комбат.

Первая, самая сильная атака была отбита. Через полчаса снова атака. Опять неудача. Еще три раза поднималась пехота, но безрезультатно.

Артиллерийский дивизион, поддерживающий действия батальона, расчеты противотанковых пушек и минометов вели огонь по своему усмотрению, не получая распоряжений комбата. Справа подразделения вклинились в оборону врага, создавая благоприятные условия батальону для обхода и нанесения удара по флангу опорного пункта. Но комбат не отступал от своего решения, убеждал командира полка, что он выполнит задачу.

— Еще один удар — и опорный пункт будет захвачен! — докладывал он, видимо не желая оказаться в числе «отстающих».

С каждым разом все больше редели цепи. На последнюю атаку у артиллерийского дивизиона не хватило снарядов. Опорный пункт так и не удалось захватить.

Комбат храбр — все подтвердили. Но ведь этого мало. Одной личной отвагой задачу не выполнить, командиру нужны еще мастерство и умение организовать бой. А если этого нет, то храбрость может принести не пользу, а вред, как случилось в прошедшем бою.

Командир дивизии, когда я доложил об этом случае, согласился со мной в том, что поспешили с выдвижением этого офицера на должность комбата. В тот же день его перевели в другой полк заместителем командира батальона.

В ходе проверки требовалось не только вскрывать недостатки и принимать меры к их устранению, но и выявлять хорошее, полезное, достойное внедрения в практику работы других. Успешно выполнить эти большие задачи могли лишь офицеры, имеющие хорошую подготовку, глубокие знания и боевой опыт, способные квалифицированно разобраться в делах, а если нужно, то и показать, как лучше действовать. В этом одно из важнейших слагаемых авторитета вышестоящего штаба в войсках.

Во время одной из проверок штаба 311-го стрелкового полка

было отмечено, что содержание и оформление отчетных документов значительно улучшились. За короткий срок удалось устранить отмечавшиеся ранее недостатки. За счет чего же возросло качество отчетных документов?

Казалось бы, легко понять начальника штаба полка, когда он сам брал на себя разработку этих документов и тем самым не допускал недочеты. Так и было в действительности. Но нельзя признать лучшим вариантом такие действия. Ведь, по существу, в этом случае происходила подмена должностных лиц, обязанных по долгу службы заниматься разработкой отчетных документов. У начальника штаба имелось немало других забот, и если он непозволительно много времени тратил на составление боевых донесений, то упускал другие, более важные работы, которые нельзя было оставлять или передавать на исполнение другим офицерам. Целесообразнее было бы пойти по иному пути: оказать помощь в работе своему первому помощнику, научить его самостоятельно разрабатывать эти документы, а добрый совет в ходе проверки помог бы ему выправить недочеты.

Проверка осуществлялась не только путем выезда офицеров в войска. Одним из действенных способов контроля оставалось личное наблюдение командира и офицеров штаба за действиями войск на поле боя. С НП, который располагался обычно в нескольких сотнях метров от передовых подразделений, командир дивизии видел, как развивались события, какое сопротивление оказывал противник нашим наступающим частям, прежде всего на направлении главного удара. При такой системе наблюдения доклады подчиненных отличались объективностью, точностью и немногословием.

Близкое расположение НП к переднему краю обеспечивало не только благоприятные условия для контроля за выполнением боевой задачи, но и повышало устойчивость управления. В тех случаях, когда прерывалась связь с полками, командир дивизии мог сам увидеть происходящие на поле боя изменения и незамедлительно среагировать на них маневром силами и средствами.

Находясь вместе с командиром на НП, я всегда был в курсе обстановки, всех его замыслов, что значительно облегчало решение задач штабом и способствовало улучшению организации управления. КП, который размещался в 2–2,5 километрах от НП, возглавлял начальник оперативного отделения майор Н. В. Попов, хорошо подготовленный и опытный офицер. Он по праву заместителя начальника штаба выполнял все задачи, наиболее важные согласовывая со мной.

В ходе этих тяжелых боев достигалось взаимопонимание

командира с начальником штаба. Вначале по старой памяти (Дунаев работал одно время начальником штаба бригады), нередко склонившись над картой, аккуратно выводил условные знаки, старательно готовил расчеты, отрабатывал начисто свое решение. Но вскоре убедился, что у него есть штаб, который сделает эту работу быстрее и лучше. У командира — свои, более сложные и трудные обязанности. Приятно, что с первых шагов он целиком стал доверять штабу. Штаб занял положенное ему ведущее место в управлении. С ним согласовывали свои вопросы начальники родов войск и служб, вся информация текла через него. Доверие — великая сила, она толкала на творчество, инициативу, поиски нового. Смелее взгляд у того исполнителя, которому доверяет начальник, не опекая по мелочам.

В разгар боев, когда наше продвижение замедлилось, в дивизию приехал командарм генерал В. А. Хоменко, с ним прибыл и командир корпуса генерал И. А. Рубанюк. Заслушали доклады об обстановке и состоянии частей. Цифры у меня всегда были под рукой, а многие из них помнил. С каждым днем таяли полки.

— Если с таким напряжением провоюем еще несколько дней, то совсем мало останется в ротах людей, — доложил я.

— Что же, по-вашему, прекратить атаки? — переспросил командующий. — Сидеть сложа руки и ждать, когда фашисты побегут? Не дождетесь. Вроде все берегут людей, а один командующий этого не хочет. Поймите, приказ никто не отменяет, и я не отменю.

На минуту в землянке повисла тяжелая тишина. Полковник С. И. Дунаев доложил решение на завтрашний день, в котором предусматривалось сужение полкам участков прорыва, выделение специально подготовленных подразделений для обхода опорных пунктов, выдвижение части пушечной артиллерии для стрельбы прямой наводкой.

— Вы уверены, что задача будет выполнена? — спросил его командующий.

— Не уверен. Мало снарядов и мин. Огневые точки не сумеем подавить. — Последние слова командир произнес совсем тихо, вроде расписался в своем бессилии.

— У начальника штаба такое же мнение? — переспросил генерал И. А. Рубанюк.

У нас с командиром обычно не было разногласия в решении основных вопросов. Тяжелые бои за последние дни убедительно показали, что для успешного развития прорыва обороны

требовалось накопить боеприпасы, произвести перегруппировку и дать время на тщательную организацию наступления. Командир корпуса, видимо, не ждал других выводов.

Командарм взял в руки ведомость боевого и численного состава дивизии, изучил справку о наличии боеприпасов, бегло взглянул на таблицу соотношения сил и средств. Может быть, он и не обратил внимания, но в таблице приводился также расчет соотношения огневых возможностей сторон. Много времени потратили мы с командующим артиллерией, чтобы определить эти возможности, привести их к единым показателям, которые позволяли уже установить их соотношение. Факты убеждали, что разумнее всего дать время, чтобы подготовиться к новым атакам.

Ночью позвонил командир корпуса, передал распоряжение закрепиться на занимаемом рубеже, два дня отвести на подготовку к бою. Мы с командиром дивизии уточнили решение и определили объем мероприятий, которые нужно провести за это время. Было уже два часа ночи. Штаб приступил к разработке планов и распоряжений. Совсем близко ухали взрывы, взлетали осветительные ракеты, слышалось тарахтенье пулеметов. Чтобы не терять времени, на КП были вызваны начальники штабов полков. Они нанесли на свои рабочие карты уточненные задачи, записали основные мероприятия, которые надо провести незамедлительно.

Наступал рассвет. Штаб завершил разработку документов. Заглянул ко мне в землянку начальник штаба артиллерии майор П. П. Николаев. С ним предстояло согласовать ряд вопросов. Есть офицеры, с которыми легко решались любые сложные дела. Они с ходу улавливали их существо и, поняв, становились союзниками, шли в ногу, стараясь найти лучшие пути для устранения возникших трудностей. Таков был и П. П. Николаев. За полчаса мы с ним согласовали все вопросы. При выходе из землянки я пропустил его вперед… Снаряд разорвался в одном метре от него, ткнувшись в комья нарытой земли. Меня только сильно качнуло назад взрывной волной. Его я подхватил на руки. В сознание он так и не пришел. До чего же нелепо обрывается жизнь на войне! Был человек — и нет его. Потеря боевого товарища всегда отдавалась болью.

После короткой паузы части перешли в наступление и значительно продвинулись в глубину обороны противника. Но вскоре опять снизился темп. Объяснять это недостатком снарядов было уже нельзя. Все признавали, что их не хватало, однако и в этих условиях требовалось обеспечивать наращивание темпов.

Все, что в какой-то мере могло содействовать повышению

боеспособности частей, не оставалось незамеченным штабом. Приходилось сокращать количество людей в спецподразделениях, чтобы пополнить роты.

При недостатке людей в ротах с особой остротой встала проблема не допустить оттока из дивизии раненых, которые могли в короткие сроки восстановить свое здоровье. Командир медсанбата капитан И. Е. Плющев с пониманием воспринял такое предложение. Дивизионный врач майор М. И. Семенов заверил, что медики сделают все возможное, чтобы решить эту задачу. Но в условиях большого потока раненых ограничивались возможности по выделению врачей для обслуживания выздоравливающих, создания для них условий по типу госпитальных.

Порадовали артиллеристы 245-го артполка, они сами предложили свою помощь. Была создана штурмовая группа. Не по приказу, а по зову своего сердца встали они в строй пехоты. Добровольцы — это люди большого долга, высокой солдатской чести. Сами понимали: надо помочь. Конечно, артиллеристы не внесли коренного перелома в развитие боевых действий, но сам факт включения их в боевой порядок стрелковых подразделений по-своему знаменателен и похвален. Начальник штаба полка капитан М. П. Фурсов не удержался, с гордостью сказал:

— Благодарность они заслужили уже за то, что встали в цепь атакующих.

Вот некоторые из них: старшина А. П. Лазаренко, старший сержант Х. М. Коложанов, сержанты П. А. Любич, Н. Н. Инухов, рядовой Ф. К. Серегин.

Важнейшей задачей штаба являлось изыскание новых способов действий по захвату опорных пунктов противника. На первых порах оправдывали себя атаки в сумерках и рано утром небольшими силами на широком фронте. Но когда они стали часто повторяться, то и противник приспособился к их отражению. Надо было искать новое, неожиданное для врага, что позволило бы с затратой небольших сил и средств успешно выполнять поставленные задачи.

Вроде бы все уже новшества испробованы, но штабу положено их искать и находить. Одна из новинок выявилась при встрече с командиром первого батальона 305-го полка капитаном В. Г. Носыревым. Василий Гаврилович не был похож на других комбатов. Он считал себя моряком, хотя больше времени служил в частях береговой обороны. В пехоту, как уверял он, попал «для выравнивания крена». Нехотя заменил бушлат на телогрейку. Но по своей натуре так и остался бесстрашным моряком. Носырев был рожден не для тихой жизни, ему по душе были риск,

опасность, смелые броски. В лихо сдвинутой на затылок фуражке, легком ватнике, с широкой приветливой улыбкой шел он всегда впереди батальона. На марше — вместе с бойцами, в бою— почти в одной цепи. В минуты затишья на фронте любил песню, сам запевал, хотя голосом и не одарила природа, но песня всем приходилась по сердцу, и ее всегда дружно подхватывали бойцы. Таких любили подчиненные, заботливо оберегали.

Среди комбатов были хорошо подготовленные офицеры, способные правильнее сформулировать задачи ротам и лучше организовать взаимодействие, чем мог это сделать В. Г. Носырев. Но у него было свое, простое, самобытное в тактике, в управлении подразделениями, в манере обращения с подчиненными. Такое не приобретается в учебных заведениях, а рождается вместе с человеком и развивается в нем по мере накопления опыта, знаний, житейской мудрости.

Характер у него был ершистый, особенно в разговоре с начальниками. Спокойно не мог выслушать замечания и, тем более, нелестные оценки действиям своего батальона. Ему казалось, что больше того, что сделали его подразделения в бою, сделать уже нельзя.

Однажды батальон находился в резерве дивизии и располагался вблизи нашего НП. Утром капитан Носырев появился перед командиром дивизии. С места пошел в атаку:

— Отказали в награде двум бойцам. Самые храбрые. Они заслужили медали.

Начался бой, некогда было заниматься разбором этой обиды. Полковник Дунаев отослал комбата ко мне. Я обещал вечером поговорить с командиром полка и уточнить причину отказа.

— Поздно. В атаке могут не уцелеть. Сейчас надо их порадовать, — настаивал он.

Пришлось, не откладывая, заняться этим делом.

Василий Гаврилович был прекрасным воспитателем. К каждому будто подбирал он свой ключ, чтобы открыть то самое основное в нем, что задавало тон и наполняло человека мужеством и отвагой в самых опасных условиях. Душевная простота, открытая для всех натура, чуточку грубоватый, но безобидный тон в разговоре — все это помогало комбату быть непререкаемым авторитетом, быть близким и нужным для личного состава. Не случайно в паузах между боями красноармейцы, окружив плотным кольцом командира, делились с ним мыслями, ждали от него ответа, а иной раз подсказывали, как, по их мнению, лучше ему поступить.

Самородки воевали по-своему, они не дублировали никого, а сами пробивали дорогу к успеху. У них не хранились в запасе

шаблоны, готовые рецепты, заготовленные образцы, и, может, поэтому они были страшны или, во всяком случае, непонятны противнику, который ожидал в каждом бою привычное, освоенное, а сталкивался с непознанным, странным и неожиданным, и это сбивало его с толку, нарушало сложившуюся систему взглядов на ведение боя.

Носырев ввел новое: ночью наступали у него не роты, а отдельные группы, которые он назвал для солидности штурмовыми. Самые храбрые, опытные включались в них. Даже чуткие уши не улавливали выдвижение их к переднему краю противника. Успех этих групп — во внезапности действий: с самой короткой дистанции — прицельный бросок ручных гранат и стремительный рывок гвардейцев в траншею врага. Успех возрос, быстрее пошло продвижение батальона. Его примеру последовали другие командиры подразделений. Но вскоре фашисты стали обкладывать свои позиции минами и перед самым передним краем ставить проволочные заборы.

Предстояло опять искать неожиданное для противника. И Василий Гаврилович нашел, а может быть, кто подсказал ему и он подхватил. Сразу же загорелся новым, ни одного часа не терял для его реализации. Замысел был простой: ночью группа скрытно переползает через передний край противника и наносит удар с тыла, а основные силы батальона — с фронта. Легко сказать: переползает, а каково нащупать лазейку, где бы в сплошной обороне не находилось фашиста и огневой точки? Долго лежал комбат с двумя разведчиками на переднем крае, до мелочей изучил оборону, скрытые подходы, наметил маршрут. Была подобрана группа из 12 смельчаков. Сам возглавил ее.

Осенние ночи длинные и темные. Накрапывал дождь, мелкий, противный. Как стемнело, поползли. Впереди сапер, за ним разведчик и третьим комбат. Ползли медленно. Перед позициями врага полоснула случайная пулеметная очередь — тяжело ранило разведчика. Носырев подполз, погладил его по спине, зашептал в самое ухо: «Зажимай боль. Слышишь? Держись. Ни звука. Петров перевяжет». Разведчик выдержал, не подвел.

Переползли удачно. Собрались, чтобы перевести дух.

— Шуметь! Во все горло! Не одиннадцать, а сто одиннадцать здесь гвардейцев. Не жалеть ни патронов, ни гранат, ни своей жизни, — дал последние наставления командир батальона.

Зеленая ракета прорезала темноту. Это был условный сигнал для атаки с фронта.

Огляделся комбат — и сам поразился. Солдаты старались вовсю: огонь, грохот, крики… Капитан бежал вместе со всеми. Радостно забилось сердце, когда в темноте увидел немцев,

пугливо выскакивающих из траншеи. А потом рассмотрел своих — они бежали навстречу. Обнялись. Победа! Почти без потерь был захвачен сильный опорный пункт.

Этот способ применялся и раньше. Так действовал майор В. Я. Антропов при захвате укрепленных домов в Ворошиловке, но штаб тогда не подхватил эту инициативу, она не получила распространения и забылась. Теперь нельзя было ее упускать. В тот же день она была доведена штабом до всех полков. Первые мини-операции прошли успешно. Ночью на широком фронте вспыхивали короткие, но яростные бои. Продвижение наших частей в глубину обороны врага пошло успешнее.

Каждый такой бой требовал серьезной работы штабов. Днем всесторонне изучались оборона, система огня в опорном пункте, выбирался маршрут для прохода группы через передний край, четко согласовывались время и направления ударов с тыла и с фронта. Начальник связи майор К. М. Татур всегда, даже при недостатке средств, выделял радиостанции в основные группы обхода. При устойчивой связи с группами обеспечивалось четкое взаимодействие при захвате опорных пунктов.

К сожалению, погиб вскоре капитан В. Г. Носырев. До роты противника с тремя танками прорвались на пункт управления батальона. Горстка людей вступила в неравную схватку. Адъютант старший батальона Б. С. Медоев уцелел, он и рассказал о последних минутах комбата. Комбат лично подбил танк и поразил не меньше десятка фашистов.

Была у него возможность отскочить в укрытие, но не сдвинулся с места. Раненный, продолжал сражаться. Две гранаты, что были у него, одну за другой бросил в набегавших фашистов. Враги не прошли через его позицию…

Через час роты поднялись в атаку. Знали, что на этот раз идут в бой без своего комбата. Смело рванулись на врага. Впервые над цепями пехоты грозной волной вздыбился могучий выдох: «Полундра!» Фашисты бежали, бросая оружие.

Тяжелым тараном дивизия совместно с другими соединениями к 26 октября прорвала оборонительный рубеж противника на Молочной. Танки, действующие до этого вместе с пехотой, слились, как ртутные капельки, в роты и батальоны и устремились в оперативную глубину обороны врага. Стрелки, подняв винтовки и автоматы, забывая, что вблизи еще сидели в укрытиях фашисты, приветствовали танкистов, желали им успеха. Не стих грохот танков, а уже наши подразделения поднялись и двинулись следом на запад.

Призывно зазвучал лозунг: «Даешь Днепр! Ни одной минуты

задержки с выходом к реке!» Фашисты торопились с отходом, не успевали подрывать мосты и сжигать деревни. По сторонам от дороги оставались аккуратно расчерченные фашистские кладбища с крестами и надетыми на них касками.

Вместе с командиром дивизии осмотрели последние опорные пункты врага. Каждый из них был опоясан колючей проволокой. Площадки для огневых средств вынесены из траншей, сектора обстрела расчищены, а там, где стояли пулеметы, — кучи гильз. Отсюда, с высоты, отчетливо просматривалась изломанная линия противотанкового рва; на многие годы легла она шрамом на степи, напоминая о войне.

На карте остался большой и неровный коридор, очерченный по обеим сторонам разграничительными линиями. Полоса напоминала большую пилу с неровными зубьями. Часто меняли направления наступления. Вначале дивизия наносила удар строго на запад, через два дня резко повернула на юго-запад, затем — на северо-запад… Такие повороты вполне оправдывались. Противник ждал удара с востока и на этом направлении создавал оборону с высокой плотностью живой силы и огневых средств, а наступающие били его в другом месте, где он не предвидел удара. Ему приходилось перестраивать огневую систему и вести бой не по заранее разработанному плану, и это было для него значительно сложнее.

Полки чаще, чем дивизия, меняли направления. Не только в своей полосе, но заходили и к соседу, чтобы ударить во фланг или тыл опорного пункта. Без такого маневра нельзя было рассчитывать на успех. На карте остались торчать зубья — большие и малые, они врезались в оборону, настойчиво пилили ее острыми краями на мелкие куски, которые затем уничтожались ударами с разных сторон. Частые изменения направления ударов — это и показатель возросшего мастерства командиров и штабов.

Фашистов уцелело не так уж много. Обещанных фюрером медалей за удержание мелитопольских позиций потребовалась самая малость. Пленные показывали, что их подразделения понесли очень большие потери.

Буря сменилась штилем. После грохота взрывов, свиста пуль и осколков свалилась тишина. Серьезный экзамен выдержали гвардейцы за месяц непрерывных боев. У командиров и штабов было одно желание: быстрее достигнуть Днепра и с ходу его форсировать. В боевом распоряжении корпуса на 2 ноября для основных сил дивизии глубина задачи составила 64 км, а для передового отряда — 78 км[8]. Как же втиснуть оставшиеся километры в сутки? Я предложил командиру дивизии определить задачу частям на глубину 47 км, дать им четырехчасовой отдых и

после продолжать преследование. Полковник С. И. Дунаев согласился, но отдых сократил до трех часов. Ночью я догнал подразделения 305-го полка, пошел в голове роты, которой командовал старший лейтенант В. К. Дружин…

Части без боя продвигались на запад. Разведчики уже вышли к реке. Я с начальником разведки майором К. С. Михальченко выехал к Днепру. Старик рыбак стоял рядом с разведчиками. Лодка была готова. Меня поразили большие скрюченные пальцы на руках старика. Думалось, что их нельзя уже больше разогнуть, но вот он подвигал ими, рассеял сомнения. На весла сядут молодые и сильные солдаты, а его забота — высадить группу в нужном месте.

Разведчики понимали, что задача у них сложная: изучить оборону на противоположном берегу, нанести на карту все огневые точки и инженерные сооружения. От ее выполнения во многом зависел успех предстоящего форсирования реки передовыми частями. Штаб твердо верил, что предстоит переправа, другой задачи и не предполагали. На то и штаб, чтобы предвидеть развитие событий, опережать их ход. Если же он будет жить только сегодняшними заботами, двигаться только в ногу с войсками, на одном уровне с ними, не заглядывая вперед, то вряд ли сумеет быть основным органом управления.

Старик раскурил трубку, подождав, пока разместились разведчики, оттолкнул лодку от берега и уже в воде забрался в нее. В стороне слышалась стрельба. Наши части успешно преследовали противника. Мы с майором Михальченко долго стояли, прислушиваясь, но на западном берегу была тишина.

Днем 3 ноября 1943 года основные силы дивизии вышли к Днепру. Дождь прекратился. Намокшие шинели и накидки, обдуваемые холодным осенним ветром, высохли, и прилипшая к полам грязь легко счищалась. Подходили к своим подразделениям отставшие одиночки. Почему задержались? У одного открылась рана — потребовалась перевязка, у второго болезненно задвигался под лопаткой осколок, который врачи побоялись при операции вынимать, у третьего невыносимо закололо в боку… Они замедляли шаг, но не садились на обочину, зная, что тогда уже трудно будет встать.

Приказ на форсирование еще не поступил. Возможно, это объяснялось тем, что сохранялся никопольский плацдарм, занимаемый противником на левом берегу Днепра. К нему направлялась и наша дивизия. Предстояло с ходу атаковать оборону.

Атака передовыми батальонами успеха не имела. Стоило только «кольнуть» рубеж — и сразу он загудел, ощетинился

стволами орудий и пулеметов. Приехал командир корпуса генерал И. А. Рубанюк. Выслушал меня, затем — командира дивизии. Вместе с ним стали подсчитывать общее количество солдат в ротах, пробовали переставлять на карте части и уточнять направления ударов. Правда, на узком участке прорыва имелась возможность создать двойное превосходство в людях и артиллерии. Но даже это преимущество над противником ничего реального не давало: в наличии оставалось 0,4 боекомплекта снарядов. Половина его планировалась на огневой налет, немного выделялось в запас, на всякий случай. На день боя расход мог составить 8-10 выстрелов на орудие и миномет. Таким количеством снарядов трудно подавить огневую систему противника. Если части начнут атаку, то основная тяжесть ляжет на пехоту и стрелковое оружие…

9 ноября, в самый разгар подготовки к наступлению, случилось нелепое. Потеряв ориентировку в степи, командующий 44-й армией генерал В. А. Хоменко, командующий артиллерией генерал С. А. Бобков и сопровождавшие их лица на машинах среди белого дня попали в расположение противника. Василий Афанасьевич и другие погибли в схватке с врагом…

В те дни дивизия была передана в состав 28-й армии. Появились данные о прибытии сюда танкового корпуса немцев. Нам приказали временно перейти к обороне.

Как-то вечером с полковником Б. А. Харкевичем проверили готовность артиллерии. Огонь орудий — основное звено в системе обороны. Борис Андреевич — специалист высокого класса, человек большой культуры. Всегда тщательно выбрит. Походка легкая, пружинистая. Вежлив, терпелив, настойчив и требователен. Воспитанный человек; где бы он ни находился, всегда оставался таким. Он очень ревниво оберегал авторитет артиллеристов. Но когда доходила до него нелестная оценка действий даже одного орудийного расчета, то чем бы он ни был занят, откладывал все, выяснял подробности и, если факт подтверждался, сурово наказывал виновников.

Проверка еще раз показала, что артиллеристы готовили данные для стрельбы и открывали огонь в самые короткие сроки. Все командиры дивизионов и батарей располагались рядом с пунктами управления командиров стрелковых батальонов и рот. Особенно хорошее впечатление оставили расчеты противотанковых пушек, выдвинутые к переднему краю обороны. Они снайперски поражали появлявшиеся цели.

Хотя по всему фронту усиленно велись окопные работы, по-прежнему не снималась задача подготовки прорыва обороны противника. Местность ровная, словно катком выровнена.

Одиноко возвышались в почерневшей степи угрюмые курганы. На переднем крае обороны противника местность слегка приподнята, словно на море в тихую погоду легла сглаженная волна. С нее враг держал под огнем все подступы к рубежу.

Многие вопросы могли быть успешно решены при получении исчерпывающих данных о противнике. Начальник разведки майор К. С. Михальченко с обычной настойчивостью в короткие сроки создал сеть наблюдательных постов. Каждую огневую точку, обнаружившую себя, засекали не менее как с трех НП. На всем фронте дивизии каждую ночь действовали наши разведгруппы.

Чем яснее выступала оборона противника, тем труднее было принять решение командиру на наступление. Долго искали с ним в 5,5-километровой полосе наступления участок прорыва в 700 м. Больше назначать нельзя: имелось всего 129 орудий и минометов, а к ним половина боекомплекта боеприпасов. Выбрали — в центре полосы, где решили сосредоточить усилия двух стрелковых полков. Основное направление — на Большую Лепатиху.

В самый разгар подготовки наступления получил тяжелое ранение командир 308-го полка майор К. А. Андреев. Четыре месяца пробыл он в этой должности. Его отличали смелость в суждениях, откровенность в оценке сложившейся обстановки, а также своих дел и работы подчиненных. Он настойчиво отстаивал правду, какой бы она ни была, по-честному признавался в своих промахах. В откровенности — сила и убежденность человека.

На участке полка по распоряжению командира корпуса выделялся батальон со средствами усиления, который в течение двух дней должен был совершать рано утром марш в тыл, обозначая отвод войск с рубежа, а ночью возвращаться обратно. Для этой цели штаб разработал учение по теме «Действия усиленного стрелкового батальона в составе передового отряда в ходе преследования отходящего противника». Как только светлело на горизонте и противник мог со своих НП просматривать дороги, подразделения выходили на марш. Осуществление этой операции возлагалось на 308-й полк. Я лично довел задачу до командира полка. Майор К. А. Андреев во всем добивался ясности. Пояснил:

— Я должен понимать замысел старшего, иначе могу сбиться с пути. — Потом улыбнулся и добавил: — От меня незачем скрывать истинную цель. Выгоднее карты держать открытыми.

Человек чаще неоднороден, но всегда просматривается главная черта в характере, которая берет верх над всеми другими его свойствами. Она-то и определяет личность человека. У Андреева ярче всего выделялась самостоятельность. Хорошее и

плохое, что совершалось в полку, он смело брал на себя. Говорил:

— Я отвечаю за полк. Спрашивайте с меня, а я уже спрошу со своих подчиненных.

С таким командиром хорошо работалось…

Поправив фитиль в лампе-гильзе, я принялся писать приказ об особенностях подготовки и ведения наступления малыми силами на подготовленную оборону противника. Решающее значение могло оказать создание сводных боевых групп с включением в них воинов из двух-трех малочисленных рот, а также расчетов противотанковых орудий, огнеметчиков, саперов. Нашлись особенности и в тактике действий этих групп.

Поздно я закончил разработку приказа. Комдив уже спал, когда я пришел к нему, чтобы подписать приказ. Спал он чутко, на скрип двери поднял голову, выжидательно посмотрел на меня. По пустякам я его не беспокоил. У меня достаточно прав, чтобы самому решить многие вопросы так, что утром они будут одобрены командиром. Я показал приказ. Он прочитал его, согласился.

Полковник С. И. Дунаев обстоятельно отработал на НП с командирами полков вопросы взаимодействия войск. Все выполнялось в полном объеме, и в этом проявлялось глубокое уважение к труженикам поля боя, которым предстояло идти в атаку.

Офицеры штаба, завершив планирование, выехали в полки. Основная их задача — проверить знание командирами подразделений своих задач и порядка их выполнения. Не только проверить — помочь в организации боя. Вместе с офицерами штаба поехали артиллеристы и офицеры политотдела. Чтобы не дергать лишними проверками комбатов, штабы полков выделили своих офицеров в состав этих маленьких комиссий.

Через день рано утром полковник С. И. Дунаев поставил задачи командирам полков. Ни в тоне голоса, ни в доводах у него не было ни тени сомнения в успехе. Какие бы приказания ни отдавал, что бы ни заставлял выполнять других и ни делал сам — все это выглядело у него серьезно, с твердой верой в необходимость и важность всех этих дел и задач. Перед атакой бойцы и командиры должны верить в успех. Пойти в наступление без уверенности в победу — это все равно что атаковать врага без оружия. Доводы у него веские: противника одолеем, сил и средств для этого у нас вполне достаточно. Мне всегда нравилась манера Сергея Илларионовича по-деловому, немногословно беседовать с подчиненными.

Нравоучения и даже добрые пожелания надоедают. Ведь бывает, что и хорошая пластинка, если ее часто прокручивать,

может опротиветь.

Все полки — в первом эшелоне, в резерве — один батальон. Наступление начала авиация. Прижимаясь к земле, «илы» нанесли штурмовой удар по обороне, затем артиллерия произвела короткий огневой налет. На всем фронте в полосе дивизии и соседей поднялись цепи пехоты. С ходу была захвачена первая траншея. Противник усилил огонь, выдвинул навстречу штурмовые орудия, группы по 20–30 самолетов обрушили удары по нашим боевым порядкам.

305-й полк захватил сильный опорный пункт. Успешно действовал батальон майора В. В. Леонова. Уже вечером Василий Васильевич поделился своими маленькими новшествами, которые ввел при организации наступления. Весь личный состав разбил на тройки. Трое перебегали, а трое, оставаясь на рубеже, вели огонь. Как только «приземлялась» первая тройка, сразу же открывала огонь и вела его до тех пор, пока не выходила на ее уровень другая. Так, волна за волной, накатывались гвардейцы на оборону врага. Последовательно вели огонь пулеметчики, артиллеристы. Ни одной минуты без огня. Может быть, не все цели удалось подавить, но было ясно, что огонь атакующих не давал противнику возможности вести по ним прицельную стрельбу.

Ведь как просто: не одиночки перебегали, не цепь, как когда-то предлагал лейтенант П. Н. Сысоев, а тройки, способные поддержать огнем атаку соседей и активно вести бой в траншее противника. Всякий замысел только тогда что-нибудь стоил, когда он был понятен каждому бойцу.

Подразделения продвигались вперед. Отважно сражались все. Рядовой Н. В. Гладченко из взвода пешей разведки 308-го полка, вскочив первым в траншею противника, бросил гранату в кучу фашистов, сбившихся около пулеметной точки. Пять человек осталось лежать на месте, но трое стали удирать. Гладченко догнал одного здоровенного гитлеровца, ударом приклада сбил его с ног и взял в плен. Пленный оказался обладателем четырех крестов. Стояли они рядом: разведчик, невысокого роста, даже щупленький, в заляпанной грязью шинели, и фашист, с большими руками, бычьей шеей, тяжелой челюстью. Гладченко наградили орденом Славы III степени.

Вскоре противник усилил огонь, провел несколько контратак, и наступление стало затухать.

Глава третья
ЗА ВСЕ В ОТВЕТЕ

В первых числах декабря дивизия была выведена в резерв. В населенных пунктах, расположенных в тылу фронта, даже не завешивали светомаскировочными шторами окна.

Здесь предстояло пополнить части, организовать боевую учебу. В первую неделю были изданы дополнительные приказы, проведены совещания, партийные активы, разборы, и только после этого боевая учеба вошла в нужное русло.

Одним из показателей налаженного ритма жизни в тылу служили письма. Они потекли рекой туда и обратно. На фронт — самый короткий адрес. Где бы ни находился воин, к нему пробивалась тропинка почтовой связи. Она бежала следом за адресатом и обязательно отыскивала его.

В этой цепочке последнее звено — почтальон. Работала им в штабе дивизии расторопная, молоденькая худенькая Надя Смородина. С большой сумкой на боку, в тяжелых солдатских сапогах, перетянутая поясным ремнем, она быстро разносила письма, газеты. Всех знала, для каждого находила доброе слово.

Письма несли радость. Как бы тяжело ни было в тылу, родные и близкие, не желая огорчать воина, писали о хорошем, подбадривали, укрепляли веру в скорую победу.

Да, не встреч, а одних писем ждали люди в годы войны. Невольно вспомнился случай с солдатскими письмами…

Однажды вечером по плану политотдела мне предстояло провести беседу в одной из рот. Изба вместительная, вся рота собралась вместе. На окне — стопка писем погибшим воинам.

Письма — это всегда диалог, разделенный временем. На этот раз он не состоялся. При чем здесь штаб? Его забота — обеспечить их доставку адресату, а если его нет в живых — отправить обратно. Все, что было в письмах, — радость и боль — останется нераспечатанным. Так положено. Но плох тот штаб, который с холодной душой стоял на страже соблюдения инструкции, больше беспокоился не о судьбах людей, а о цифрах, рубежах, мероприятиях к срокам. Если погиб человек, то забота штаба — помочь сохранить его облик и мужественные дела в памяти однополчан. Пусть знают простую и суровую истину: ничто и никто не забывается.

Память о погибших нужна прежде всего тем, кто завтра пойдет на схватку с врагом. Тогда они чуточку смелее и мужественнее станут действовать на поле боя. Иначе нельзя:

погибшие друзья завещали им свое бесстрашие.

Тем и ценен штаб, что в него стекались все радости и боли воинов.

Эта пачка писем сразу подсказала тему беседы — поговорить о гвардейцах, отдавших жизнь за нашу победу.

Письма родных и близких не дошли до адресата, но они оказались у однополчан. Разве они не могли написать их отцам, матерям, женам, братьям теплые письма о последних днях своих погибших друзей?

Не трудно вспомнить, как воевал каждый из них, как спал в окопе, как делился с товарищем куском хлеба и щепоткой махорки, как в минуту затишья на фронте вытаскивал из кармана потертый конверт и принимался в который раз читать письмо жены или сына, с каким восхищением и гордостью рассказывал о красавице дочке, фотографию которой недавно получил. У него были свои привычки, любимые слова, выражения. Много раз он выходил победителем из смертельной схватки с врагом. Но в последнем для него бою геройски погиб. Он навсегда останется в наших сердцах, а для родных весточка о нем будет самой дорогой. Ее будут хранить вечно, прочтут дети, внуки, а потом правнуки. Перед ними гордо встанет живой отец, муж или дед, он будет образцом мужества и долга для многих поколений. Да и большие события в памяти ярче встают через подвиги близких людей, тем более когда о них расскажут живые свидетели.

Некогда писать? Для этого и не надо много времени. Близкий друг быстро найдет слова, которые хранит его память о своем товарище. Ему не надо подсказывать, о чем писать. Пусть неровно лягут строчки, попадутся ошибки в словах — не беда, этого даже не заметят те, кто получит письмо.

Все это я говорил бойцам, и они слушали внимательно, с интересом. А потом заговорили. Все были согласны: нужно написать. Немало друзей навсегда ушло, и если о них не написать, то ничего не узнают их родные о том, как воевали погибшие. Я взял пачку писем, развязал веревочку и, не выбирая, стал читать фамилии.

Тогда, ночью, вернувшись к себе в дом, я описал эту встречу с бойцами, но скорее всего не совсем точно вспоминал фамилии, а тем более имена и отчества погибших, жалел, что не смог в полной мере сберечь сильные и яркие слова однополчан о товарищах, но то, что звучало в них, я запомнил.

— «Беляков Петр Иванович», — прочел я.

Сразу же вспомнил о нем пожилой, широкоскулый, с небольшими усами боец. Оказалось, что он с ним был в одном пулеметном расчете. Вот короткий рассказ бойца.

«…Ранило его в первый раз в шею. Рукой зажал рану, перевязать некогда было — фашисты возобновили атаку. Беляков попробовал одной рукой — ничего не получалось. Противник быстро приближался к позиции. Я его хотел заменить, но он оттолкнул меня. Двумя руками вцепился в пулемет, вылез из ямки, кровь ручьем хлестала из шеи, а он бил, бил из пулемета. Всю ненависть вложил Петр в эту стрельбу. Вторая пуля попала в голову… Я не ловок писать. Даже жена не всегда может прочесть мои письма. Вдвоем напишем», — заверил он, протягивая руку за письмом.

— «Виталенко Петр…»

Встал молодой боец. Оказалось, что с погибшим они были большие друзья, вместе призывались. Но не нашлось времени написать о боевых делах своего товарища. Он взял письмо, обещая завтра же отправить ответ. Парень попался бойкий, вспомнил, что в бою под Юртуком Виталенко подбил танк: схватил две противотанковые гранаты, метнулся ближе к наползающему танку, бросил их под гусеницу.

— «Елизаров Сергей», — продолжал я читать фамилии.

И новые, поучительные факты сообщали бойцы. Всего неделю пробыл Елизаров в роте. Неразговорчивый, ни с кем не сдружился, никому не поведал ни о себе, ни о своих домочадцах. Как-то в одиночестве провел дни и погиб еще на подходе к обороне противника во время бомбежки. В бою его и не смогли рассмотреть. Может быть, и хороший человек, но по характеру нелюдим, или что-то тяжелое было у него на душе.

Невольно подумалось: как важна дружба на фронте! Здесь нельзя жить ни одного дня в одиночестве, воевать без тепла и поддержки друзей. Бойцу нужно входить в роту, в свою фронтовую семью с приветливой улыбкой и широко распахнутой душой. Однополчане — самые близкие боевые товарищи. Им так важно знать, с кем пойдут в атаку, можно ли положиться на новичка. Да и самому веселее тогда станет.

— «Сидоренко Казимир…»

— Мой напарник, — густым басом подтвердил боец, рослый, широкий в плечах.

Он рассказал, что у Казимира больная жена, сердце у нее часто прихватывает. Работал в роте повозочным, холил коней, берег их и всегда отличался исполнительностью и безотказностью. Подорвался на мине недалеко от передовой.

— Собирался я написать его жене, но все откладывал, — виновато закончил боец и пообещал: — Напишу!

— «Шамов Петр…»

Сразу же заговорили многие. Его хорошо знали в роте.

Песенник. С первого дня он удивил всех. Под огнем — запел. Вначале тихо, вроде для себя, а потом громче, и песня врезалась в грохот боя, и казалось, что она громче взрывов снарядов, лязга гусениц танков и скрежета железа. Вспомнили, как после одного тяжелого боя рота захватила опорный пункт, обосновалась во вражеских траншеях. Устали солдаты. Все силы иссякли за долгий день. Через час предстояло снова подниматься в атаку. Командир роты попросил Шамова ободрить солдат, встряхнуть их песней. Шамов запел. Получилось хорошо.

На войне все обрывается внезапно — и тишина, и грохот, и сами жизни. В один из дождливых холодных дней рота залегла перед проволочным заграждением. За колючим забором — траншея. Фашисты поливали землю огнем. Солдаты прижали головы к земле, затихли. Что-то надо было делать: лежать — смерти подобно, подняться — враг скосит смельчаков. Шамов запел «Катюшу». Навстречу дул промозглый ветер. Он лег на спину — так было удобнее. Громко, смело звучала песня. Фашисты, пораженные неожиданной встречей с песней, вдруг перестали стрелять. Рота рванулась в атаку, в проходы, проделанные саперами в заграждении. Ведь смельчаки успевают проскакивать невредимыми в мгновения между двумя автоматными очередями. Так было и здесь. Рота ворвалась в траншею. Шамов был среди первых. Видели, как он набросился на фашиста, подмял его под себя, но другой успел штыком нанести смертельную рану бойцу. После его гибели казалось солдатам, что холоднее стали осенние ночи, тяжелее давались под огнем шаги на запад. Ему два письма. Молча взял их один невысокого роста солдат. Ничего не сказал: каждый по-своему переживал гибель своего друга.

— «Смирнов Николай…»

— Какой обратный адрес? — вдруг спросил боец с вихрастым чубом и сразу же пояснил: — Если девушке, то напишу. Она не знает, что он погиб. Любил он ее, писал часто письма.

Письмо я отдал ему. Мне показалось, что он напишет не только о погибшем друге, но и о себе. Кто знает, а может быть, и он станет писать ей часто теплые письма.

Письма попадали в верные руки друзей. Но одно вроде бы прислано не по адресу. Долго никто не мог вспомнить погибшего. Бывало и так: пришел солдат в роту, а смерть уже ждала его; в памяти соседа остались фамилия да смутный облик. Погиб вот еще под Крымской, во время артиллерийского обстрела, в нескольких десятках метров от первой траншеи врага. Не успел даже разглядеть в лицо фашистов. Но и о нем следовало написать.

Не у каждого смерть как у Матросова. Но и для того чтобы пройти под огнем даже сотню метров, тоже нужно мужество. Об этом и надо написать, разъяснил я.

Я верил, что в ближайшие дни пойдут треугольники по адресам, и снова не только острой болью, но и гордостью отзовутся сердца близких людей, получивших с фронта известие о боевой жизни родного человека, погибшего в боях с врагами Родины. Да и тот, кто писал о друге, утвердится в вере, что если случится беда и с ним, то пойдет такая же дорогая весточка и в адрес его родных, а это не могло не сказаться на настроении бойцов и крепости фронтовой дружбы.

Между тем жизнь шла своим чередом. Прибывало пополнение, поступала материальная часть. Автоматы и артиллерийские орудия мы получали новые, с заводской смазкой. Страна, напрягая все свои силы, обеспечивала фронт.

В частях шли занятия, стрельбы, одновременно воины оборудовали рубеж обороны. Штаб фронта требовал, чтобы дивизия была в постоянной готовности к отражению возможного удара противника. Не верилось, что гитлеровцы решатся на такой безумный шаг: атаковать с никопольского плацдарма в сторону Крыма, чтобы отрезать всю южную группировку наших войск.

Радовали успехи 1-го Украинского фронта. Войска продвигались, били фашистов. Сколько слез, горя и крови принесли захватчики на нашу землю! Никогда не забуду страшный ров, который пришлось увидеть однажды на освобожденной территории. В нем лежало много трупов. Подростки, старики, старухи… Чем они провинились? Они были просто нашими людьми. Фашистам ничего не стоило убить человека. К большой открытой могиле подходили люди. Опустив головы, смотрели они на погибших. Не плакали. Видимо, страшная душевная боль сушила слезы.

Вблизи этого рва была захвачена в плен небольшая группа фашистов. Кто-то предложил: подвести их к могиле, чтобы посмотрели на подлость своих соотечественников. Но пожилой солдат-конвоир резонно заметил:

— Незачем врагам показывать наше горе и боль.

Ему никто не возразил.

Текли дни, до предела загруженные работой. Немало вставало вопросов, которые требовалось решать штабу. Много времени занимало распределение но подразделениям прибывающего пополнения, организация его обучения. Учились в дивизии все, в том числе и офицеры штаба. Если не удавалось провести занятие днем, то занимались вечером.

В эти дни состоялось партсобрание управления дивизии. Открыл его наш секретарь капитан Г. И. Проценко, молодой, со светлыми и веселыми глазами. Как у хорошего командира свой почерк в управлении войсками, так и у секретаря — свой стиль работы с коммунистами. Проценко мог пошутить с друзьями, сплясать, спеть песню, и тот, кто не знал его раньше и не видел в работе, никогда бы не подумал, что этот человек возглавляет партийную организацию управления. К нему часто и охотно подходили и коммунисты, и беспартийные, раскрывали душу, не стесняясь, рассказывали о себе, своих заботах. Он смело решал возникшие вопросы, и в этом нагляднее всего раскрывался его характер.

Разместились коммунисты в помещении школы. Предстояло оценить и подвести итоги работы, обсудить задачи на ближайшее время. Выступающих было много. Начальник политотдела подполковник Л. П. Вахрушев высказал ряд серьезных замечаний по работе наших коммунистов. Говорил он спокойно, ясно, давая партийную оценку делам. После его выступления собрание пошло живее. Некоторые никак не могли укладываться в отведенный регламент. Давно ведь не говорили в спокойной обстановке. В бою, как правило, собрания проходили коротко, без многословных прений.

Полковник С. И. Дунаев сидел рядом со мной, внимательно слушал. Не пропускал ни одного дельного предложения или замечания. Он не из любителей произносить речи. Я знал, что, оставшись со мной наедине, напомнит о том, что говорили другие, посоветует, как лучше внедрить полезное в работу штаба, а если отмечалось плохое — как исправить. У Сергея Илларионовича большой партийный стаж, солидный опыт работы с людьми. В течение долгой службы в армии накапливался у него и совершенствовался свой стиль работы с подчиненными. В основе этого стиля — уважение и доверие к человеку. Немного времени прошло, но уже видны добрые побеги. В бою нередко слышался гордый призыв: «Вперед, дунаевцы!» Через уважение к командиру росло и уважение к офицерам всего управления дивизии. В то же время и офицеры, чувствуя доверие командира к себе, работали с полной отдачей, добиваясь четкого выполнения своих обязанностей.

С большим вниманием я прослушивал все выступления. Коммунисты говорили о своих делах, заботах, высказывали много дельных советов об улучшении работы штаба. Начальник связи майор К. М. Татур с беспокойством напомнил о случаях нарушения скрытности ведения переговоров по радиосвязи. Имитируя тон и манеру разговора отдельных офицеров, он

высмеивал их переговоры по радио. Досталось майору Попову.

— «Павел (это начальник штаба 305-го полка), от тебя ничего нет о „семечках“. Давай. По форме. Ты ее помнишь. Первое — большие. Сколько? Не в штуках, а в бэка. Записал: 0,3. Подвоза нет? Теперь помельче…» — цитировал он, и гул перекатывался по рядам.

Затем взялся за офицера штаба артиллерии. Тот как-то по радио уточнял с помощником начальника штаба артполка: «Ты знаешь, где я нахожусь? Около деревни с большим и хитрым названием. Смотри на карту. В центре листа девять букв. Западнее овраг, в одном километре. Координаты этого пункта…»

— Почему не были пресечены такие разговоры? Вы тоже виноваты, — сказал Татур на собрании.

Все эти примеры мне были известны, виновники получили, что заслужили, и вряд ли пойдут на новое нарушение правил переговоров, Но важно, чтобы поняли это и другие. До чего же крепко въелся в управление этот язык доморощенных кодов! «Орехи», «самовары», «трубы»… И чего только не придумано, лишь бы обмануть себя и сделать вид. что соблюдаются требования скрытого управления войсками.

Разговор на собрании полезен. В нем безошибочно угадывалось «состояние здоровья» штаба. Надежно сколоченный штаб похож на здорового человека, которого не беспокоит ни один орган: все работают безотказно, бесшумно, добросовестно выполняя свои функции.

После собрания около отдела кадров встретил знакомого лейтенанта Ишбулатова. Под Крымской я подвез его, раненного, до медсанбата. Поразил шов на щеке: широкий, подернутый неровной сеткой из нежной красноватой кожи. Такая метка, пожалуй, на всю жизнь.

— Тогда вылечили, — рассказывал он о себе. — Вернулся, опять командиром взвода. Воевал три дня. От взрыва снаряда вышел из строя расчет пулемета. Стал я стрелять. Сначала пробило кожух, затем попало в ногу. Перевязал. Ползти вперед больше не мог. Со злости выпустил три ленты подряд. Пулемет раскалился. Противник минами стал обкладывать. Повернулся неудачно — плечо пробило. Стрелять не мог. К вечеру добрался до санроты. Отвезли в госпиталь. Два месяца пролежал. Три раза ранен. Не везет мне. Другие как-то дольше меня воюют.

— На какую же должность?

— Командир взвода. Может быть, встречу знакомых. — И широкое лицо его засветилось.

…Через три недели закончилось укомплектование основных частей и подразделений. Мы доложили об этом в штаб фронта.

Как же выглядела дивизия после получения пополнения? Язык цифр самый короткий и доходчивый. В ней 7021 человек, из них офицеров 817, сержантов 1326, рядовых 4878.

Из четырех трое уже воевали; каждый четвертый в дивизии ранен и награжден орденом или. медалью; каждый третий — коммунист или комсомолец; более 40 процентов воинов имели возраст до 30 лет. Всего 28 национальностей, среди них больше всего русских (4068) и украинцев (1036)[9].

В конце января 1944 года дивизия двинулась к фронту. Бодро шли подразделения: роты укомплектованы, личный состав одет во все новое. Очень редко на фронте приходилось видеть такие соединения.

Погода портилась. Дул холодный, порывистый ветер, бросая в лицо дождь со снегом. С мучительным ревом ползли машины. Укрывшись накидками, молча шли по обочине солдаты. Основной состав штаба дивизии выдвинулся вперед, а небольшая группа во главе с начальником оперативного отделения майором Н. В. Поповым до утра осталась на прежнем месте, обеспечивая контроль за выходом всех частей. Связь на марше осуществлялась подвижными средствами, но по одной радиостанции в полках работало на прием.

Офицер связи доставил боевое распоряжение: ускорить выдвижение. Под утро получили приказ на наступление. Командованию предстояло срочно выехать вперед, чтобы до выхода частей засветло решить все основные вопросы по организации боя. За сутки обстановка на фронте могла измениться, но пока штаб довел до частей предварительные распоряжения. Наибольшая трудность с выполнением задачи была у артиллеристов. Командир дивизии лично поставил задачу командиру 245-го артполка подполковнику П. З. Глушенку.

— Знаю, что трудно, — говорил полковник С. И. Дунаев, — но надо. На вас, Павел Захарович, надеюсь.

П. З. Глушенок прикинул по карте расстояние, заверил, что артиллерия в срок займет позиции. Он имел большой опыт командования полком, зря не давал обязательств, но если обещал, то можно было не сомневаться, что выполнит. В его облике и характере было что-то от крепкого, сильного и мудрого былинного героя.

Наши соседи сделали много, заметно продвинулись к реке и скорее всего в состоянии были без пашей помощи решить задачу по ликвидации группировки противника на никопольском плацдарме. Но, видимо, командование намеревалось сократить сроки выполнения этой задачи и не допустить организованный отход частей врага на западный берег. Решение командира

дивизии сводилось к тому, чтобы двумя полками, узким клином, со всей силой обрушить удар на оборону и, не расширяя прорыв в сторону, стремительно вгрызаться в ее глубину. Ни одной роты не отвлекать на прикрытие флангов и захват остающихся по сторонам коридора опорных пунктов. Как можно быстрее продвигаться к реке, тогда враг не выдержит, побежит на свои уцелевшие переправы. Подавление огневых точек на участке прорыва в ходе атаки возлагалось на орудия, выдвинутые к переднему краю для стрельбы прямой наводкой. Артиллерия с закрытых позиций предстояло подавлять цели на флангах участка прорыва и в глубине обороны. Удар наносился в направлении Малой Лепатихи.

Полтора месяца назад немного южнее дивизия пыталась сбить противника с этого рубежа — не хватило сил. Теперь совместно с другими соединениями эту задачу мы выполнили до конца.

После успешных боев по завершению разгрома вражеской группировки на никопольском плацдарме дивизии предстояло форсирование Днепра. На западный берег направлялись две разведгруппы с радиостанциями от дивизии и 305-го полка, который переправлялся первым.

Большую настойчивость в получении разведданных, как обычно, проявил майор К. С. Михальченко. Константин Саввич — исключительно деловой, требовательный и находчивый офицер. Даже внешний вид его вызывал уважение. Всегда подтянут, чисто выбрит, глаза быстрые, строгие. Могло показаться, будто он никогда не опускался в траншею, не попадал под огонь противника, ночами спокойно спал, вовремя принимал пищу и не перегружал себя работой. Конечно, все не так. На войне не делалось ни для кого исключения. Всем было тяжело. Скорее всего он был истинно военным человеком, в нем неистребимо жили уважение и привычка к порядку. Не только во внешнем виде, но и в делах, которые ему приходилось выполнять, он оставался таким же аккуратным и обязательным. Я всегда удивлялся его умению но незначительным признакам быстро и верно вскрывать состав и возможный характер действий противника.

Вместе с ним мы разобрали все основные вопросы организации разведки в интересах форсирования Днепра. Знал, что ему больше не потребуется давать дополнительных указаний — все будет сделано в лучшем виде. Ценность разведданных зависела от быстроты их получения.

Важнейшей по своему значению задачей штаба являлось

обеспечение частей переправочными средствами. Во всей округе не осталось лодок — их уничтожили фашисты. Основная надежда — на подручные средства. Общими усилиями штабов, инженеров, командиров подразделений к исходу дня были подготовлены плоты, разыскано и отремонтировано небольшое количество лодок, обеспечивающее форсирование за ночь одного полка.

В районе Малой Лепатихи Днепр широк и полноводен, а протоки и рукава, которые разветвляли его основное русло, ярче подчеркивали могучую силу реки.

За ночь удалось перебросить на западный берег 305-й полк. Плацдарм он захватил небольшой, неудобный для развертывания основных сил дивизии, поэтому по решению командующего армией дивизии было приказано прекратить форсирование, совершить 15-километровый марш и в районе Бажановки переправиться на захваченный другими частями плацдарм.

К утру последние подразделения сменяемой дивизии оставили рубеж. Полки заняли исходное положение. Гвардейцы затихли. Всегда так: если ночь двигались, то при первой остановке солдаты сразу же засыпали. Ни одной минуты не пропадало зря. Они были правы: перед новыми испытаниями надо выспаться или хотя бы малость отдохнуть и восстановить свои силы.

В серой, холодной дымке выступала почерневшая зимняя степь. Мы с полковником Дунаевым стояли в небольшом окопчике, вглядываясь в неясные очертания предметов. От осветительных ракет, взлетавших над передним краем, на короткое время расползалась полутьма и сразу же надвигалась снова. Все распоряжения были отданы, но беспокойство за результат боя не покидало. Нигде, как на войне, столько места не занимали случайности. Тем более что всю организацию наступления проводили по карте, основываясь на данных о противнике, полученных от штабов сменяемой дивизии.

Связисты прокладывали проводную связь. Руководил начальник связи майор К. М. Татур, старательный, неугомонный. Хозяйство у него большое и сложное. Работа связистов всегда на виду, особенно при нарушениях связи. Пропадала же она в самые неподходящие моменты, когда без нее и дышать было нельзя. В должности начальника связи Константин Михайлович незаменим. Он мог показать не только офицеру, но и любому рядовому связисту, как нужно умело выполнять свои обязанности. В этом основа его авторитета. Теперь в дивизии мы имели отдельный батальон связи, что намного облегчило дело.

Из штаба корпуса подтвердили: начинаем в 7 часов.

И вот пехотинцы двух полков дружно поднялись в атаку.

Передовые подразделения ворвались в опорные пункты. Фашисты бросили в бой авиацию. Развернулись упорные и ожесточенные бои.

За неделю дивизия значительно расширила плацдарм, что позволило 305-му полку, действующему в стороне, соединиться с главными силами. Но возрастало сопротивление врага. Он настойчиво цеплялся за подготовленные оборонительные рубежи. Трудность в их захвате не уменьшалась, основная часть дивизионной артиллерии еще не была переправлена на плацдарм.

Однажды противник провел сильную контратаку, пытаясь вернуть опорный пункт, захваченный накануне нашими частями. Фашисты не добились своей цели, но задержали продвижение полков. В этих условиях большие надежды возлагались на резервный батальон. Ввод его днем, при недостатке артиллерии, не мог дать нужных результатов. Командир дивизии решил его ввести ночью.

С наступлением темноты вместе с начальником штаба 308-го полка майором П. И. Щербаковым мы прошли в батальон. Одна за другой взлетали осветительные ракеты. Встретил адъютант старший батальона капитан А. А. Клыгин, один из немногих офицеров, имевший инженерное образование. Может быть, именно поэтому он уважал расчеты. Мне всегда нравились офицеры штаба, которые умели по-деловому считать. У таких обоснования предложений и выводы вытекали из реальных условий обстановки. Ведь прежде чем рассчитывать, им приходилось добывать исходные данные, оценивать их реальность, что само по себе уже требовало от офицера глубоких знаний своих войск и противника.

Я всегда был убежден, что командиры подразделений и адъютанты старшие батальонов, находясь вблизи обороны противника, лучше знали, как и где целесообразнее нанести удар, какой выгоднее использовать прием, чтобы добиться успеха с малой затратой сил и средств.

Командовал батальоном, находящимся в резерве, молодой капитан В. А. Чмель. Всего три месяца в роли комбата, а уже произошли заметные перемены, в походке и разговоре появилась степенность. На плечи легла большая ответственность, и офицер повзрослел, стал строже приглядываться не только к людям, но и к себе.

Комбат показал рукой в сторону противника, как бы сожалея, что опорный пункт, за который вел бой 311-й полк, не был захвачен, а это создавало батальону дополнительные трудности — требовалось выделять часть сил на прикрытие правого фланга.

Некоторые новые данные, полученные от разведки в самое последнее время, я довел до комбата. Они не требовали каких-то изменений в решении, но вынуждали уточнить задачи артиллерии. Прибыл командир дивизиона 245-го артполка капитан В. И. Пасечник. Одна его батарея была уже переправлена через Днепр и могла поддержать наступление. Счастливы офицеры, которые и в трудной обстановке не унывали, не тушили задорный блеск в глазах. Они не меньше переживали от неудач, но умели как-то бодро оценивать дела и обстановку, смело и настойчиво искали пути выхода из тупика, вселяли в подчиненных веру в успех. Другой бы начал доказывать, что мало снарядов, без них трудно решить дополнительную задачу, а Пасечник просил, чтобы разрешили израсходовать НЗ. Он заверил, что артиллерия огнем откроет для пехоты «зеленую улицу».

Капитан Чмель вызвал командиров подразделений. Четко довел до них последние данные о противнике, напомнил о порядке ночной атаки. Я знал таких комбатов, как Г. И. Диордица, В. Я. Антропов, В. Г. Носырев. Они были похожи на факелы, которые горели всегда, и пламя от них росло тем сильнее, чем сложнее и тяжелее складывалась обстановка. То, что они недосказывали словами, восполняли другим — своим личным примером. Сильнее и понятнее звучал у них призыв: «За мной! Вперед!» Они верили в подчиненных, а те верили в них, в разумность их команд и распоряжений. Конечно, у каждого командира свой подход к организации боя и управлению подразделениями.

После того как комбат уточнил некоторые вопросы атаки, я задержал офицеров, чтобы напомнить им, как важен успех батальона в выполнении дивизией своей задачи. Я не настраивал их на легкую победу, но и не нагонял страху. Все офицеры прошли через огонь, знали цену добытого успеха.

Майор Щербаков остался в батальоне, чтобы проверить выход и занятие подразделениями исходного положения. Я ушел к себе. Ветер не стихал. Паромная переправа не работала. По реке плыли льдины. Саперы ухитрялись переправлять грузы на лодках, загружая их по самый бортик.

Артиллерия противника настойчиво обстреливала места переправ. Знали фашисты, что русские не оробеют перед разбушевавшейся рекой и будут доставлять грузы даже в такую непогодь. Река срезала и без того скромные боевые возможности дивизии, уменьшала силу ее удара по врагу. Но все равно ночная атака батальона принесла успех. Подразделения вклинились в оборону противника на глубину до полутора километров,

помогли 311-му полку в захвате сильного опорного пункта.

Часто наведывался к нам командир 3-го гвардейского стрелкового корпуса генерал А. И. Белов. В первые дни он присматривался к работе управления дивизии, как бы изучал ее. Приезжал он и для организации на местности предстоящего боя, и чтобы помочь, посоветовать, передать опыт соседей. Он обычно не предупреждал о своем приезде. Знакомство с обстановкой у него начиналось на переправе. Здесь было наше основное звено и самый объективный показатель боеспособности дивизии.

В небольшой таблице, что добросовестно вел дивизионный инженер майор Н. Н. Фетисов, заблаговременно было размечено, что и каким рейсом нужно перевезти, а в свободных клетках отмечалось, сколько и каких грузов фактически перевезено. По этим данным можно было безошибочно судить о том, как возросла или, наоборот, снизилась мощь дивизии. Каждый вечер мы с Николаем Николаевичем терпеливо пересчитывали возможности переправы, определяли, с учетом важности, какие грузы и в какой последовательности перебрасывать на западный берег. Прежде чем заполнить таблицу, вместе с начальником оргпланового отделения тыла майором А. И. Ребницким прикидывали размеры запасов, которые могли быть доставлены с армейской базы к реке. Одно с другим находилось в самой тесной связи.

Генерал Белов внимательно изучал эту таблицу, знал, что в ней нельзя произвольно изменять количество и последовательность переброски грузов. Однажды он посоветовал ускорить доставку мин, но, когда я доложил, что на плацдарме нет никаких запасов продовольствия, согласился с нашим вариантом.

В один из его приездов начальник разведки 305-го полка старший лейтенант П. А. Приходько доставил на НП пленного. Генерал похвалил разведчика и посоветовал не только захватывать пленных, но и бить фашистов, держать их всю ночь в напряжении, лишать сна и отдыха. Через день уже был составлен план действий разведгрупп в ближайшем тылу противника. Такие действия разведчиков себя оправдали, но подготовка каждой группы требовала от штабов много сил и времени.

Подмерзли дороги — быстрее пошло накопление запасов на левом берегу. Но усложнилась переправа: по Днепру потекла густая шуга вперемежку с льдинами. Запасы в частях иссякали, но командование по-прежнему, обычно под вечер, ставило задачу на наступление. «Не давать врагу ни минуты отдыха, выгонять его из траншей и утепленных блиндажей!» Все, что можно было сделать для выполнения этой задачи, делалось. Но во второй половине

февраля обстановка на правом берегу стала сложнее.

Обычно штабы сообщали коротко только о главном. О чем они писали, видно из донесений 311-го полка:

«…18.2 — боеприпасы и продовольствие не доставлялись. Обеспеченность: мин 82-мм — 200, 120-мм — 140, патронов к ПТР — 430; продовольствия и фуража нет.

19.2 — обеспеченность: мин 82-мм — 185, 120-мм — 140, патронов к ПТР — 392; продовольствия и фуража нет»[10].

Боеприпасы и продовольствие — это жизнь переднего края. Основной состав саперного батальона был задействован на переправе. В трудных условиях во время ледохода саперы на лодках делали через Днепр по 5–6 рейсов. На 2–3 рейса больше совершали сержант П. И. Карпов и ефрейтор Г. Е. Памятун. Отважно трудились на переправе саперы полков и бойцы хозяйственных подразделений.

Чем труднее складывалась обстановка на фронте, тем больше было желающих вступить в партию и комсомол. 19 февраля на заседании партбюро полка парторг третьего батальона 311-го полка лейтенант Г. А. Щепилов отметил, что за последние три дня подано 28 заявлений в партию и 32 — в комсомол. Такого количества заявлений раньше не поступало. Это один из самых убедительных показателей высокого состояния морального и боевого духа наших бойцов. Как ни тяжелы были условия, первыми шли в огонь коммунисты, и эти нелегкие шаги они делали по велению своего сердца.

Как-то вечером я побывал на собрании комсомольцев первого батальона этого полка. Меня порадовало выступление рядового Л. Е. Собко из взвода противотанковых орудий. Он сообщал, что комсомольцы взвода настойчиво били врага, участвовали во всех боевых делах, информировали о последних новостях.

Кто-то спросил у Собко, как он сам воевал. Ответ прозвучал весомо. За день огнем прямой наводки он уничтожил 5 пулеметных точек. Рассказывая о делах, часто повторял «мы», и невольно подумалось, что во взводе немало комсомольцев. Когда его спросили об этом, то ответил, что их пока двое.

Наводчик 57-мм орудия рядовой А. А. Гунько при отражении контратак подбил 2 танка. Стрелок седьмой роты 308-го полка Н. Ф. Халабузарь, ворвавшись в траншею противника, в рукопашной схватке уничтожил трех фашистов. Снайпер восьмой роты этого полка старший сержант В. Е. Шахов за два дня уничтожил 10 гитлеровцев. Командир 45-мм орудия младший сержант И. К. Гладышев поразил за один день 2 пулеметные точки, разбил 2 блиндажа. Снайпер В. Федичкин вывел из строя за день 5

фашистов. Его напарник рядовой С. Московченко писал в те дни в дивизионной газете:

«Прошел час, вижу над траншеей голову гитлеровца, хотел выстрелить, Федичкин удержал: „Не торопись“. Присмотрелся, над окопом торчит чучело. Только через полчаса фашист высунул голову. Сержант мгновенно сделал выстрел, цель была поражена».

Так воевали те, кто связал в те дни свою судьбу с партией и комсомолом.

В крутом берегу Днепра саперы соорудили баню. С паром, горячей водой. Прикинули офицеры штаба: полчаса на смену. Попробовали сами помыться — не успели оглянуться, как прошел час. Внесли коррективы — пришлось перевести баню на круглосуточный режим работы. С полной нагрузкой заработала она. Саперы ухитрялись изыскивать дрова. Рядом Днепр, холодный, забитый льдинами. Смельчаки прямо из бани ныряли в ледяную воду, и тогда веселый гомон заглушал шум ледохода. После бани веселее блестели глаза у красноармейцев.

Я уже привык выкраивать время, чтобы каждый день встречаться с некоторыми командирами подразделений, адъютантами старшими батальонов, офицерами штабов полков. В непринужденных беседах с ними полнее раскрывались заботы, проблемы, трудности, состояние и боевые возможности рот и батальонов. Такие встречи являлись для меня одним из важнейших источников информации. Ведь в подразделениях, как в капле воды, отражались возможности полка и дивизии в целом.

Однажды после дневного боя один батальон 311-го полка был выведен для помывки в бане и отдыха. В домике, где остановилось командование батальона, на полу и на лавках спали человек 15. На столе мерцал каганец. В избе — душно, сыро, сонно. С комбатом майором Н. П. Рассказовым я давненько не встречался. Работали с ним еще в бригаде. Первые шаги на фронте он делал в разведке. Прикипел к этой специальности и, став комбатом, не терял качеств разведчика.

На столе лежала карта, на ней ярко выделялись огневые точки, обнаруженные в полосе предстоящего наступления батальона. Не только вражеские позиции, но и секторы их обстрела, в результате вся полоса перед передним краем покрыта перекрещивающимися линиями.

Он сразу же внес ясность. По его убеждению, ни одна огневая точка не находится изолированно — она вписывается в определенную систему огня.

— Разведчик похож на сапера, — обосновывая он свои взгляды. — Если сапер нашел одну мину, то вторую ищет там, где она вероятнее всего может быть поставлена опытным минером. У

грамотного противника и пулеметные точки расставлены с умом, по строгой системе. Когда наблюдатель докладывал мне о новой огневой точке, я спрашивал, где соседняя. Не могло быть на рубеже одиночных целей.

Я знал, что Рассказов, как только осложнялась обстановка, спешил выдвинуться в первую цепь атакующих. Конечно, где лучше быть комбату — заранее трудно сказать, но в каждом деле никогда не оправдывались крайности. Ведь в его распоряжении немало огневых средств, которыми надо управлять, а когда он в цепи, то легко потерять связь с ними.

— Привычка у меня такая, — он улыбнулся, развел руками. — Не могу с кургана оглядывать спины солдат. Среди них чувствую себя увереннее.

Мы одногодки с ним, но он выше ростом, красив, подвижен.

Николай Петрович уже жил предстоящим наступлением. Его беспокоило, что соотношение сил не в нашу пользу. Но он бодро смотрел вперед, не терял веры в успех. Считал, что после отдыха гвардейцы обрушат более сильный удар. В 5.00 планировался бросок батальона на оборону врага — внезапный, стремительный, без артиллерийского налета, при поддержке огня орудий прямой наводки. Через три часа поднимутся гвардейцы, за полчаса до атаки займут исходное положение. Сам он выдвинется туда раньше, чтобы проверить позиции орудий противотанковой батареи. На рубеже уже находился адъютант старший батальона старший лейтенант А. Е. Капельников с группой солдат. Комбат был уверен, что все необходимое для обеспечения атаки тот сделает в самом лучшем виде. О Капельникове сказал коротко, уважительно:

— Проверил в первой атаке: не кланяется и не подгибает ноги на поле боя. Люблю смелых. Это — настоящие воины.

Утром батальон атаковал, но продвинулся не более чем на триста метров и не смог захватить опорный пункт противника. За последние дни успехи стали более скромными, усилилось вражеское сопротивление.

В этих трудных условиях от штабов требовалась исключительная четкость и высокая организованность в работе. Малейшие упущения, в нем бы они ни выражались, в конечном счете всегда сказывались на выполнении задачи.

За ряд серьезных просветов в работе был снят один адъютант старший батальона. Он не смог жить с правдой в ладах. Иногда он докладывал о завершении работы, хотя к ней только приступали. Три месяца пробыл он на этой беспокойной должности. На фронте — срок немалый. Он зашел ко мне, смело заявил:

— Не чувствую за собой вины. Промахи? У кого их нет. Воюем — учимся. Вчера — плохо, сегодня — лучше.

Он знал, что приказ о его снижении в должности никто не отменит, что разговор не вернет ему былое доверие и уважение. Прежде чем пойти на такой серьезный шаг, взвесили и оценили его деловые качества и отношение к работе.

Я напомнил ему об умении начальника штаба сообщать правду, какой бы колючей и неприятной она ни выглядела. На обман скорее идет слабый, он использует его как средство самозащиты, пытаясь выбраться из грязи, не запачкав мундира. Сильному не нужно это средство, он живет в ладах со своей совестью.

— Не для себя, а для общего дела иногда выгоднее урезать правду, — сказал он в свое оправдание.

С ним нельзя было согласиться: если правду урезать, она превратится в кривду. Начальник штаба — это эталон честности. Каждому его слову должны верить без всякой проверки. Если же он потерял это доверие, то нет и начальника штаба. Обидно, что он не усвоил эту простую истину.

Совсем недавно в этом батальоне в ходе проверки обнаружилось, что небрежно велись книги учета личного состава. В установленный срок адъютант старший батальона доложил об устранении недочетов, но реально ничего не изменилось. Некоторые записи в этих книгах были сделаны карандашом, попадались незаполненные графы. Видимо, никогда он не заглядывал в них, полагаясь на писаря.

Данные учета всегда нужны. В них боевая биография тружеников переднего края. Те, кто уцелеет в этой схватке, будут искать документального подтверждения своим боевым делам, ранениям, наградам. Как же обидно и больно будет фронтовику, когда он увидит против своей фамилии пустые клетки или же искаженные данные, Он назовет офицеров штаба бездушными чиновниками. Всех без разбора. Кто виноват? Писарь? Нет, начальник штаба.

Таких промахов у него встречалось немало, После каждого из них, несомненно, он становился опытнее, осмотрительнее, но если карабкаться к мастерству только через свои ошибки, то очень много времени потребуется, чтобы стать хорошим работником.

Произошла также замена начальника штаба 311-го полка.

Его место занял офицер оперативного отделения штаба дивизии майор И. Ф. Тарханов.

Совсем недавно в погожее весеннее утро я шел на КП 10-й бригады, чтобы вступить в должность начальника штаба. Теперь

рядом со мной стоял Иван Федорович с таким же предписанием. Позади у него девять трудных месяцев работы в оперативном отделении. Это большая школа подготовки штабного офицера в годы войны. Призван он из запаса, по профессии учитель. За годы войны давно стерлась разница между командирами кадровыми и запаса. Их уже не отличить ни по внешнему виду, ни по знанию военного дела — все сравнялись, стали истинно военными. Не вызывал уже ни у кого удивления и молодой возраст вновь назначаемых начальников штабов. Не было у них никакого сходства со своими довоенными предшественниками. Те были в годах, с солидным образованием, большим опытом работы. Многие из них, умные, деловые, попав сразу с началом войны в очень тяжелые условия, делали все, что могли, и часто гибли, не сделав всего, на что были способны. В штабы пришла молодежь. Отчаянные, смелые, неутомимые в работе, честные труженики. С каждым днем росли их мастерство и опыт в выполнении своих обязанностей.

— Боюсь, что не оправдаю доверия, — признался Тарханов. — С чего начинать?

Я вышел его проводить. Узкая тропинка петляла между голыми ветлами. Вдалеке ложились снаряды, и взрывы от них гулко отдавались в степи. Я его не перебивал, слушал. Вспомнились свои первые, трудные шаги. Видимо, ни один начальник сразу не врастал в должность. Хорошо, если рядом оказывался добрый друг, на которого можно было в трудную минуту опереться. Я уже давно пришел к твердому убеждению, что, каким бы умным и работоспособным ни оказывался начальник штаба, в одиночку, без коллектива, он ничего не сделает. Дружный, сколоченный коллектив — его надежная опора в работе и неисчерпаемый источник творческой энергии. Он приносит успех, создает авторитет и уважение штабу и его начальнику.

Я знал всех офицеров штаба полка. Деловые, грамотные. На них можно положиться, не подведут. Но им пока не хватало одного — деловой спайки. Важно сделать так, чтобы каждый жил заботами и делами штаба. Пожалуй, это самая трудная задача, и решение ее зависит от самого начальника. Ведь он стоит в центре, его все видят, придирчиво оценивают его личную работу, поведение, выдержку и человечность.

Важно, чтобы начальник штаба и командир не работали в одиночку, в отрыве друг от друга. Каждое решение командир вырабатывает мучительно долго, настойчиво выбирая пути для успешного выполнения поставленной задачи. Особенно трудно оно рождается после неудачной атаки, когда противник отразил

удар и оборона его не дала трещину.

На кого опереться, с кем поговорить ему по душам, кому высказать свои сомнения и надежды? Рядом — начальник артиллерии, полковой инженер, начальник химслужбы. Все они хорошие специалисты, но на события смотрят с высоты своего рода войск и службы. Поэтому командир спрашивает их только по вопросам, которые касаются их специальности. От начальника штаба командир может ожидать доброго совета, обстоятельного анализа сложившейся обстановки, обоснованных предложений для принятия решения. В какой мере оправдываются его ожидания — определяется степенью деловой сработанности этих начальников.

Командир полка майор И. П. Рудко одобрил выбор кандидатуры на должность начальника штаба. С Тархановым он был давно знаком. Но Рудко в полку уже работал с двумя начальниками штабов, каждый оставил у него о себе добрую память. Новому начальнику штаба, чтобы утвердиться в доверии командира, требовалось работать лучше своих предшественников.

— Только не ломайте с ходу сложившиеся обычаи и методы, — посоветовал я. — Сначала изучите работу штаба, а потом вводите новшества.

Попрощавшись, он пошел бодрой походкой на командный пункт полка.

Конечно, потребовалось время, чтобы майор Тарханов освоил свои обязанности. Давно бы ему пора было занять эту должность, но не хотелось оголять оперативное отделение. Мало в нем офицеров, и от каждого зависела в целом работа штаба. Может быть, у меня некоторое пристрастие к операторам, но мне казалось, что в годы войны их число следовало бы удвоить. Они нужны были не только для выполнения своих повседневных задач, по и составляли резерв для замещения должностей начальников штабов полков и их первых заместителей.

Несколько дней подряд действовали разведгруппы с целью захвата пленного, но успеха не было. Противник но ослаблял наблюдения даже ночью. Какие бы трудности ни вставали на пути выполнения разведчиками этой задачи, но ее требовалось решать. Только с захватом «языка» появлялась возможность уточнить замыслы врага.

Однажды пришла к разведчикам удача. Об этой вылазке поделился в дивизионной газете разведчик В. Денисевич:

«Ночь темная, холодная помогла нам. Нас было пятеро. Днем облюбовали окоп, на который решили напасть. Вслед за мной ползли остальные. Подкрадывались скрытно, бесшумно, чтобы не

спугнуть врага. Поднял голову, вижу: окоп рядом. Лежим, ловим шорохи. Знаю, фашисты не выдерживают холода. Мороз крепчал. Примерно через час один высунул голову из окопа, осмотрелся. Ничего не обнаружив подозрительного, вылез и стал прыгать то на одной ноге, то на другой. Я подал сигнал, и мы втроем — Жерков, Лукаш и я — набросились на фашиста, двое были в готовности поддержать нас огнем. Немец все же сумел крикнуть, но в умелых руках разведчиков мгновенно затих. Без единого выстрела мы выполнили задачу».

До чего же смешной вид был у пленного: тощий, небритый, глаза большие, водянистые, на голове по-турецки свернута женская старая юбка, на плечах цветастое одеяло, поверх сапог надеты веревочные чуни. Настоящая находка для наглядной агитации.

Начальник разведки 308-го полка капитан Ф. Е. Чернышев подал идею показать его нашим солдатам. Провели его вдоль окопов. Даже те, кто от холода и недоедания приуныли, при виде пленного смеялись от всей души. Перед ними стоял враг, с которым вели схватку. На серьезное наступление такой не пойдет, а если двинется, то далеко не протопает. Растерял он свою силу, держался на пределе. Этот пленный подтвердил наши предварительные выводы о том, что пока противник беспокоился только об одном: как бы удержать рубежи и не допустить нашего продвижения. В этих условиях выгоднее было активизировать свои действия.

Комдив решил атаковать ночью, чтобы захватить два ротных опорных пункта. Успех боя — во внезапности и смелом броске пехоты. Вместе с ротами планировали выдвигать орудия прямой наводки. Снаряды распределили поровну между орудиями. Задача: каждый выстрел — в цель. Атаку возглавили лучшие офицеры капитаны С. М. Качало и В. К. Дружин.

После ужина пехота заняла исходное положение. Атака началась без огневого налета. Смелый бросок. Фашисты всполошились поздно. Остановить атаку они уже не могли.

Первая, а на ряде участков и вторая траншеи были захвачены. Маленькая победа, но она радовала.

Заслуживал похвалы заместитель командира батальона капитан Р. С. Саипов. Продвижение батальона сдерживал сильный опорный пункт, его нельзя было обойти. Перед ним голая, вылизанная ветрами степь. С наступлением темноты Саипов с группой смельчаков пополз вперед. Первый раз — неудача. Через час повторили. Короткий бросок — и смельчаки в траншее врага. Опорный пункт был захвачен. В этом бою Саипов погиб, но лично он уничтожил трех фашистов. Около роты было разгромлено его

группой.

Место Саипова занял командир четвертой роты капитан В. К. Дружин, такой же смелый и отважный. Сама жизнь выдвигала вперед достойных. Рота — суровая школа, где происходил обжиг характера офицера. Если он выдерживал этот строгий экзамен, то мог успешно выполнять уже более сложные обязанности. Так, командир роты капитан П. Г. Сботов перешел на работу в штаб полка и вскоре показал себя одним из лучших помощников начальника штаба.

Нельзя не вспомнить и офицера Ивана Мишина. Он за день прошел ступени от красноармейца до ротного. В одном бою рота отражала атаку противника. Превосходящие силы врага настойчиво пытались прорвать рубеж. От прямого попадания снаряда в окоп погиб командир взвода. Плотный огонь врага обрушился на позицию. Кто же за лейтенанта? Бежали секунды безвластия. Громко прозвучал сильный голос командира отделения рядового Мишина:

— Я командую взводом!

И тут же последовало первое распоряжение:

— Приготовиться, залпом. Огонь! — И сразу же второе: — Гранатами, огонь!

Враги залегли, стали отползать. Опять ударили по окопам артиллерия и минометы противника, выдвинулись его танки. Командир роты под огнем побежал к взводу Машина — здесь решалась судьба боя. Будто споткнулся старший лейтенант около самого окопа. Поднял голову и слабеющим голосом передал:

— Мишин, принимай роту…

Не сам решил, а приказ, который не ставят под сомнение. Больше некому — в роте не осталось ни одного офицера.

«Товарищ ротный!» — уважительно зазвучало с разных сторон.

Противник наседал. Рота сумела отразить атаки врага. Иван Мишин, здраво оценив обстановку, подал команду:

— Вперед! Ура-а!

Быстрее всех стремительно бежал он впереди. На плечах противника взводы ворвались в его опорный пункт, расположенный на небольшой высоте. Мишин быстро расставил огневые средства, закрепил успех. Через час фашисты начали контратаки. Позарез им нужна была потерянная высота, которая наподобие замка запирала их рубеж обороны. Отбили первые две контратаки. Потом их было еще три, но уже без прежнего нахальства лез противник.

Не было у Мишина военного образования, познавал он теорию и практику военного дела на поле боя, под огнем врага.

Степенный, рассудительный и физически крепкий. Ему присвоили звание младшего лейтенанта и утвердили в должности командира роты. Но его подчиненные никак не хотели называть его по-другому и продолжали обращаться к нему, как и в первый день: «Товарищ ротный!»

Теория, даже если она обстоятельно разработана и изучена, не могла подсказать, как уловить момент в ходе схватки для броска в контратаку, как защитить подчиненных в открытом поле от холода и поддержать их боевой настрой, где выгоднее расставить пулеметы, чтобы отразить атаки с минимальным расходом боеприпасов, где лучше быть командиру в бою… Решение этих практических вопросов зависело от деловой сноровки, пытливого ума, личной храбрости, а также от опыта и мастерства командира, приобретенных им в ходе боев.

Здесь, под огнем, развивалась наука побеждать. Она впитывала в себя опыт, накопленный в предыдущих схватках. Когда был получен приказ на переход к обороне, ни у кого не возникало сомнения в важности оборудования рубежа. Хоть и тяжело, но лучше отрывать не одиночные окопы, а участки траншей. Выгоднее и надежнее — лучше затратить больше сил, но зато иметь удобную позицию. Спокойнее воевать, когда рядом дышал махорочным дымом сосед, с ним можно не опасаться внезапного налета фашистов.

В боях рос и авторитет штабов. Им тоже никто не приказывал сверху, но с наступлением темноты шли офицеры в подразделения, на передний край. Там находилось основное звено, и если бы оно оказалось слабым, то захваченный район скорее всего не расширялся бы, а угрожающе сужался. По мере изменения обстановки офицеры штаба прикидывали, как лучше расставить подразделения и огневые средства, какой участок следует надежнее прикрыть, где выгоднее разместить инженерные заграждения, в каких направлениях целесообразнее определить контратаки резерва, в каком месте разумнее оборудовать пункты управления. Здесь не было мелочей.

Как-то начальник оперативного отделения майор Н. В. Попов высказал дельную мысль: подготовить на каждую роту первого эшелона по одной запасной позиции. Все понимали, что нелегкий труд — отрывать их в мерзлой земле, но ведь усилия не пропадут даром, намного возрастет устойчивость обороны. Привлекли резервы, спецподразделения и позиции создали.

Слабым местом в обороне дивизии оставалась переправа через Днепр. Лодки и паромы с трудом пробивали себе дорогу. По реке плыла шуга вперемежку с льдинами, плотная, сплошная, изредка виднелись в ней куцые разводы. Ветер нес колючую

поземку, леденил землю. С тревогой думали командиры и офицеры штабов о завтрашнем дне. Запасов продовольствия в частях не было. Теперь уже не приходилось выбирать, какие грузы перебрасывать через реку. Только продовольствие. Оно решало судьбу боя. Все понимали, что если не накормить людей, не влить в них силы, то и оружие перестанет стрелять.

На переправе постоянно находились подполковник Л. П. Вахрушев и офицеры политотдела. Доставку продовольствия они взяли под контроль.

Продовольствие для раненых сбрасывали с самолетов.

Всем было тяжело. В обед для офицеров штаба подавали только жидкий суп, без навара и мяса. За эти дни у многих офицеров заметно осунулись лица, заострились носы. Даже капитан Г. И. Проценко, один из самых жизнерадостных штабников, притих, стал меньше двигаться. В землянке оперативного отделения всегда было шумно, накурено, а теперь сидели те же люди, но говорили вполголоса, не спорили и даже меньше курили — голодный желудок неохотно принимал табачный дым.

Обычно к вечеру все офицеры штаба дивизии уходили в батальоны. От них требовалось не только оценивать бдительность и готовность личного состава к отражению внезапных атак противника, но и встречаться с воинами переднего края, говорить с ними, выслушивать заботы и предложения, присматриваться к работе командиров подразделений, изучать опыт по оборудованию рубежа и организации системы огня.

На проверку мы вышли вместе с майором Н. В. Поповым. Николай Васильевич уговорил меня сделать небольшой крюк и заглянуть к старшине роты С. Я. Норикову.

Тот встретил нас приветливо, как старых знакомых. Без всяких вопросов сразу же нырнул в щель, прикрытую куском фанеры. Через минуту, улыбаясь, стоял с двумя большими кукурузными початками.

— Много там таких? — указал я на траншею, поглаживая бока початка.

— Мало. Своих подкармливаю. Отощали, — тихо признался он.

Такие находчивые старшины в подразделениях встречались часто. Они будто из-под земли находили питание. Нориков держался скромно, обычно хвалил поваров. Конечно, из хороших продуктов и неважный повар готовил вполне съедобный обед, но, когда мал выбор продуктов и качество их плохое, выручало кулинарное искусство. Однако в одном с ним нельзя было не согласиться: повара тоже воевали — восстанавливая силы и

настроение бойцов, от того, насколько сытно и вкусно кормила солдатская кухня, в определенной мере зависела мощь удара по врагу.

Для проверки я выбрал батальон, который прикрывал фланг дивизии. Добрался до окопов. Место открытое. Редкий огонь. Ветер колючий, будто песком бил в глаза. Небольшие траншеи, в каждой по 4–5 бойцов.

Вспомнились трудные дни в прикубанских плавнях: не было соли, хлеба, вода ржавая, тухлая, под ногами трясина, об отрывке окопа и думать не приходилось; только ночью появлялась возможность встать с мокрой, зыбкой подстилки — днем могла срезать пулеметная очередь. Но здесь, казалось, еще сложнее. Большое ровное поле, без единого куста и дерева, лишь в крутой берег врезались овраги и промоины. Позади Днепр, широкий, грозный, запруженный льдинами и густой шугой. Река разрушила основной канал жизни, по которому поступали сюда продукты, снаряды, патроны, а обратно — эвакуировались раненые и больные. Приходилось жить и воевать, расходуя скромные запасы, доставляемые на лодках смельчаками-виртуозами.

Вместе с адъютантом старшим батальона шли мы от одного окопа к другому. Беседовали с красноармейцами, и они убеждались, что трудности известны всем, вид у начальника такой же, как и у них — тоже исхудал от недоедания. В окопах находились истинные герои, мужественные люди. Их подвиг не исчислялся секундами, минутами — он длился часами, днями и ночами, неделями. Они настойчиво вели схватку с врагом, холодом и голодом. Трудно сказать, какая из этих сил страшнее и безжалостнее наносила удары. Противник? Не проходило дня, чтобы он не наносил удары. Чаще без танков, по при сильной артиллерийской поддержке. Всегда требовалось быть готовыми к отражению этих ударов. Холод? За прошедшие сутки в батальоне получили обморожения несколько человек. Колючий ветер не стихал, земля покрылась ледяной коркой. Голод? Один раз в сутки еда — жидкая похлебка. Некормленые мерзли быстрее и сильнее…

На левом фланге оборонялась рота молодого лейтенанта Василия Сковородникова. На Молочную он прибыл с курсов младших лейтенантов. У него был красивый, каллиграфический почерк. Так выводили буквы разве что писаря. Не хотелось его направлять в полк. Но вот через месяц он стал командовать ротой, отпустил усики, приобрел солидность и, как говорил комбат, «оседлал опасность»… Его «персональная траншея» (выражение лейтенанта) была перекрыта куском брезента, что спасало от ветра и холода. Говорил бодро, даже с легким, чистым

звоном в голосе. Все у него оказывалось в норме: завершили в срок отрывку окопов, солдаты бдительно несли службу, днем работали два снайпера — сняли трех фашистов.

— Теплолюбивых укладываю к себе в траншею, — весело говорил он. — Надышат, как в бане.

С ним мы обошли рубеж роты. При встрече ротный каждому говорил что-то свое, душевное.

— Повязка помогла? — спрашивал он одного сержанта. — Побаливает? Держись до утра.

Пулеметчика, бывшего повара, постучал по спине:

— Какую оценку дал супу харчо?

Тот улыбнулся:

— Не разобрал, проглотил и не почувствовал вкуса.

— Значит, хороший был суп, — под смех гвардейцев сострил командир роты.

В крайнем окопе сидел на корточках солдат. При нашем появлении медленно встал. Небольшого роста, лицо худое, острое.

— Пальцы на ноге застыли, — признался он.

— Быстро в мою «парилку»! А Скульского пришли сюда.

Сковородников оглядел местность, расчистил от снега площадку и сказал:

— Люди все отдают, слабеют. Не знал раньше, что старики крепче. От бескормицы только вид у них неказистый. Молодежь скорее сдает: закалка не та.

Голос звонкий, бодрый. Словно забывал лейтенант, что сам был из молодых.

Давно известно: человек с улыбкой и шуткой живет интереснее и дольше. К мрачным и душевно скупым натурам скорее приходят болезни, невзгоды, страх. Ротный будто не признавал темных красок, бодро оценивал обстановку, легко делился с другими своим запасом душевного тепла, распахивал себя людям. На мое предложение перейти на работу в штаб сразу же ответил отказом:

— Там теплее, но я привык работать с людьми.

Такие вот офицеры цементировали оборону, вселяли в воинов веру в успех. Здесь, на Правобережье Днепра, как нигде в другом месте, проходила проверку боевая закалка воинов. В такой обстановке самое сильное воздействие на бойцов оказывали не грозные приказы вышестоящих штабов, а личный пример, и в первую очередь командиров рот и взводов. Лейтенант сердцем чувствовал, что нельзя в этих трудных условиях идти к людям с холодными глазами и наглухо закрытыми створками души. Даже если он ничем не мог облегчить участь подчиненных, его

приветливая улыбка и доброе слово вливали в людей уверенность в благополучный исход боя, помогали тверже держать в руках автомат и зорче вглядываться в темноту ночи.

На следующий день начальник штаба полка доложил об успешном отражении контратаки на правом фланге. Фашисты начали ее рано силами батальона при поддержке пяти танков. Удар пришелся по району обороны роты лейтенанта Сковородникова. Стойко держались воины. Экономно вели огонь ПТР и два противотанковых орудия. Два танка были подбиты, остальные отползли в укрытия.

В самый разгар боя Сковородников увидел, что на фланге вышел из строя расчет пулемета. Обнаружив прогал в огне, противник устремился в него. Нельзя было терять ни секунды. Командир метнулся к пулемету. Он не знал, есть в диске патроны, исправлен ли пулемет. Даже если бы не удалось сделать и выстрела, лейтенант стал бы отбиваться врукопашную, не пропустил бы врагов.

Пулемет был исправен, в диске были патроны. Сковородников успел. Он стрелял по ближним целям, и первые сраженные им враги падали рядом с окопом. Лейтенант вел огонь, пока гитлеровцы не повернули назад. Прикрывая отход, противник обрушил огонь артиллерии. Один снаряд смертельно ранил командира роты. Два красноармейца тотчас заняли окоп, из которого он вел огонь. Рота была готова отразить новые атаки врага…

Чуть уступом, прикрывая фланг, располагался резерв комбата — стрелковый взвод. Окопчики неказистые. Словно остановились на короткий привал, поковыряли сонатами мерзлую землю и легли отдыхать в ожидании новой команды. Снег уже запорошил обнаженную землю. Командир взвода, худощавый, высокий, стоял около одной ямки. Голова была повязана платком, в голосе смертельная усталость.

— Зубы болят, — пояснил лейтенант, пряча в карман платок. — Перекур устроили. Отдохнуть надо.

Поднялись из своих окопчиков бойцы. Их одиннадцать. Молча стали слушать, о чем толковал я км. Да разве они сами не усвоили, что при обстреле скорее всего выходят из строя те, кто не окопался! В мерзлой земле снаряд не делает воронки, и осколки широким веером скашивают все вокруг. Железная логика войны неумолима: или ты врага, или он тебя — третьего пути нет. Зачем же ждать, когда он тебя собьет с ног? Три часа прошло, как они заняли, этот рубеж, но не отрыли еще хороших окопов.

— Через два часа доложить об отрывке окопов, — приказал я.

Другого решения не могло быть. Пожалеть? Здесь жалость

неуместна. Один случайный огневой налет — и от взвода ничего не останется. Если же еще понизится температура, то многие без огня выйдут из строя. Войны молча приступили к отрывке.

Подошел командир третьей роты 305-го полка старший лейтенант П. Н. Сысоев. Быстрый, с цепким взглядом, бесстрашный в бою, находчивый и беспокойный. Здесь, на плацдарме, он отметил свое тридцатилетие. Я его знал еще но бригаде, там он больше месяца был ротным. Мне запомнился он одним своим смелым поступком. Однажды ночью, под Крымской, его роте предстояло внезапным ударом захватить опорный пункт, пробить брешь в обороне, в которую должны были устремиться основные силы батальона. В полночь рота начала скрытно выдвигаться к объекту атаки. Оставались считанные метры до переднего края. Один боец натолкнулся на мину. Рота остановилась. Противник мог в любой момент обрушить огонь и похоронить надежду на успех.

Павел Николаевич махнул рукой: «За мной!» — и пополз вперед. Он не был сапером, но чувство долга, большая ответственность оказались сильнее опасности. Штыком пропахивал затвердевшую корку земли. Потом он сказал саперам:

— Две мины вы не заметили в проходе.

Как он их нашел и столкнул в сторону, об этом никому не говорил. Рота успешно выполнила задачу, и только один раненый боец поведал о мужественном поступке своего ротного.

Его рота занимала рубеж во втором эшелоне, создавая глубину на этом опасном направлении. Зашел он сюда, чтобы узнать и познакомиться со своим соседом.

— Есть ли прихваченные морозом? — поинтересовался я.

— Ни одного. В работе нельзя мерзнуть, — улыбаясь, заверил он. — Было шерстяное одеяло — располосовали, сделали каждому теплые стельки. Руки легче согреть, сунув за пазуху. Зима здесь короткая. Напугала, а через пару дней отпустит. Выдержим. Помните плавни? Иногда рассказываю молодым — не верят. Здесь еще цветочки.

Его бодрый голос вроде разгонял темноту, наскоки холодного ветра.

Павел Николаевич обхватил за плечи своего соседа, посочувствовал ему, что болят зубы, просил пройти к нему в гости, посмотреть, какие сооружения сделали его гвардейцы.

— Не ужинали? — удивился он. — А ты думаешь, что мы хлебали щи? Держись, соседушка, — переживем. Впереди легче будет. Да и весна рядом.

Вскоре Сысоев ушел к себе, обещал еще раз заглянуть.

Лейтенант затянул потуже поясной ремень. Здесь, на

плацдарме, он делал свои первые шаги на войне. Трудные они. Голос у него мягкий, домашний. Здесь, в резервном взводе, ему предстояло еще набирать твердость, учиться жить своим умом, не всегда полагаясь на советы подчиненных.

Недалеко, в уютно оборудованном окопе, находился первый помощник начальника штаба 305-го полка старший лейтенант А. В. Небылица и связисты рядовые П. А. Полухин и М. М. Алферов. Оба связиста воевали на Северном Кавказе, по голосу знали всех начальников, хотя и не с каждым встречались. А. В. Небылица был на контроле. В эту ночь первый батальон выдвигался на передний край, а второй выводился для обогрева. На узле тропинок располагался пункт контроля полка, который, как утверждал Александр Васильевич, не минует ни одна рота и батарея. На небольшом кусочке карты у него расписано, кто, когда проходит его пункт.

Среди офицеров штаба встречались люди, влюбленные в документы. Они благоговейно выводили буквы и условные знаки, могли долго прихорашивать их, добиваясь особой красоты и выразительности. Но значительно больше встречалось в штабах полков офицеров, которые не считали нужным тратить много сил и времени на отделку и приглаживание документов. Они были уверены, что главное в них — объективность и точность изложения. Они больше времени находились в подразделениях, на переднем крае, на участках, где возникали критические ситуации. Своими глазами видели изменения в обстановке, вместе с командирами батальонов и рот изыскивали и проводили в жизнь необходимые мероприятия.

Хотя такие офицеры не поражали вышестоящий штаб красиво оформленными документами, но они знали подробности, которые могли быть схвачены на поле боя только своими глазами, и этим определялась высокая ценность разрабатываемых ими документов. К подобным офицерам относился старший лейтенант А. В. Небылица. Он подробно доложил о порядке смены подразделений.

Днем и ночью люди на плацдарме бодрствовали, стреляли, били врага. Нельзя было ослабить напряжение, снизить бдительность. Противник нередко испытывал крепость нашей обороны. Все атаки его успешно отражались перед передним краем.

5-я ударная армия, в состав которой входила наша дивизия, передавалась на 3-й Украинский фронт. Уточнялась данные об укомплектованности частей. Командир корпуса генерал А. И. Белов заслушал начальников штабов дивизий. Я сидел ближе к

нему и видел, как он цветным карандашом обводил данные, которые подтверждались в докладах.

Начальники штабов держали в руках ведомости, но основные цифры докладывали на память. Это наша обязанность: знать свои войска и противника.

Выработалась привычка прочно хранить в памяти цифры, характеризующие количество личного состава, орудий, минометов, ПТР, пулеметов, машин, коней, а также потери. которые понесли части за прошедший день; данные о наличии боеприпасов, горючего, продовольствия. Надо было, кроме того, твердо помнить, на каких рубежах и с каким успехом полки выполняли поставленные боевые задачи, в чем они нуждались, как укомплектованы батальоны, с кем и какая имелась связь, какой перед фронтом противник, где у него опорные пункты, резервы, огневые позиции артиллерии, в чем он превосходит нас и где у него слабые места.

Начальник штаба не становился от этого только безгрешным справочником, он был человеком, объективно оценивающим возможности сторон и перспективы развития предстоящих действий. Он не имел права называть цифры и рубежи приблизительно, на глазок, докладывать данные и сведения, которые вызывали у него самого сомнения, чернить или преподносить в розовых цветах сложившуюся обстановку. Если командир мог позволить доложить старшему: «Продвигаются медленно, но настойчиво», то начальнику штаба требовалось еще добавить, на какой рубеж уже вышли подразделения и какой перед ними противник.

Комкор уточнял, что сделано в порядке подготовки к наступлению. Ему не нравились частые напоминания о том, что в ротах мало людей.

— Не уважаю таких, которые хнычут и выпрашивают, — сказал он и постучал карандашом по столу. — Штабам надо искать пути к успеху. Войска 37-й и 48-й армий овладели Кривым Рогом. Если сильнее ударить здесь — враг побежит.

Он не скрывал, что войска встретились с большими трудностями, но складывающаяся обстановка настоятельно требовала от соединений решительных действий.

— Вам следует объективно оценивать возможности противника. За время зимних боев его группировка намного ослабла. Для нас главное — наладить переправу. Следите за рекой, — наставлял генерал, заканчивая встречу с нами.

Через два дня стал Днепр. Осторожно поползли первые смельчаки по тонкому, неокрепшему льду. Потекли на плацдарм запасы. Запахло хлебом и вкусным супом. Носили и носили

термосы на передний край.

В предстоящем наступлении дивизия сосредоточивала основные усилия на узком участке в центре полосы. Направление главного удара рассекало за передним краем небольшую возвышенность с курганом. На местности она и прежде почти не выделялась, а выпавший снег совсем сровнял ее с гладью степи. Из окопов первой линии виднелась она лишь слегка, приподнятая, словно опухоль, изрезанная вдоль и поперек траншеями. Высотка с курганом я была ключевым звеном в системе обороны противника. Для захвата высоты выделили два усиленных батальона. Возглавили их самые опытные офицеры — заместитель командира полка майор В. П. Федоров и командир батальона майор В. В. Леонов.

Ночью роты скрытно подползли к переднему краю обороны противника. Вслед за коротким огневым налетом подразделения рванулись в атаку. Гвардейцы стремительным броском достигли первой траншеи, ворвались в нее, уничтожили врага и пошли дальше. За полчаса была захвачена возвышенность с курганом. Батальоны стали продвигаться в глубину обороны, преследуя противника. Артиллеристы усилили огонь. В штаб дивизии поступили долгожданные радостные доклады. Снялся с места и наш НП. Первая остановка — в оставленных противником траншеях.

Штаб корпуса перенацелил в нашу полосу соседей. Двери в обороне врага были распахнуты. Требовалось спешить, чтобы не дать фашистам возможности закрепиться на промежуточном рубеже. Выслали на машинах передовой отряд.

Теперь могли уверенно сказать: плацдарм удержали, расширили, и заслуга в этом наших бойцов.

Противник отходил с боями. Бойцы устали, шли медленно. Грязь тяжелая, цепкая. На обочинах дороги стояли машины без горючего. Но воины упорно шли на запад. Каждый видел обескровленные, разучившиеся в фашистской неволе улыбаться лица русских людей, с болью в душе шагал через развалины и пепелища городов и деревень. А впереди, там, где еще хозяйничал враг, гремели взрывы и взлетало высоко к облакам пламя пожаров. И без команды становился шире шаг, руки крепче сжимали автомат, ненависть к захватчикам наращивала силу и мужество в атаке.

Иногда противник успевал занять заранее подготовленные рубежи, но чаще передовые отряды опережали его, срывая замысел. Для решения этих задач оказались незаменимыми мелкие подвижные группы. Они смело вырывались вперед, проникали в промежутки между опорными пунктами, а затем

открывали в тылу сильный огонь. Фашисты не выдерживали, бежали, боясь окружения. В такой обстановке во многом выручали разведчики. Они захватили мосты через Ингулец, Висунь, побили много техники врага.

Особенно отличился разведчик сержант Ш. Шерматов, бесстрашный, с суровым взглядом слегка раскосых черных глаз. Однажды с группой разведчиков он был направлен в тыл врага, чтобы следить за продвижением его частей. Но выдержал, атаковал группу противника.

— Вы же разведчик, — убеждал я его, указывая на допущенный им промах. — Что важнее для вас?

— Бить врага, — ответил он твердо.

Снова объяснил, что его задачи были другими. Когда он в следующий раз пошел с группой за передний край, я спросил:

— Задача понятна?

— Так точно, бить фашистов…

Шерматова наградили орденом Славы III степени.

Разведчики — люди смелые. В них бесстрашие и мужество влиты не из пипетки, по каплям, а черпаком, из котла. Как-то под вечер пришел на КП командир батальона майор Н. П. Рассказов, попросился в разведку:

— Душа у меня там.

Я его хорошо знал. Был он командиром взвода, бесстрашным, удачливым, потом командиром роты, а затем комбатом, таким же лихим, находчивым. Бойцы любили и уважали его. Обычное место его — в первой цепи, на переднем крае, там, где шло испытание силы воли, выдержки, выносливости и храбрости.

Пошли ему навстречу: назначили помощником начальника штаба полка по разведке. В одном из боев, когда противнику удалось задержать наши подразделения на заранее подготовленном рубеже, на выручку пришел Рассказов. Перед фронтом находилась небольшая, но сильно укрепленная высота. Пулеметы прошивали подступы к ней. Кажется, все пробовали: атаковали ее после огневого налета, пытались овладеть ею внезапным броском, действовали ночью. Но противник удерживал высоту.

Рассказов с десятью разведчиками пообещал решить эту задачу. Ночью проползли разведчики через передний край, с двух сторон по пять человек атаковали высоту. Огонь из автоматов, броски ручных гранат — и смелый рывок. Побили много фашистов, пять солдат взяли в плен.

В одной деревне был захвачен в плен немецкий офицер штаба. Он старательно щелкал каблуками, словно забыл, что не на приеме у своего начальства. Много раз я с интересом изучал

боевые документы противника, пытаясь найти в них полезное, что можно использовать в нашей практике планирования боевых действий. В папке у пленного были документы, он старательно объяснил их содержание и порядок разработки. То, что у нас писалось коротко, у них — пространно, то, что мы детализировали, они совсем обходили.

Привлек внимание один из документов, чем-то похожий на наш журнал боевых действий. В нем была короткая хронология боевых действий строго по числам. Всматриваясь в эти аккуратно выведенные слова, я размышлял, как же рациональнее составлять подобные документы? Почему-то редко находилось время, чтобы вплотную заняться журналом и отчетными картами. Все, что не схватывало в бою за горло, непозволительно отодвигалось на потом. В результате история писалась как бы рывками, от случая к случаю, когда появлялись окна в работе. При таком отношении события восстанавливались неполно, исчезали многие дела и подвиги воинов, и история становилась похожей на расширенный пересказ скупых боевых документов.

При желании можно избежать эпизодичности в разработке этого документа, но сложнее отыскать ответ: как писать? Давать ли перечень событий, фактов, подвигов сухо, сжатым, сугубо деловым языком, как это принято было в захваченном документе, или же развертывать события в красках, с диалогами? Конечно, привлекательнее иметь живую, пульсирующую историю, которую мог бы с большим удовольствием прочесть в свое время каждый ветеран. Но для этого не хватало художника слова, способного создавать такой документ.

Напрашивался более простой, вполне доступный путь: не увлекаясь художественной стороной и в то же время не опускаясь до языка бухгалтера, бесстрастно перечисляющего расходы и приходы по статьям, излагать не только происшедшие события, но и поучительные способы решения задач, давать оценку боев и выводы, которые могут стать полезными при организации боевых действий завтра.

Историческую часть по совместительству вел майор Н. Я. Варламов — помначальника оперотделения. Он был усидчив, трудолюбив, исключительно добросовестен. Если обнаруживались неточности или сомнительные данные в документах, терпеливо проверял их и не отступал, пока не добивался подтверждения фактов. Поэтому его предложения всегда были обоснованны и авторитетны. В свое время М. В. Глонти говорил, что если у офицера нет уважения к правде, то его нельзя держать в штабе.

Изучив захваченные боевые документы, мы с Н. Я. Варламовым пришли к одному выводу: форма и содержание

наших документов лучше, они полнее отражали сложившийся стиль управления.

В ходе преследования большую часть времени штабы находились в движении. Много людей за день встречались с начальником штаба. Всегда оказывались полезными встречи с офицерами штабов батальонов. Штаб батальона небольшой, но, как и всякий другой, собирал данные, учитывал, контролировал, помогал командиру в управлении подразделениями, обеспечивал выполнение поставленной боевой задачи. Основную часть работы в нем выполнял непосредственно начальник штаба.

В пути встретил адъютанта старшего третьего батальона 311-го полка старшего лейтенанта К. А. Викулова. У него спокойный характер, умеет здраво подходить к оценке событий. В ватнике, заляпанный грязью, с усталым лицом стоял он на обочине дороги. Только что впятером они толкали повозку, помогая исхудавшим коням вытащить ее из глубокой колеи, заполненной водой.

— Вроде тягача. Всех ездовых собрал, — пояснил Капитон Александрович, вытирая рукой потный лоб. — Последнюю повозку протолкнули. Дальше дорога лучше.

Закурили. Мне нравилось, когда офицер не делил работу на свою и соседа, а, натолкнувшись на нее, не спрашивая, кто должен выполнять, засучивал рукава и принимался за дело. Викулов мог бы пройти мимо — пусть повозки толкают сами повозочные, но не прошел, включился в работу.

После обеда я его увидел с ротой второго эшелона, которую вводили в бой. Викулов шел рядом с ротным и командиром противотанковой батареи. Командир батареи часто отдавал какие-то распоряжения, видимо поторапливая расчеты. Противник открыл артиллерийский огонь, и снаряды стали ложиться вблизи роты и батареи. Стоило Викулову лечь, и все, как по команде, залегли бы в тот же момент. Пока он шагал, все двигались навстречу огню. Такова уж сила примера старшего. Он не совершал подвигов, за которые отличали воинов высокими наградами, но при выполнении многих задач бесстрашно двигался через огонь, показывая образец выдержки и стойкости.

Рота вышла на рубеж ввода в бой. Сильная волна накатилась на оборонительный рубеж противника. Еще долго виднелся в стереотрубу выгоревший ватник Викулова, и лишь после того как цепи спустились в лощину, он скрылся из глаз.

Поздно вечером, когда затих бой и подразделения закрепились на достигнутом рубеже, я встретился с К. А. Викуловым в штабе полка. Лицо осунулось, но глаза оставались по-прежнему быстрыми, живыми. Совсем недавно он перешагнул свой тридцатилетий рубеж.

— Зря тащили батарею, — признался он. — На орудие по 5 снарядов. Выгоднее было проталкивать две пушки…

Действительно, все чаще преградой на пути к успеху в бою вставала нехватка снарядов. Многие ставили это в вину начальнику тыла подполковнику И. Л. Сухареву. Как-то под вечер он сам прибыл на КП. Положение в тылу сложилось тяжелое.

— Предлагаю сформировать в дивизии гужетранспортный батальон, — предложил он. — Где дороги позволят — будем возить грузы на повозках, а где полное бездорожье — вьюками.

Вместе с Иваном Лукичом подготовили расчеты и распоряжения. Командир дивизии любил, когда полезное дело сразу же выливалось в практическую форму.

Но какие бы трудности ни вставали с подвозом боеприпасов и горючего, какими бы малочисленными ни были роты, первейшей заботой командиров и штабов оставалось наращивание темпов продвижения. Тем более на направлении наступления нашей дивизии находился крупный порт и город Николаев. С каждым днем мы приближались к нему.

К исходу 26 марта части вышли к Водопою, где проходил предпоследний рубеж обороны противника. Офицеры штаба проверили состав штурмовых групп, их обеспеченность, знание задач командирами подразделений, помогли устранить имевшиеся недочеты в организации боя. Наши усилия направлялись на подготовку последнего рывка. Предстояло выдвинуть ближе к переднему краю пушки, чтобы стрелять по появляющимся целям наверняка. Все силы — в цепь атакующих. Никаких резервов и вторых эшелонов. Победа — в одном мощном ударе. Если воины ворвутся в город, то их уже не сможет остановить никакая сила, они проскочат на одном дыхании по улицам до самого Южного Буга.

Ночью части преодолели противотанковый ров, отрытый на пустыре между Водопоем и городом. У всех было одно желание; быстрее освободить город. Около домов Водопоя, в балках и лесопосадках скопилось много повозок и машин. Трудно было разобраться, из каких они дивизий. Но если части ворвутся в город, то их тылы мгновенно покинут свои укрытия, вместе с пехотой окажутся на городских улицах.

Даже подполковник И. Л. Сухарев выдвинулся к нашему НП. Впереди город, а в нем всегда имелись возможности для пополнения запасов. Он показал мне план города, где были отмечены заводы, фабрики, мастерские. На моем плане огневые позиции, траншеи, пункты управления — одним словом цели, которые надлежало уничтожать нашим огнем, а у него совсем другие объекты.

На окраине города четко просматривались окопы противника. Все подступы к рубежу фашисты простреливали пулеметным огнем. Для подавления огневых точек планировался короткий артналет, после которого предстоял бросок пехоты. В подразделения выехали операторы и офицеры политотдела, чтобы тщательно подготовить предстоящий штурм. Я зашел на НП 305-го полка. Командир полка подполковник А. Я. Ермоленко не спешил. Хорошая черта у него: обстоятельность в подходе к решению вопросов. Другой на его месте в присутствии проверяющих начал бы торопить события. С опытом и годами приходит и такая простая мудрость: всякая команда хороша в свое время. Но меньше часа заняла у него работа по уточнению вопросов организации боя. К этому времени подготовили атаку и другие полки. После короткого артналета дивизия вместе с другими соединениями пошла на штурм. Многие раненые встали в строй. Никто не хотел издали наблюдать за боем. По огневым точкам били орудия, выделенные для стрельбы прямой наводкой. Это был массовый подвиг тысяч воинов: смелый бросок через огонь врага. Противник не выдержал натиска и стал спешно откатываться назад, к переправам. Части ворвались в город. Во многих местах горели дома.

По городу прошли воины в своей полевой привычной форме, она же и для торжественных случаев — другой не было. Пообтрепалась она, загрязнилась, пропахла потом. За последние дни бойцы все время в обнимку с землей. Но в таком виде они дороже и ближе жителям, их встречали с радостью и уважением, обнимали.

Противник, как шакал, отогнанный от добычи, клацал зубами, бил с западного берега Южного Буга из тяжелой артиллерии по городу. В двухкилометровом мосту через реку зияло 20 взорванных звеньев. Порывистый ветер взметал пенистые гребни волн.

Настроение у всех было праздничное.

После успешных боев по освобождению Николаева, а затем Одессы дивизия выдвинулась к старой государственной границе. Лил дождь. Части расположились в садах и балках. Одни сутки отводились на подготовку форсирования Днестра — реки широкой и полноводной ранней весной. На карте начальника разведки подполковника К. С. Михальченко пока еще мало данных об обороне противника. Но разведчики уже заняли наблюдательные пункты по всей полосе наступления. Две группы с радиостанциями удачно перебрались через Днестр. Они сообщили: на западном берегу — подразделения прикрытия,

главные силы отведены за старое русло Днестра. Слишком легко противник оставил выгодный рубеж. Это насторожило. В такой ситуации мы бы действовали иначе. Вдоль реки заняли бы оборону основные силы, а вторые эшелоны подготовили бы рубеж в глубине.

Внимательно изучив местность, в штабе пришли к убеждению: на этот раз фашисты приняли вполне обоснованное решение. Междуречье, которое затапливалось в половодье, отдавалось без серьезного боя, но зато все силы сосредоточивались на удержании выгодного в тактическом отношении рубежа по старому руслу реки.

При таком построении обороны напрашивалось решение: форсировать реку передовыми отрядами, на широком фронте. Внезапно. Ночью. Затем без паузы обрушить удар на узком участке но основному рубежу. Для форсирования старого русла, ширина которого составляла 30–40 метров, требовалось сразу же доставить переправочные средства.

При форсировании, как ни в каком другом виде боя, успех во многом зависел от надежного подавления огневой системы противника. С особой тщательностью планировались вопросы огневого поражения большими мастерами своего дела — командующим артиллерией полковником Б. А. Харкевичем, начальником штаба майором Б. К. Сониным, его помощниками капитаном Н. Е. Левченко и старшим лейтенантом Г. Л. Сурисом. Артиллерийский штаб всегда работал в тесном контакте со штабом дивизии. Без этого не могло быть согласованности в решении вопросов.

Удивительно легко удалось форсировать Днестр и захватить междуречье. Впереди возвышался крутой и высокий берег, вдоль которого виднелись домики деревни Талмаз, где укрепился противник. Оборонительный рубеж готовился долгое время. Сил и средств для его прорыва ни у нас, ни у соседей не хватило.

В начале мая войска перешли к обороне. Один полк дивизии выводился в резерв корпуса. Двумя полками предстояло занять рубеж на широком фронте. Требовалось обживать небольшой плацдарм, залитый водой. С него ведь легче потом наступать. КП дивизии расположился у самого берега, где немного выше местность. Сюда долетали даже 81-мм мины противника.

С каждым днем прибывала вода, затапливая местность. Вблизи КП в реку воткнули рейку, размеченную на сантиметры. Буквально на глазах поднимался уровень воды. Первые окопы, отрытые на переднем крае, залило. Отходить назад, к реке? Пока рано. Можно еще поправить положение: сделать ограждающие насыпи, установить настилы. Догадливые воины обкладывали

окопы прутьями, крепили стенки щитами, а когда видели, что не сберечь их — вода заливала все, что было отрыто в земле, — стали создавать насыпные сооружения.

Некоторые шутники смеялись: «Дед Мазай и зайцы». Кое-где появлялись плоты на сваях и на плаву. Там, где немного посуше, делались дренажные сооружения, отрывались колодцы и отводы для стока воды. Против напора воды выставлялись упрямство, смекалка, настойчивость, труд. Верилось, что в схватке с водой гвардейцы выйдут победителями. Вода не снаряд, она мгновенно не раскидывала в стороны земляные сооружения.

В полной мере раскрылись способности дивизионного инженера майора Н. Н. Фетисова. Неторопливый, с мягким характером, умом ученого. Его доводы обычно обосновывались расчетами. Он верил в непогрешимую силу формул и положений руководств. На войне помимо строгих таблиц и нормативов, составленных для типовых условий, были еще суровые требования боевой обстановки, которые часто не поддавались учету. Надо! — и все отступало и пересчитывалось по наивысшей шкале, с учетом предельных возможностей людей и боевой техники.

Мне запомнился из детства случай. Недалеко от нашей деревни, расположенной на берегу Волхова, был песчаный карьер. Небольшой буксир таскал баржу, груженную песком. Однажды борта баржи нарастили досками, чтобы увеличить нагрузку. В воду опустилась и красная черта, ниже которой запрещалось погружать баржу. Много дней баржа благополучно отвозила песок. Как-то буксир днем отошел от берега, и на развороте баржа накренилась набок и медленно, на глазах у всех, опрокинулась кверху днищем.

За красной чертой — всегда риск. Если требовалось сделать больше, чем допускалось нормами и подтверждалось расчетами, Фетисов возражал:

— Вы можете приказать, но я остаюсь при своем мнении.

Но это не мешало ему настойчиво проводить в жизнь решение командира. У него десяток разных экспериментов с оборудованием окопов. То, что не выдерживало проверку, сразу же браковалось. Здесь меньше всего нужны были теоретические рассуждения, а требовались разумные практические рекомендации, которые могли быть использованы для укрепления рубежа.

Половодье угрожающе наступало на оборону. Подошло время решать — оставаться на занимаемых рубежах или отводить части на узкую прибрежную полоску, не поглощенную разливом. Ночью в подразделения были направлены офицеры штаба с задачей

оценить состояние оборонительного рубежа и представить свои соображения о перспективах обороны.

Из полка со мной пошел полковой инженер капитан П. М. Носов. Невысокий, узкоплечий, шинель висела на нем неловко, края ее изрядно пообтрепались и загрязнились. В разрез шинели проглядывались у него подколенники — широкие брезентовые раструбы, которые обхватывали края голенищ и закрывали колени ног. Вода уже не могла залиться в сапоги.

Он лучше знал дорогу. Но за ночь там, где вчера проходила тропинка, местами уже плескалась вода. Шел он быстро, на ходу высказывал свои беды. Его беспокоило состояние минных полей.

— Вода вымоет и перетащит мины в другое место, и опять все надо начинать сначала.

Через небольшую канаву были переброшены два бревнышка. За ней дорога совсем пропала. Среди голых деревьев просматривались вдали только отдельные незалитые островки. К ним надо добираться по воде. Сапоги у меня как решето, вода захлюпала в них.

На ближнем островке семь человек. Со всех сторон обложен он наклонно поставленными щитами из прутьев, сделана обкладка дерном.

— Молодец, Прокопенко, — хвалил Носов, рассматривая сооружение.

Младший лейтенант стеснительно улыбался. Щеки впалые, небритые, руки запачканы в глине. Он быстро вытер их о брюки, прежде чем подать руку.

— Вы же, товарищ капитан, дали идею установить щиты.

— Чтобы вложить ее в дело, надо иметь умную голову, — Носов постучал пальцем по лбу. — Замечательно сделано.

Не островок, а крепость. Для оружия оборудованы бойницы. Ни одного воина за последние дни не потеряли во взводе от огня врага. Замыслы у Прокопенко большие: вытянуть позицию вдоль фронта, поставить щиты из прутьев, которые станут вроде волнорезов на подступах к занимаемой позиции.

Гвардейцы сбились плотнее, закурили. Один, с черными усиками, показал свою фотографию, успел ее получить в Одессе. На карточке он был неузнаваем: пригнулся, как тигр перед прыжком, глаза горели, в правой руке — пистолет, в левой — кинжал, на шее — автомат, на поясном ремне — две гранаты, кубанка сбита набекрень, казалось, что он уже видел приближающихся врагов и с нетерпением ждал удачного момента, чтобы внезапно наброситься на них. Видимо, еще раньше друзья рассматривали эту карточку, но теперь вместе со мной загоготали от всей души.

— До войны работал в цирке, — пояснил он, пряча в карман карточку. — Жонглер, фокусник. Честный обман зрителей. Ловкость рук.

— Не разучились за эти годы? — поинтересовался я.

Он улыбался, возвращая карту, которую незаметно вытащил у меня из кармана. Видимо, мастерство не пропало.

Совсем близко — другой островок. Вода настойчиво атаковывала его. Воины торопливо лопатами набрасывали вырытую в воде землю.

Далеко разносился сердитый голос:

— Землю надо копать. Зачем сюда воду льешь?

Завернули с Носовым на этот голос. Здесь местность немного ниже, и вода с большой силой врезалась в поднявшееся на ее пути препятствие. На отвоеванном острове стоял лейтенант, лицо круглое, из-под пилотки выбивался густой клок волос.

— Создаем позицию, — громко начал он докладывать и уже тише добавил: — С водой ничего не поделать. Заливает. Со всех сторон.

Бойцы, мокрые, усталые, шлепали ногами по воде, таская землю. Вода холодная, да и ветерок-утренник продувал насквозь. Земли натаскать надо немало. Голые сучья деревьев не скрывали позицию от наблюдения противника.

Капитан П. М. Носов сразу же приступил к делу. Очень ему пригодились сапоги с надетыми подколенниками. Взяв из рук солдата топор, стал вбивать под наклоном колья, а потом показал, как нужно закреплять на них прутья. Не на словах, а на деле учил инженер. До чего же умелые и ловкие у него руки. Ни одного лишнего движения, все делалось быстро, надежно и даже красиво. Шинель у него намокла, фуражка сползла на затылок.

Таким людям, трудолюбивым, знающим, смекалистым, мастеровым, в любой обстановке не было цены. Вряд ли они сами представляли, как много пользы приносили другим, не думая о себе, не беспокоясь ни о наградах, ни о званиях, не ожидая даже похвалы начальства. Еще на КП полка, взяв в руки прутик, Носов терпеливо пояснял мне, как выгоднее делать насыпи для огневых средств. Перед ним не вставал вопрос: зачем нужны окопы в воде. Об этом думали другие, его же обязанность сделать их надежными и прочными.

Лейтенант же недавно принял взвод. Обычно война очень быстро обкатывала острые углы в характере офицера. Под огнем врага нет смысла говорить только языком команд. Здесь намного доходчивее воспринимались бы не зычные команды, а личный пример в работе. Наравне со всеми, а может быть, даже чуточку больше сделать, чем его подчиненные, — тогда скорее появится

авторитет у командира взвода. В организации труда, пожалуй, самое уязвимое место у лейтенанта. Я прошел с ним к позиции взвода младшего лейтенанта Н. В. Прокопенко. Не сразу распознали, где находился командир взвода. Тот вместе с бойцами уже вбивал заготовленный плетень-стенку.

— На всякий случай. Круговая оборона, — шутливо пояснил он.

Сам пример наглядно учил, как нужно работать и командовать. Вот только удивляло, что, находясь рядом, лейтенант не нашел времени сходить к своему опытному соседу, чтобы перенять у него лучшее. Сюда были вызваны и сержанты, чтобы оглядеть сооружение соседнего взвода. Такая учеба весьма полезна.

Как только забрезжил серый туманный рассвет, противник обстрелял плацдарм. В разных местах взлетали султаны взрывов. Затрещали пулеметы и автоматы с обеих сторон. В каких бы окопах ни находились воины — насыпных, полузатопленных, наплавных, — они не прятались за укрытия, настойчиво выискивали цели и по мере их обнаружения открывали огонь.

Лишь через две недели уровень воды остановился, потом начал опускаться. Под ногами еще долго хлюпала вода, но лес уже не казался больше голым, оторванным от земли. Весна брала свое. На глазах оживала природа. С каждым днем крепла и оборона. Сила ее не только в количестве отрытых траншей, в числе поставленных мин и других заграждений, а в людях, в крепости их духа, боевой закалке, опыте, умении смело смотреть в глаза врагу.

В подразделениях немало ветеранов, которые с боями достигли Днестра, прошли огонь и воду, выдержали многие испытания. Они стали живым примером для прибывшего пополнения. Среди новичков были люди молодые и пожилые, воевавшие и впервые взявшие в руки оружие. Я как-то зашел в 311-й полк. Недалеко от КП, на лужайке, сидели полукругом молодые бойцы. Перед тем как направлять их в подразделения, с ними беседовал начальник штаба майор И. Ф. Тарханов. Видимо, так же перед войной он вел уроки в школе — неторопливо, тщательно взвешивая слова. Иван Федорович восстанавливал весь боевой путь полка. Я сам с интересом слушал его взволнованный яркий рассказ о боевых делах, подвигах гвардейцев. Перед глазами вставали, как маяки, братья Остапенко, Юдаков, Гилев, Антропов, Ивановский…

— Легких побед не бывает, — говорил он, переходя к задачам, что решали воины в обороне.

Слушая беседу, невольно думалось о том, как важно

офицерам штаба встречаться с личным составом, раскрывать перед людьми не только очередные задачи, но и показывать, как же их выполняли мужественные гвардейцы в других, неизмеримо более трудных условиях.

Тарханов ничего не сказал о себе. Пришлось восполнить этот пробел — бойцам положено знать своих начальников. Ведь о тех отважных воинах, о которых поведал начальник штаба, он знал не понаслышке, не через вторые руки, а сам был рядом с ними, так же смело бился с врагами.

Какую бы задачу ни выполняли подразделения, у начальника штаба всегда находилось немало нерешенных вопросов. Оставшись со мной наедине, Иван Федорович высказал свое беспокойство. Не хватало разведчиков для укомплектования разведвзвода, недоставало в роте связи двух радиостанций, не регулярно поступали из штаба дивизии новые данные о противнике, отделение кадров требовало, не считаясь с мнением командира полка, отправки в резерв армии офицеров, не имеющих подразделений… Широк круг забот начальника штаба полка. Он как первый заместитель командира за все был в ответе.

По каждому поднятому вопросу Тарханов обстоятельно сообщил, что им предпринималось. Не добившись положительного ответа от лиц, непосредственно отвечающих за решение вопросов, он просил моего вмешательства. На первый взгляд, некоторые вопросы вроде но имели прямого касательства к сегодняшним боевым делам полка, но они могли повлиять на устойчивость управления в предстоящем наступлении, и потому не следовало откладывать решение их на другое время. Было отрадно, что начальник штаба, занятый текущими заботами, думал также и о завтрашнем дне.

Когда была внесена ясность в поставленные вопросы, я спросил его: не трудно ли дается штабная наука?

— Вначале было трудно, — признался он. — А теперь, — и он улыбнулся, — тоже трудно, но уже преодолимо.

Работая продолжительное время в оперативном отделении, он привык с большим уважением относиться к документам и, уже будучи начальником штаба, много сил и времени уделял им. Видимо, ему предстояло внести поправки в свой стиль работы, добиваясь повышения роли живого общения и сокращения бумажного потока.

Когда-то меня удивляло обилие мелких вопросов, которые неотступно преследовали начальника штаба, и решение их отнимало у него много времени. Как-то само собой, без всяких «административных мер», по мере накопления опыта и мастерства у подчиненных отпадали мелочи, больше времени у

начальника штаба уже занимали сложные вопросы, которые не могли быть решены без него.

Так, в интересах обеспечения устойчивости обороны немало времени заняла разработка небольшой, но емкой памятки для офицера и солдата. В ней особо подчеркивалась необходимость поддержания высокой активности обороны. Гвардейцам предписывалось непрерывно бить врага, на каждый его выстрел посылать десять пуль в ответ. Такова железная логика борьбы. Держать все время противника под огнем, в постоянном страхе, не давать ему возможности использовать выгодные условия местности. Пусть знает, что ни один выстрел его не окажется безнаказанным. Это оправдало себя в боях.

Но такая активность не могла появиться в результате одного призыва. Здесь решающее значение имел пример ветеранов, опытных воинов, глубоко познавших в боях силу и важность огня. Необстрелянные солдаты, находясь рядом с ними, воспринимали от них лучшие качества гвардейцев.

Штаб организовал постоянно действующие сборы снайперов. Я побыл на ряде занятий. В кустах устанавливались мишени, которые с трудом можно было разглядеть. Две секунды на выстрел. Все мишени оказывались пораженными. Такие стрелки продырявили немало фашистских голов. Каждый из них готовил себе достойного ученика. Это большое и важное дело пошло вширь, захватило сотни людей. Лучшей оценкой их работы служило признание самих врагов.

— Ваши снайперы, — показал пленный 21-й пехотной дивизии, — не дают поднять головы. За один день наша рота потеряла 15 человек ранеными и 4 убитыми[11].

Противник тоже зарывался в землю, ставил проволочные заграждения и минные поля, вел огонь. Часто производил налеты артиллерией по разным районам обороны. Наличие траншей не исключало людских потерь.

С тем чтобы не допустить оттока из дивизии раненых, которых можно было долечивать без ущерба и в этих условиях, был создан при медсанбате батальон выздоравливающих. Врачам добавилось работы. Со временем этот батальон стал солидным подразделением. По плану штаба предусматривалось, по мере выздоровления, проведение с личным составом облегченных занятий.

Штаб не прекращал поиски путей по повышению устойчивости обороны. Были разработаны и внедрены такие мероприятия, как вывод подразделений в тыл для занятий по боевой подготовке, учеба командиров и штабов на местности с разбором вопросов по отражению возможных ударов противника,

созданию круговой обороны в районах размещения пунктов управления, огневых позиций артиллерии и складов. Проводились комплексные проверки состояния обороны с привлечением офицеров штабов полков и батальонов. Не забывали мы и о подготовке запасных районов, организации широкой сети наблюдательных постов и дублирующих каналов связи…

И конечно, во главу угла ставились задачи по воспитанию у личного состава постоянной готовности к отражению внезапного удара врага.

Постепенно спала вода, подсохли траншеи и тропинки, зазеленела трава. С каждым днем густела развесистая шапка крон деревьев, надежно укрывая оборону. В лесу стало веселее, даже временами слышалось пение птиц. Впереди, за старым руслом реки, — высокий, лысый гребень, весь изрытый траншеями. Днем там не видно людей. Наши снайперы заставили фашистов прятаться, переползать, жить все время под страхом смерти.

На картах велся строжайший учет всех огневых точек врага. Десятки наблюдателей с раннего утра и до позднего вечера терпеливо изучали оборону. Их работа была трудной, кропотливой, требующей большой выдержки. Много постов располагалось на высоких деревьях. Обычно у дерева, где находился наблюдатель, стоял отполированный шест: один конец его упирался в «гнездо», а второй опускался в открытую щель. С какой бы предосторожностью ни вели наблюдение разведчики, но рано или поздно их замечали. Враг понимал, какую опасность представляли они, и потому не жалел снарядов, чтобы их уничтожить. Огонь велся обычно залпами. В один миг нужно было успеть покинуть «гнездо» и спрятаться в щель. С помощью шеста сползти с любого высокого дерева можно за секунды. Заканчивался обстрел, и снова карабкались наблюдатели на свои места. В иной день приходилось им укрываться от обстрелов по 5–6 раз.

К концу дня в штабе дивизии собирались новые данные об обороне противника. Карта наполнялась условными знаками огневых точек, участков траншей и ходов сообщений, которых раньше не отмечалось. Бесспорно, выгоднее до перехода в наступление потратить больше сил на изучение обороны, но зато быть уверенным, что при наступлении огонь артиллерии придется по конкретным целям. Штаб учитывал также потери и укомплектованность вражеских частей.

Начальники разведки полков имели ведомости боевого состава частей противника. Если в сводке указано, что уничтожено 20 человек, то на эту цифру уменьшалась

численность этих подразделений. Через пленных состав частей периодически уточнялся.

На плацдарме — жизнь под огнем. Ко всему привыкает человек, даже к опасности. Но, какими бы привычными ни становились для него траншеи и землянки, в которых ел, спал, нес службу, все равно он уставал от этих условий. Ему требовалась разрядка, снятие напряжения. Тогда он бодрее начинал ощущать жизнь, яснее видел перспективу развития дальнейших событий, более реальными цветами окрашивал действия и поступки людей. Такую разрядку получали солдаты и офицеры при выводе подразделений во второй эшелон. Боевая подготовка взбадривала воинов, держала их в постоянной готовности к боевым действиям. Штаб дивизии планировал вывод батальонов во второй эшелон, не ослабляя устойчивости обороны.

Здесь, на плацдарме, отметили первую годовщину создания дивизии. Год в боевой истории большой срок. За это время выросли замечательные кадры, мастера ведения боя. Вот некоторые из них. Командир роты старший лейтенант Б. А. Солодовников, ему 22 года, с начала войны на фронте.

До формирования дивизии воевал командиром взвода в 10-й бригаде, 8 раз ранен. Такое количество ранений было только у майора Н. П. Рассказова. Всем чертям назло выжил, не потерял бодрости духа, стал крепче и бесстрашнее в бою. После выздоровления всегда попадал в свою родную дивизию. Награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды.

Командир третьего батальона 308-го полка майор В. А. Чмель чаще всего успешно выполнял наиболее трудные задачи в бою. Его батальон всегда действовал на решающих направлениях. Мы знали, что комбат не подведет и сумеет переломить обстановку в свою пользу.

Неизмеримо выросло мастерство офицеров штаба. Немало добрых слов можно сказать и о начальнике связи дивизии майоре К. М. Татуре. Он стал мастером высокой квалификации. В любой обстановке смело брал на себя ответственность за решение возникающих вопросов по организации связи. При добром участии Татура в короткие сроки в полной мере раскрылись способности его помощника майора Г. И. Проценко. Суровый принцип взаимозаменяемости всегда был жизненным на войне. Там, где он соблюдался, исключалась опасность того, что в тяжелой обстановке мог произойти сбой в работе какого-либо звена штаба. В Георгии Ивановиче удачно сочетались глубокие знания своего дела и отвага, жизнерадостность и большая работоспособность. Он всегда находил время для выполнения обязанностей секретаря парторганизации. Ни одна судьба

офицера штаба не решалась без его участия. Он был счастлив, когда хвалили коммуниста, отмечали его дела. На войне секретарю надо иметь доброе сердце, приветливо открытое людям. Здесь чаще от него коммунисты ждали поддержки, дружеского участия, совета.

За последнее время влились в оперативное отделение молодые способные офицеры — старшие лейтенанты А. К. Бабич к П. М. Фесуненко.

Прибыл из штаба корпуса на должность заместителя начальника оперативного отделения дивизии майор Ф. П. Шаченко. С первых же шагов работы в штабе он показал, что достоин доверия. Однажды комиссия из штаба армии проверила состояние обороны дивизии. Общий вывод был вполне благоприятным. Однако указывалось, что в районе обороны одной из рот неудачно выбраны огневые позиции для пулеметов. При докладе результатов контроля со мной был майор Ф. П. Шаченко. Его будто пружиной подкинуло с места.

— Я вчера проверял там оборону, — взволнованно заговорил он. — Заверяю, что все площадки выбраны удачно, с хорошим обстрелом. Пойдемте на местность я докажу.

Накануне, в преддверии работы армейской комиссии, штаб дивизии выборочно проверил некоторые районы обороны. Председатель согласился на перепроверку данных, тем более что это не задерживало составление акта. Минут через сорок офицеры вернулись. По оживленному, радостному лицу Шаченко было ясно, что он одержал победу. Проверяющий согласился, что допустил ошибку.

Казалось бы, произошло незначительное событие, но в нем сразу же раскрылся характер офицера штаба, его непримиримость к фальши и высокая принципиальность в решении поставленных перед ним задач. Серьезно, по-деловому подходил Федор Петрович к решению любого задания. Для него не существовало деления задач на важные и второстепенные, каждую выполнял старательно, без спешки.

Офицеры штаба часто привлекались к проверкам состояния обороны. Нередко ходил в подразделения и я. Однажды заглянул в небольшой тесный блиндаж. Там было человек десять. Присел в уголке передохнуть. Бойцы сначала были несколько смущены моим присутствием, однако скоро привыкли, и разговор опять возобновился. Говорил пожилой, степенный командир роты старший лейтенант Ф. К. Федоренко:

— Кончится война, приятно будет сказать: «Я освобождал Николаев, Одессу».

Голос у ротного мягкий, тихий. Перед ним молодое

пополнение. Все это у него вроде вступления для большого разговора о делах, бдительности и несении службы. Привел он пример, как один солдат во время артналета противника спрятался в нишу, оставил без присмотра пулемет.

— Все надеялись на него, верили, что он стоит на посту, в готовности бить врага, если тот под прикрытием огня начнет атаку. Первое испытание огнем не выдержал.

Федоренко вспомнил атаку вражеских танков на днепровском плацдарме. Тогда рота лежала без окопов, на мерзлой земле, слегка припорошенной снегом. Гранаты и два ПТР— все, чем располагала она для борьбы с танками. Никто не дрогнул, выдержали, два танка подбили. Один — на счету командира отделения сержанта Васюкова.

Я слушал офицера и думал о том, что он умеет воспитывать у подчиненных высокие бойцовские качества.

Оборона, несмотря на глубокую ночь, бодрствовала, стреляла, несла дежурство, работала, чутко улавливая звуки и шорохи. На плацдарме паслись кони, дымили кухни, кто-то стирал белье, ловил в реке рыбу.

Здесь, в окопах, наступила третья годовщина начала войны. 22 июня сорок четвертого был самый обычный день. Скорее по привычке, чем по необходимости, штаб корпуса напомнил о повышении бдительности и готовности к отражению возможного удара противника. Такую же бумагу довел штаб дивизии до полков.

Снайперы в этот день занесли на свой лицевой счет очередных уничтоженных фашистов: И. Заинчковский — 15-го, Б. В. Баририьяк — 10-го, К. И. Тихонов — 6-го. Артиллеристы 215-го артиллерийского полка подавили две батареи, разрушили три блиндажа и два НП. Пулеметчик сержант С. Глущенко очередью из пулемета поразил трех солдат врага.

За сутки было отрыто 400 метров траншей, установлено 92 мины, наблюдателями засечено 6 пулеметных точек и одна минометная батарея.

После обеда с дивизионным инженером Н. Н. Фетисовым провели рекогносцировку оборонительных рубежей за Днестром. До чего же тихо и спокойно на полях! В кустах птичий гомон. Днестр неторопливо катил свои воды к морю.

Вечером зашел на КП командир батальона майор П. В. Козак. Уезжал он на курсы. Еще в 10-й бригаде был командиром роты, заместителем комбата. Сильный и неторопливый, в бою отчаянно смел и напорист. Не хотелось ему покидать дивизию на пороге больших событий.

— Не представляю, как буду учиться и жить в тылу, —

сознался он. — Ни стрельбы, ни окопов. Вроде забросили на другую планету.

Конечно, за батальон он изучил и теорию и практику. С боями прошел комбатом больше тысячи километров, попадал во всякие ситуации. Но учеба — всегда на пользу. Я считал, что какой бы опыт ни накопил человек, он будет спотыкаться, если у него нет систематизированных знаний теории.

— Счастливый вы, что едете учиться. Закончите учебу— приедете нас менять, — убеждал я его.

Вспомнили трудные бои на Северном Кавказе. 10-я стрелковая бригада у нас с ним — обжитый дом, который оставили повзрослевшие дети. Тогда казалось, что все там делалось солидно, не вызывая никаких кривотолков, что все действия командования вполне оправдывались сложившимися условиями. Теперь и мы стали опытнее и уже другими глазами оглядывали жизнь в оставленном доме.

На днях уехал из дивизии на другую должность командующий артиллерией полковник Б. А. Харкевич. В его глазах была та же боль расставания. Нигде не возникает такого крепкого сплава дружбы, как на фронте, в обстановке постоянной опасности и больших трудностей. Не случайно, в какие бы только ни попадали госпитали раненые, выздоровев, они снова просились в свою дивизию, к своим друзьям, с которыми сроднились за время боев…

Не все шло гладко в работе штаба, немало времени отнимали разборы всяких непредвиденных случаев, которые происходили по его вине. Я приведу только некоторые, чтобы показать, насколько широк их диапазон.

Рано утром сообщили: приполз перебежчик. Через минное поле. Саперы уверяли, что мины наставлены там плотно, мышь не проскочит. И вдруг прополз человек, не встретив ни одной мины. Начальник штаба саперного батальона капитан Н. С. Коган, один из самых исполнительных офицеров, расставил колышки в шахматном порядке. Наглядно — проползти, не задев ни одного, может только змея. Перебежчик тоже смотрел на колышки и никак не мог попять, что от него требовалось. Наконец понял: надо показать, как полз.

— Больше всего боялся наскочить на мину, — пояснил он. — Бог помог.

И он молитвенно сложил руки, поднял глаза кверху.

С наступлением темноты саперы проверили на этом направлении все минные поля. Оказалось, что противник сумел скрытно на узком участке снять мины, подготовив проход для действия своей разведгруппы. Это был суровый урок для штаба.

Какие бы сложные заграждения ни выставлялись на подступах к переднему краю, но они должны быть всегда под контролем, иначе ничто не гарантирует от внезапного удара противника.

…Перед рассветом одна из рот 305-го полка была переведена в другой район. Перед уходом ротный приказал: забрать бревна, которые служили перекрытием блиндажей и землянок, забрать жерди, из которых были сделаны нары, и плетеные щиты, что крепили песчаные стенки траншей. За час солдаты вытащили каркас, и красивое, прочное сооружение рухнуло, перестало им быть. Уже пропала боевая позиция, нет блиндажей и землянок, нет траншей, а есть нагромождение куч земли. Все придется начинать сначала. Рядом сидели солдаты прибывшей сюда роты, молча курили, ждали, пока начальство выясняло отношения.

Начальник штаба майор П. Е. Кондрашев не стал сразу распекать ротного. Когда отошли подальше, остановился, взял его за плечи: «Что же ты наделал? Какой из тебя командир роты? Где же твоя совесть?» В том, что приключилась глупость, виноват штаб полка, который не проверил, не свел ротных вместе, не организовал передачу района.

Узкая специализация офицеров штаба один раз уже подвела. В боях под Одессой основной состав ведущих отделений пришлось направить в полки для оказания помощи командирам подразделений в организации штурма города.

В работе штаба не могло быть пауз. Подходило время писать боевое донесение, а для этого требовалось собрать дополнительные данные. Кем же можно заменить операторов? Имелись отличные мастера по учету личного состава, специалисты по связи, но никто из них не мог даже временно подменить офицеров оперативного отделения. Сама практика убеждала, что собирать сведения и наносить их на карту должен уметь любой офицер штаба. Вина здесь начальника штаба — он забыл это важнейшее требование. В обороне имелись возможности устранить этот пробел в подготовке офицеров. С большим старанием занимались специалисты вопросами взаимозаменяемости. Через короткое время они уже пробовали свои силы в выполнении несложных заданий, которые обычно решались операторами. Такая направленность в подготовке офицеров, несомненно, положительно сказывалась на повышении оперативности в работе штаба, особенно в напряженные периоды боя.

Мы знали, что некоторые очень важные сигналы доходили с передовой до командного пункта с опозданием, поскольку двигались они от одной инстанции к другой и задерживались какое-то время на каждой из них. Решили четко определить

сигналы, которые необходимо с передовой передавать в штаб дивизии напрямую, без всяких промежуточных звеньев. Связисты решили эту проблему сравнительно легко, без больших затрат средств связи. На переднем крае создали три наблюдательных поста, на которые возлагалась обязанность за передачу важных данных. Такое мероприятие уменьшало вероятность внезапных атак противника и тем самым способствовало устойчивости обороны.

Как-то ночью вблизи переднего края обороны 308-го полка я увидел, как связисты прокладывали ровик для телефонного провода. Обычно ковыряли лопатами, работа продвигалась медленно. А здесь нашли плуг, запрягли коня, и ровик вырастал на глазах. Начальник связи полка старший лейтенант В. Г. Куприянов подхватил инициативу командира взвода лейтенанта Г. И. Бондарика и внедрил новшество во всех батальонах.

Начальник связи дивизии майор К. М. Татур в интересах сохранения кабеля на ряде участков заменил его на старые куски колючей проволоки.

Связисты всегда в работе. Днем и ночью. Наличие устойчивой связи — лучшая оценка их труда. На пунктах управления дивизии самоотверженно трудились связисты штабной роты старшего лейтенанта Н. Д. Гусакова и взводов лейтенантов А. Х. Енгулатова, В. К. Залесского и старшины С. С. Кулюпина. Чаще всего приходилось иметь дело с Николаем Дмитриевичем Гусаковым. Исполнительный, трудолюбивый и настойчивый в работе, он много усилий вкладывал в организацию связи и воспитание у своих подчиненных бережного отношения к техническим средствам. Часто можно было видеть его за работой на аппаратуре.

— Надо переставить и закрепить по-другому узелок, а то при встряске откажет, — инструктировал он подчиненных и показывал, как и что надо сделать. Большое старание в поддержании устойчивой проводной связи проявлял командир телефонно-кабельной роты старший лейтенант А. М. Бабенышев. В первые же дни обороны весь кабель был зарыт в ровики, и даже при сильных обстрелах плацдарма порыв связи был редким случаем.

Как постоянно наращивалась сеть траншей и ходов сообщения, так и повышалась устойчивость системы связи за счет обходов, соединительных, промежуточных и дублирующих линий.

Задачи в бою, в том числе и оборонительном, всегда выполнялись при самом тесном взаимодействии пехоты, артиллерии, саперов, химиков, а также при активном участии штабов, политработников, связистов, тыловиков… Все эти звенья

тесно связаны между собой и составляли единую систему в районе обороны батальона, участка полка и полосы дивизии. Идея проверять все эти звенья в комплексе, по единому плану, с привлечением всех специалистов нашла признание не сразу. До этого проверяли отдельные звенья, но не всю систему. Много тратили времени и сил, но результаты проверок не всегда сказывались на улучшении состояния обороны в целом.

Но потом убедились в полезности и необходимости проверок системы. Эффективность контроля сразу же возросла. Резче обозначились слабые звенья и узкие места, куда требовалось направлять усилия командиров и штабов, больше стало организованности в работе всех органов управления.

Глава четвертая
МАСТЕРА ВЫПЛАВЛЯЮТ ПОВЕДУ

На плацдарм приезжали офицеры штаба армии: осматривали, прикидывали его возможности. Однажды побывал здесь генерал И. Т. Шлемин, командующий 46-й армией, в состав которой входила теперь 108-я гвардейская стрелковая дивизия. Внимательно выслушал доклад начальника разведки капитана А. М. Чечулина, заменившего подполковника К. С. Михальченко, который убыл но ранению. Тот докладывал без записей, все данные о противнике прочно отложились у него в памяти. Александр Михайлович определил возможный характер действий противника с началом нашего наступления.

— Можно подумать, что вы изучили план оборонительного боя в штабах противника, — шутливо заметил командарм. — Другого решения на использование резервов у них не будет.

Я тоже поддержал мнение разведчика. Часть резерва противник задействует при бое за первую позицию. Она составляет основу его обороны. Сама местность определила ее особое назначение. Траншеи протянулись над высоким крутым берегом старого русла реки. С них противник держал под огнем все междуречье, а крутизна берега, доходившая до 43 градусов, служила серьезным препятствием для наступающих. Для противника потерять первую позицию равносильно оставить этот рубеж обороны.

Начальник оперативного отделения подполковник Н. В. Попов убедительно раскрыл соотношение сил и средств сторон.

— В ходе наступления придется выделять часть сил дивизии на прикрытие левого фланга, — уверенно заключил он.

— Откуда вы знаете, что слева не будет соседа?

— Я же оператор, товарищ генерал. Местность диктует.

За годы войны офицеры штаба стали мастерами. Мыслили широко, оглядывали всю полосу армии, реально взвешивали возможности.

Один за другим докладывали офицеры. Мы здесь стали старожилами и потому лучше других знали местность, группировку и возможности противника, обстоятельно изучили его оборону.

Командарм не сделал никаких выводов, ни на что не ориентировал, он просто намерен был познакомиться с мнениями старожилов плацдарма и с возможностями соединений по разгрому противника на этом направлении.

На другой день командир корпуса генерал Ф. С. Колчук в ходе штабного учения предложил попробовать прорывать оборону передовыми батальонами. Заманчиво новое, тем более оно оправдалось в Белорусской операции. Но то, что было удачным в одной операции, могло оказаться непригодным для данных условий. Исходя из условий местности первые траншеи в обороне противника заняты основными силами батальонов первого эшелона. Отсюда напрашивалось, чтобы первоначальный удар был мощным, способным разгромить эти подразделения.

— А если противник отведет свои части с первой позиции? — спросил генерал Колчук.

— Не оставит выгодный рубеж. Сомневаться не нужно, — стоял я на своем.

Командир корпуса не опровергал доводы. Отрадно, что к нашему мнению прислушивались, спорили по-деловому. Видимо, еще не все было продумано в планах фронта и армии.

Вскоре дивизия стала жить другими заботами и задачами. Плацдарм, подготовленный к обороне, как и предполагалось, явился исходным районом для наступления. Густая сеть траншей и ходов сообщения, врезанная в него, позволяла скрытно расположить на сравнительно небольшой площади наступательную группировку войск. Заблаговременно созданные дороги, мосты, наблюдательные пункты — все это теперь служило интересам наступающих.

На плацдарм прибывали новые соединения. По всему ощущалось приближение больших событий. Обороне приходил конец. Уже вступил в действие строжайший приказ о соблюдении маскировки: никакого движения в дневное время, все должно застывать перед рассветом. На дорогах обновились шлагбаумы, на просматриваемых участках со стороны противника выросли стенки из камыша и лозы. На Днестре появились подводные мосты. На плацдарме проложили новые дороги, а старые выровняли, сделали шире.

Большая группировка сбивалась на плацдарм. Все подготовленные основные и запасные огневые позиции заняли орудия, минометы, реактивные установки. В отрытых ровиках пролегли пучки разноцветных проводов. Лес наполнился новыми звуками. Машина была поставлена на холостой ход, бегали механики, подливали масло, подкручивали гайки, прикладывали к корпусу ухо, выискивая неисправности и сбои.

Штаб получил фотосхемы обороны противника на всю ее глубину. При наличии такого документа отпали многие сомнения о системе построения обороны за первой позицией. Приходилось только сожалеть, что этих фотосхем штаб дивизии не получал при

прорыве таких оборонительных полос, как Голубая линия, на реке Молочной, на Днепре. Там наступали, имея мало данных о противнике. Только в ходе боевых действий вскрывалась его огневая система.

С учетом особенностей построения обороны противника определялся замысел разгрома его группировки. 37-й корпус, имея в первом эшелоне 59-ю и 108-ю гвардейские стрелковые дивизии, прорывал оборону на участке южная часть Талмазов, Чобручу. По решению командира корпуса 108-й дивизии предстояло действовать на левом фланге, прорвать оборону на участке 3,5 км, разгромить противостоящие подразделения противника, овладеть деревней Чобручу, в дальнейшем наступать в направлении Слободзеи.

Без спешки, обстоятельно готовилась Ясско-Кишиневская операция. В боевых документах корпуса и армии многое было тщательно расписано, расчерчено, размечено.

В первый раз с такой подробностью определялись задачи и порядок действия войск. На чистом листе бумаги были расставлены боевые порядки дивизии и полков.

На участке прорыва дивизии местность была крайне неудобная для атаки: до переднего края обороны противника предстояло взбираться по крутым скатам. Весь расчет делался на мощный огонь артиллерии и смелый бросок пехоты. На тренировках подразделения успешно преодолевали более крутые склоны. Много раз командиры и офицеры штабов с секундомерами в руках выверяли возможный темп броска. Но под огнем врага такой стремительный рывок возможен при условии, что будет короткая дистанция. Сложность возрастала еще и оттого, что на ничейной полосе протекал безымянный ручей, который требовалось преодолеть перед атакой.

После многих прикидок и расчетов командир дивизии принял решение в ночь перед атакой преодолеть ручей и на правом берегу оборудовать исходную траншею. Расположить скрытно свой первый эшелон почти под самым носом противника — это большой риск. Но он был оправдан. За отрывкой траншеи штаб установил жесткий контроль. Никаких послаблений и отступлений от требований скрытности.

Казалось, что много дней занимала подготовка Ясско-Кишиневской операции, а если внимательно присмотреться к жесткому графику выполнения намеченных мероприятий, то в нем на планирование боя в дивизии отводилось всего 14 часов. Иначе нельзя. Если штаб не уложился бы в эти сроки, то отработанные документы во многом теряли бы свою ценность. Важно было довести до подчиненных результаты планирования

до принятия ими решений и до выезда их на местность для организации взаимодействия войск.

Несмотря на жесткие сроки, появилась полная уверенность, что все необходимые боевые документы будут отработаны. К этому времени неизмеримо возросло мастерство офицеров штаба. Они привыкли работать с полным напряжением сил, не считаясь с помехами и неудобствами. Ведь документы разрабатывались в тесных землянках, при слабом освещении коптилки-гильзы, на маленьких неудобных столах наряду с выполнением офицерами обычных обязанностей, вытекающих из действий войск в обороне.

Для сокращения сроков и повышения качества планирования каждый офицер штаба обычно специализировался на разработке однотипных документов, что позволяло ему хорошо освоить методику их составления. Если же исполнитель по каким-либо причинам не был на КП, то его документы чаще брал на себя начальник отделения.

Указания и исходные данные для планирования я доводил до начальников отделений и служб. Карта с решением командира готовилась в двух экземплярах: один передавался в оперативное отделение, второй оставался у начальника штаба, что давало возможность сразу же привлекать к планированию основной состав офицеров управления.

Качество планирования боевых действий — это лицо штаба, его авторитет. Требования к боевым документам были известны каждому исполнителю. Чтобы добиться их выполнения, я руководствовался суровым принципом работы начальника штаба 11-го гвардейского стрелкового корпуса полковника М. В. Глонти. Суть его состояла в том, что, какие бы сроки ни отводились на планирование, начальник штаба не пропускал и не подписывал боевой документ не только с ошибками и исправлениями, но и с неряшливо или нечетко сформулированными фразами, даже если они не искажали содержание документа и не позволяли его понять иначе.

Такой порядок мною был заведен с первых шагов работы в штабе, от него я не отходил, и подчиненные привыкли к нему. Обычно я сам разрабатывал боевой приказ или плановую таблицу боя. Начальнику штаба легче подготавливать эти документы, ему с большей подробностью известен замысел командира, да и сам он в состоянии многие вопросы самостоятельно доработать и детализировать.

То, что написано начальником штаба, уже не подлежало проверке и, тем более, корректировке. Считалось, что это последняя инстанция, после которой документ можно было подписывать и отправлять адресатам. Но на этот раз порядок я

нарушил. Майор Ф. А. Шаченко придирчиво, со всей строгостью выверил документы, отработанные мною, отыскал ряд погрешностей. Я изучил его пометки: все они оказались справедливыми и вполне обоснованными. Значит, подчиненные стали грамотнее, поднялись на более высокую ступеньку мастерства, а с такими и работать легче. Но и для себя пришлось сделать вывод: больше требовательности к качеству выполняемой лично работы. Чтобы в любых условиях все видели в документе, отработанном начальником штаба, образец, тот самый эталон, который могли брать для сравнения и оценки других документов. Начальнику штаба не положено отставать от суровых требований, а они неудержимо повышались от одного боя к другому.

Я не сторонник «вымучивания» документов, но и не одобрял, когда ради сокращения времени документ рождался под диктовку с карты, без изготовления черновика. Какой бы высокой квалификацией ни обладал офицер штаба, чаще всего повторялись не только форма, но и прежнее содержание. На память быстрее всего приходило то, что уже освоено, стало знакомым и привычным. Но давно было известно, что новый бой не повторял предыдущий, в нем всегда все по-иному. Если штаб не замечал этого, то он не поднимался в своей работе выше канцелярии, аккуратно учитывающей входящие и исходящие документы. Никак нельзя было допускать, чтобы исчезло из работы штаба, а тем более его начальника главное — творчество и поиски оригинальных путей решения вопросов.

Но как бы тщательно ни были разработаны документы, решающее значение все-таки имела работа командира с подчиненными непосредственно на местности. С утра 17 августа командир дивизии приступил к организации взаимодействия в предстоящем наступлении. Взаимодействие — это непоколебимая уверенность каждого воина, что сосед не подведет и сделает положенное вовремя, что артиллерия подавит цели, что авиация нанесет удары по резервам и огневым позициям артиллерии врага, что перед второй траншеей противника будет введен в бой второй эшелон батальона, а после захвата первой позиции — резерв полка… Такая согласованность рождалась вначале в планах, разработанных штабом, теперь же она закреплялась на местности.

В ходе этой работы командир приводил в действие свое решение, перед глазами подчиненных протекали события предстоящего боя. Оживала тихая пока оборона врага, приводилась в действие его огневая система, выползали из траншей и балок резервы для контратак и закрытия брешей, совершали маневр подразделения, пытаясь усилить опасные

участки. Шаг за шагом, минута за минутой командир вел своих подчиненных, растолковывал им, как целесообразнее действовать, чтобы не слабела, а еще больше наращивалась сила удара по врагу по мере продвижения частей в глубину его обороны. Особое внимание он уделял решению вопросов огневого поражения противника.

Вместе с ротами пойдут артиллеристы с радиостанциями, обеспечивая управление огнем из первой траншеи врага, как только пехота зацепится за нее. Чтобы быстрее тащить пушки по крутому берегу, на помощь расчетам придет пехота из второго эшелона. Уже подготовлены лямки, веревки, освоена техника втаскивания орудий. Без тренировки даже с этой простой задачей воины под огнем могли не справиться.

Нужен уверенный и смелый бросок на вросшего в землю врага. Его пехота не должна поднять оружие для стрельбы, пока наши гвардейцы преодолевают высокий и крутой берег старого русла реки. В успехе такого броска многое зависело от точного соблюдения времени, интервалов, дистанций, порядка выдвижения огневых средств и ведения огня артиллерией. Полковник Дунаев терпеливо напомнил о необходимости выдерживать установленные нормативы: фронт взвода — 55, роты — 135, батальона — 480, промежутки между солдатами — 3 м. Ни больше, ни меньше. В интервалах — огонь пулеметов и ПТР, через головы пехотинцев полетят снаряды и будут рваться в 150 м от передовой цепи[12].

Победа всегда определялась не только силой оружия, но и высоким моральным духом. С подполковником Л. П. Вахрушевым, как обычно перед каждым серьезным боем, мы перебрали наиболее сложные вопросы в организации боевых действий, определили трудности, которые могли возникнуть в ходе наступления, прикинули, где нужны совместные усилия офицеров штаба и политотдела. Заранее намеченный порядок работы всегда оказывал неоценимую помощь в бою.

18 августа во всех подразделениях прошли открытые партийные собрания. Коммунисты перед лицом своих товарищей, перед партией заверили, что они не пожалеют сил и самой жизни, чтобы достойно выполнить задачу.

Коммунисты штаба участвовали в проведении таких собраний в разных подразделениях. Я побывал в первом батальоне 305-го полка. Воины собрались под высокими и густыми кронами деревьев. Я смотрел на них и радовался. Они старательно побрились, выстирали гимнастерки, подшили к ним подворотнички.

Запомнилось выступление красноармейца Прокопчука.

Высокий, с широкой грудью, размахивая перед собой тяжелым кулаком, он говорил:

— Очистим землю от врага — в этом можно не сомневаться. Звание члена партии не посрамим.

Он обращался к однополчанам с призывом полнее использовать в ходе атаки свое оружие, поливать на ходу огнем из автоматов траншеи врага, не давать фашистам вести прицельную стрельбу по наступающим. Воин, закаленный в боях, хорошо усвоил: сила атаки в огне. Не только артиллерия, но и каждый воин в ответе за огневое поражение противника.

Выступления были короткими, бодрыми, в них звучала твердая уверенность, что группировка противника на этом направлении будет разгромлена. Коротким было и принятое решение.

К вечеру состоялось партсобрание в управлении дивизии. Здесь также много не говорили. Коммунисты придирчиво вглядывались в то, что ими сделано, находили слабинки в решении ряда вопросов, вместе искали пути для устранения недоделок…

К исходу 19 августа все было готово для наступления. Спать, до утра не тревожить солдат и офицеров — таков приказ командира дивизии. Привыкли засыпать однополчане в любой обстановке сразу же, без долгих приготовлений, так же легко, без раскачки вставали они, услышав команду или вспышку стрельбы.

Только саперам предстояло трудиться всю ночь. Свои мины они сняли раньше, но еще оставались заграждения противника. За месяцы обороны фашисты наставили их много. В саперном батальоне — опытные мастера. Много раз проделывали они проходы для пехоты и танков. Всегда уверенно шли подразделения в атаку, не опасаясь, что может прогреметь взрыв от случайно оставшейся мины.

Трудной задачей для саперов являлся пропуск войск через безымянный ручей. Ширина его небольшая — всего 20 метров, но для пехоты и артиллерии ручей представлял препятствие. Противник держал его всегда под огнем. В эту ночь саперам предстояло навести через ручей 60-тонный мост и пешеходные мостики. За несколько дней до этого саперы отработали все действия по наводке мостов. В тылу был подобран похожий ручей, на нем собирали в темноте элементы мостов. Работали без команд, каждый исполнитель делал то, что ему положено. Ни одного лишнего движения, ни одного слова и резкого стука. Появились кувалды, обвернутые в тряпки, молотки с деревянными набойками, готовились сборные секции, чтобы в короткие сроки под огнем врага установить мосты на месте.

Я уже начал дремать, когда пришел подполковник Н. В. Попов, доложил о приезде авторитетной комиссии для проверки нашей готовности к наступлению.

На КП все в движении. Полтора десятка проверяющих. Люди опытные, знали, как и что проверять. Начали с боевых документов. Уже через полтора часа проверяющие определили, что существенных замечаний по содержанию и оформлению документов у них нет. Отмечались мелкие недочеты в отработке отдельных второстепенных деталей. Комиссия решила проверить 311-й полк. Часы показывали 2 часа ночи. Я попытался отговорить их от такой затеи. Тем более что штаб дивизии проверял уже все вопросы не только в полках, но и в батальонах. Старший группы был неумолим, напомнил ленинский принцип: доверяй, но проверяй.

Впервые заметил, что под густыми кронами деревьев вроде спрессовано дневное тепло, а на полянах бодрящая свежесть ночи. На протоптанных дорожках ни души. За мной цепочкой двигались проверяющие. Разбудили штаб полка, а через полчаса и батальонное начальство. Пробивался слабый рассвет. Через час должны подняться командиры, офицеры штабов и политработники. Начнется боевой день.

Члены комиссии ходили по траншеям. Солдаты спали, прикрывшись накидками и шинелями. Около пулеметных точек дежурили наводчики. Проверяющие придирчиво спрашивали командиров подразделений о содержании задач, с кем нужно держать взаимодействие, кто из артиллеристов пойдет рядом, какие сигналы установлены для управления…

На рассвете зашли на наш НП. Здесь небольшой блиндаж, в нем два топчана, столик, на котором телефон, карта и лампа-гильза. Полковник С. И. Дунаев уже прибыл сюда, тормошил но телефону артиллеристов. Члены комиссии не обнаружили недочетов в подготовке наступления.

В конце августа даже здесь, на юге, чувствовалось приближение осени: ночами остывала вода в реке и озерах, а утром плавни и речные поймы окутывал густой туман. И только после того как солнце прорезало пелену, оживал лес, пробуждались птицы, привыкшие к грохоту войны. Так было и в этот день, 20 августа. К утру выпала обильная роса и густой туман окутал плацдарм. На небе ни облачка. Позади поднималось солнце, обещая жаркий день.

В 8 часов сотни орудий обрушили огонь на оборону врага. В 8.55 артиллерия перенесла огонь в глубину, сразу же затарахтели пулеметы и автоматы, мощное «ура» накатилось на оборону врага, закачались над нашей передовой траншеей 108 макетов,

заранее подготовленных саперами. Они обозначали якобы начавшуюся атаку. После этого огненный смерч снова взметнулся над передним краем. Если какой-либо ретивый фашист рвался из-за укрытия к пулемету, чтобы отражать атаку, то он снова попадал под губительный огонь артиллерии. Под прикрытием огня группы разграждения завершали проделывание проходов в минных полях и проволочных заграждениях противника. С какой бы ювелирной точностью ни вела огонь наша артиллерия, но есть законы рассеивания, которые допускали отклонения от цели. Взрывы снарядов ложились совсем близко от этих групп.

Огонь бушевал над окопами врага, а в 9.43 двинулись вперед наши солдаты из первой траншеи. «За Родину! Вперед!» — призывно звучали во всей полосе наступления голоса командиров и политработников. В этих словах — большая взрывная сила, в них слились воедино удары сердец тысяч воинов, поднявшихся на схватку с врагом.

Пошли! Успех определялся обычно в первые минуты. Если подразделения с ходу врывались на передний край и, не останавливаясь, проскакивали его, то всякие сомнения в исходе боя отпадали. По всему крутому берегу бежали солдаты. Смельчаки уже вскочили в первую траншею и, не задерживаясь в ней, двинулись дальше. Дым от взрывов медленно уплывал влево. На маленьком кургане правее Чобручу затрепетал небольшой красный флаг. Пехота перевалила за гребень. Слева слышался огонь вражеских пулеметов. Из глубины обороны била тяжелая батарея, разбрасывая снаряды по прежнему району, занимаемому частями дивизии.

Штабы двинулись за войсками. Рядом с Чобручу — курган с отметкой 129,0, где, по нашим данным, НП противника. Отсюда отчетливо просматривалась местность на плацдарме. Оккупанты бежали впопыхах: валялись оружие, кабель, разная рухлядь, а чуть дальше виднелись разбитые повозки, машины, кухни.

311-й полк, смело маневрируя огнем и подразделениями, решительно продвигался с боями вперед. Труднее развивались события в полосе 305-го полка. Противник удерживал на открытом фланге опорные пункты. Сосед слева — 34-й стрелковый корпус переходил в наступление только на второй день, когда наши части завершали разгром группировки противника в первой полосе и тем самым создавали ему условия для форсирования Днестра. Поэтому приходилось выделять часть сил на прикрытие левого фланга.

Через час появились первые пленные. Грязные, напуганные, в изодранных мундирах. Офицеру — оператору штаба дивизии противника показали карту с данными, которые были вскрыты

нашей разведкой. — Точная копия нашей, — улыбнулся он, словно встретил в далеком и неожиданном месте своего хорошего знакомого. Приглядевшись к карте, уточнил: — Одна рота вчера была выведена в резерв. Остальное точно…

Это была высшая похвала нашим разведчикам. Их большой труд оправдал себя. Весь огонь пришелся по заранее намеченным целям. Вот почему такими обезумевшими выходили навстречу пленные и быстро продвигались наши подразделения в центре полосы.

Но даже при успешном развитии наступления прорыв никогда не являлся легким делом. Не все фашисты бросили оружие и стали сдаваться в плен. Нашлись и такие, которые стреляли, стремясь задержать продвижение наступающих.

Командир полка подполковник И. П. Рудко выехал в батальоны. Начальник штаба майор И. Ф. Тарханов, как всегда при докладе, оставлял про запас самый последний рубеж, достигнутый подразделениями. Но теперь не было смысла скромничать, части успешно продвигались.

За короткий срок Иван Федорович стал хорошим начальником штаба. Никогда не спешил с доведением новых данных. Только убедившись в их правильности, передавал в штаб дивизии.

305-й полк заметно снизил темпы. Противник усилил перед ним сопротивление. Открытый левый фланг доставлял много неприятностей. Сил одного полка оказалось мало, чтобы разгромить здесь группировку врага. Командир полка подполковник А. Я. Ермоленко ввел в бой свой второй эшелон.

311-й полк продолжал упрямо и смело продвигаться в глубину обороны. Полковник С. И. Дунаев принял решение ввести в бой второй эшелон, чтобы двумя полками, вместе с соседом — 59-й гвардейской стрелковой дивизией, развивать успех, но командир 37-го стрелкового корпуса не согласился с таким решением и приказал направить резерв на левый фланг, где вел напряженный бой 305-й полк. Туда комкор нацеливал еще один полк 320-й дивизии. Он опасался за фланг армии, обеспечение которого было возложено на него.

308-й полк с ходу врезался в опорные пункты врага, частью сил стал обтекать район Фигурной рощи, где располагались резервы противника, создавая угрозу их окружения.

Успех в таких маневренных боях во многом зависел от смелости комбатов и командиров рот. Командиры батальонов майор В. А. Чмель, капитаны А. С. Корниенко и И. Н. Павленко, адъютанты старшие капитаны А. А. Чигрин и И. Н. Заворохин смело осуществляли маневр огнем артиллерии, минометами и

расчетами ПТР, обеспечивая надежное подавление оживших огневых точек врага.

Переместились вперед сначала наблюдательный, а затем и командный пункты дивизии. Батальон связи под командованием капитана Г. Я. Ямушева поддерживал устойчивую связь со всеми полками. В обороне все средства связи были отремонтированы, а значительная часть законсервирована с расчетом использования в ходе наступления. Такая предусмотрительность начальника связи майора К. М. Татуры и его помощника майора Г. И. Проценко обеспечивала теперь безотказную работу связи.

Весь день не стихал бой и не уменьшалось напряжение схватки. Теперь, когда противник стал отходить, особенно нужны были данные о его замыслах. Разведчики поздно ночью вышли на связь. Подтвердили начертание переднего края второй полосы, указали районы опорных пунктов и огневых позиций артиллерии. О себе — ни слова.

Только днем, когда вернулись с задания, стала известна причина задержки передачи данных. В одной деревне они наткнулись на колонну пехоты врага и открыли по ней огонь. У фашистов поднялась паника. Вдруг из-за поворота выскочил бронетранспортер и врезался в машину разведчиков. Пришлось поджечь и машину, и бронетранспортер, а самим уходить. В другом конце деревни совершили нападение на штаб, захватили рацию и с ее помощью вышли на связь.

К исходу дня штабы подсчитали: 409 гитлеровцев взяли в плен. Успех большой и радостный. Пробитую брешь враг уже не мог залатать. С утра дивизия, имея все полки в первом эшелоне, обрушила удар по второй полосе обороны. Противнику удалось выдвинуть сюда резервы и остатки отошедших ночью подразделений. Основные усилия враг сосредоточил на удержании Слободзеи, превращенной в сильный узел сопротивления.

Положение дивизии значительно облегчилось: появился сосед слева — 353-я стрелковая дивизия, отпала необходимость выделять силы на прикрытие левого фланга.

При захвате Слободзеи два полка направлялись в обход ее, а один сковывал противника с фронта. К 14 часам удалось зажать в клещи этот узел. Враг не выдержал натиска, и к исходу дня вся его группировка была разгромлена и городок оказался в наших руках. За два дня дивизия продвинулась на 30 км.

Противник побежал, эфир огласился паническими докладами. Одни искали своих подчиненных, другие вызывали вышестоящие штабы. Если кому-то удавалось войти в связь, то тут же без всяких кодов раздавались требования о помощи,

сообщались данные о неслыханных потерях, слышались просьбы указать, куда бежать дальше.

У нас же по радио раздавался спокойный, твердый голос командарма генерала И. Т. Шлемина:

— Темп! Не сбавлять! Смелее вперед, не оглядывайтесь назад. Не отвлекайте силы!

Он знал: чем глубже продвинутся вперед наши части, тем скорее наступит полный разгром врага.

Отдельные группировки противника пытались еще наносить удары. Такую контратаку отбил 311-й полк. Одна блуждающая группа наскочила на колонну тыла дивизии. Майор А. И. Гребницкий и капитан Б. Я. Савельев организовали своими силами отражение вражеской атаки.

С небольшого кургана, где временно остановился штаб дивизии, отчетливо просматривались наши полки, стремительно продвигающиеся на запад. Густые шлейфы пыли тянулись над проселками. Прорыв свершился. Путь на запад был открыт. По своему опыту каждый понимал, что отходящие войска противника остановить наши части уже не могли.

Дивизии предстояло закрыть кольцо окружения. Протяженность рубежа, который следовало занять, составляла 25 км. Мы подсчитали, что если даже перехватывать только дороги, населенные пункты и высоты, то и в этом случае дивизия растянется в маломощную цепь, неспособную отразить на решающем направлении сильный удар вражеской группировки, вырывающейся из окружения. Не вызывало сомнения, что противник не станет наносить удары по всему фронту, а выберет небольшой участок, где сосредоточит свои основные силы. Где же мог быть этот участок? Здесь нельзя было допустить просчета. Его потом уже не исправить: противник, выскочив из кольца, стремительно побежит на запад.

Командир дивизии по своему опыту знал, что остановить и разгромить такую группировку — задача не из легких. Как ни в каком другом виде боя, здесь мысли и чаяния вражеских солдат сливаются с приказом командования: разорвать обруч и выскочить из окружения. Любой ценой. Такой противник не замечает в ходе атаки больших потерь, его не останавливает сильный огонь обороны, не смущает, что на поддержку его действий привлечено мало артиллерии и танков. Он пробивается изо всех сил вперед, падает, снова подхватывается и, задыхаясь, бежит к тому заветному рубежу, за которым, как его уверяют, нет больше русских и можно считать себя вне опасности.

Но ни командир, ни штаб дивизии не знали, где тот рубеж. Впервые при выработке командиром решения оказались

ненужными расчеты соотношения сил и средств. Опыт подсказывал, что в сложившейся обстановке не годились общепринятые слагаемые и показатели. Они были настолько разными для каждой стороны, что терялся всякий смысл для их сравнения. У противника боевые возможности основывались на одном — инстинкте самосохранения. Количество войск, принимающих участие в атаке, уже не оказывало решающей роли на исход схватки.

Командир дивизии терпеливо выслушал мнения своих ближайших помощников и офицеров штаба. Все сошлись на том, что решающим фактором для противника являлось время. Ему нужно как можно быстрее преодолеть кольцо окружения. Посоветовавшись с подчиненными, командир дивизии решил сосредоточить основные усилия на направлении Плахтеевка, Лихтенталь, то есть там, где лежал самый короткий для противника путь.

В соответствии с таким решением полки заняли свои участки и приступили к их оборудованию. Сергей Илларионович присел на край канавы, подвинул к себе карту с обстановкой. Его беспокойство было понятно: вдруг противник нанесет удар правее или левее рубежа, занятого частями дивизии, — что тогда? Я подсел к полковнику Дунаеву, доложил о том, что уже сделано… Выехали на машинах две группы разведчиков, через час они должны были передать первую информацию о противнике. Я допросил двух пленных офицеров, оба подтвердили, что командование поставило задачу выдвигаться в направлении Плахтеевки, где, по их данным, не отмечалось русских. Начальники штабов полков донесли, что вторые эшелоны обеспечены машинами и в случае необходимости могут быть в короткие сроки переброшены на другое направление. В двух километрах в стороне к утру будет отрыт еще один НП. Предложил выдвинуть два саперных взвода с запасом мин ближе к правому флангу в готовности перекрыть заграждениями участок местности за безымянным ручьем…

Командир слушал, временами уточнял отдельные детали. Видимо, только сейчас у него появилось дополнение к своему решению.

— Надо загонять сюда противника, — сказал он. — Оставить ему коридор. По сторонам, на дорогах, набросать мин. Если фашисты свернут влево или вправо — наскочат на них. Разминировать некогда, вынуждены будут бежать по намеченному нами маршруту. Разведчикам больше стрелять, не жалеть патронов.

Такие мероприятия вполне были обоснованны и помогали

успешнее реализовать принятое решение.

Проходила беспокойная ночь. Командир не сомкнул глаз. По разным каналам в штаб стекались данные о движении колонн врага. Слышались короткие вспышки стрельбы.

Саперы доложили о перекрытии ряда участков дорог минами, разведчики держали под контролем большой район. По всем данным, группировка врага двигалась в направлении Плахтеевки.

Как только забрезжил рассвет, со стороны леса и деревни Плахтеевки на всем широком поле показались серо-зеленые цепи. Не сотни, а тысячи людей быстрым шагом, с оружием в руках шли на наши оборонительные позиции. До двух дивизионов артиллерии противника открыли огонь, снаряды ложились перед этой толпой, словно подбадривали ее.

Сергей Илларионович впервые улыбнулся при виде атакующего противника. Предвидение его оправдалось. Победа была сконструирована заблаговременно, теперь оставалось завершить разгром.

Командир дивизии по рации дал команду на переброску сюда и 305-го полка. Наша артиллерия била залпами. Все стрелковое оружие было приведено в действие. Толпы фашистов редели и расползались по полю, но фанатики продолжали упрямо продвигаться в западном направлении, они видели за этим широким полем свое спасение.

Два часа продолжался бой. Поле покрылось трупами врагов. Подошел 305-й полк, с ходу развернулся перед нашим НП. Три стрелковых и два артиллерийских полка били всей своей мощью по обезумевшим фашистам. Оборона прочно перекрыла дорогу врагу. Фашисты метались в поисках выхода, но везде встречали огонь. Вначале одиночки, а затем сотни, понимая безрассудство такой атаки, стали поднимать руки, выкидывать вверх белые тряпки. В 11 часов подразделения 308-го полка захватили командира и начальника штаба вражеской дивизии. Они надеялись выскочить из окружения. Короткими перебежками и ползком добрались до копны соломы, поставленной на убранном хлебном поле. Там решили переодеться в солдатское обмундирование и отсидеться в копне до темноты, чтобы потом проскочить невредимыми через это страшное поле и ускользнуть от нас.

Генерал успел надеть только солдатские ботинки, когда появились около копны русские. Командир дивизии показал, что с первых дней наступления русских он потерял связь с командованием, не знал положения соседей. Говорил тяжело, с одышкой, как после трудного бега:

— По своей инициативе, видя полный развал фронта, дал

приказ пробиваться на запад и выходить из окружения. Почти всю артиллерию, а также автомашины из-за нехватки горючего пришлось бросить. Атаковали на узком фронте, — невнятно бормотал он, пугливо оглядывая нас. — Не звали, что у вас здесь такая стойкая оборона. Расчет наш не оправдался. Мы рассчитывали, что ваши части скованы боем в стороне, а здесь неприкрытый участок.

Подошел полковник Дунаев. Около низкорослых пыльных кустов на полевой дороге встали два командира дивизии: невысокого роста, крепкого сложения полковник Сергей Дунаев и рослый, пожилой гитлеровский генерал. Фашист стоял, как вкопанный столб, напряженно, вытянув руки по швам. Бросились в глаза его белые, длинные, грязные пальцы: они дрожали от усталости. Генерал ведь не привык ползать под огнем.

Командиры дивизий молча посмотрели друг другу в глаза. Победитель и побежденный. О чем говорить? Все уже сказано оружием на поле боя. Кто кого? — вопрос решен. На дорогу сгоняли сотни пленных. Но стрельба еще продолжалась: отдельные группы упрямо пробивались в глубину обороны. Задавать генералу вопросы, которые обычно ставили пленным, было бесполезно. Его дивизия как боевая единица перестала существовать. В штабах на ней поставят красным карандашом крест — похоронят навсегда.

— Если можете, то прикажите, чтобы прекратили огонь, — тихо проговорил Дунаев, указывая рукой на кукурузное поле, где слышалась стрельба.

Генерал, не отнимая от бедер рук, послушно поклонился. Распоряжение передал через офицера своего штаба.

Рядом с генералом стоял офицер штаба — пожилой, жилистый, с взглядом затравленного волка. Он держал в руках портфель, большой, кожаный, тяжелый. Как в былое время побежденный вручал победителю шпагу, так этот преподнес мне портфель с набитыми бумагами. Старательно вытянув но швам руки и подобострастно, слегка склонив вперед голову и выгнув спину, не мигая, вглядывался в мое лицо. Он был готов отвечать на любой вопрос, не скрывая никаких секретов.

— Документы мною сохранены, — быстро говорил он переводчику. — Все налицо. Подлинники. Можете проверить и убедиться.

Хотелось сказать ему, что всегда вызывает уважение офицер, сохраняющий своз достоинство, в каких бы условиях он ни оказывался. Меня интересовал не портфель, а почему они все-таки выбрали направление выхода из окружения на Плахтеевку.

— Самый короткий путь. Свернуть нам нельзя было. Нам уже

наступали на пятки другие ваши части. В самый последний момент поняли, что совершили ошибку. — Он тяжело вздохнул и даже зажмурился. — Надо было двигаться левее. Разведчики подвели, они уверили, что здесь нет обороны… Но мы довольны, что попали к вам.

По дороге шли пленные. Их много. Увидев колонну, выходили из леса с поднятыми руками другие солдаты, становились в строй. Разномастная колонна длинной кишкой протянулась через небольшой лес, рассекла широкое пожелтевшее поле. Голова ее уже вползала на взгорье с видневшейся вдалеке деревней, а хвост только что готовился к движению. Эти оккупанты отвоевались.

В связи с капитуляцией Румынии румынские солдаты, весело улыбаясь, шли толпами домой. Они вышли из войны целыми и невредимыми.

Шесть дней продолжались бои. Сделано за это время дивизией много. По проверенным данным штабов, истреблено более 3000, взято в плен 7068 солдат и офицеров противника[13]. Всю Ясско-Кишиневскую операцию в целом можно смело назвать блестящей и поучительной. Остались считанные километры до нашей государственной границы.

Прут — небольшая река с большими поймами, поросшими камышом. Мост взорван. Государственная граница! Война вернулась к старым исходным рубежам через три о лишним года. Восточная мудрость гласит: дни проходят, месяцы бегут, годы проскакивают. На войне не так — и годы, и месяцы, и дни, и даже часы и минуты ползут тяжело и медленно. Для меня вдвойне радостно: вернулся на рубеж, с которого начинал войну. Далекий путь проделал за это время. Если его измерять привычными километрами, но избежать просчетов — ведь невозможно выделить трудные участки пути, где не шли, а ползли под огнем врага, где продвигались короткими перебежками не по прямой, а путаными зигзагами.

На берегу реки возникли митинги. Начальник политотдела подполковник Л. П. Вахрушев, поднявшись в кузове грузовой машины, произнес речь, короткую, бодрую, зажигательную. Красноармейцы сбились плотнее, стояли затаив дыхание. А потом разом, словно вода, прорвав плотину, взметнулся клокочущий выдох: «Ура-а!»

К машине выходили солдаты. Говорили коротко, слова звучали, как выстрелы. Чуть подальше, на перекрестке дорог, расположился дивизионный оркестр. Старательно дирижировал капитан И. Г. Балахонов, будто перед ним стояли не два десятка

музыкантов, а весь сводный оркестр Большого театра, в составе которого он был до войны. Счастливого пути! На Запад! Освобождать Восточную Европу от фашистских захватчиков!

Рядом шли румыны, приветливо махали руками, вроде и не воевали с нами три долгих года. Только три дня прошло, как Румыния вышла из войны, а уже изменились отношения. Конечно, сразу не тает лед, тем более его накопилось за войну очень много. Но если с обеих сторон пойдет тепло, то он растает…

Дивизия успешно продвигалась на юг между реками Сирет и Прут. Погода стояла жаркая. Густая пыль висела над дорогами. Части прошли небольшой городок Слобозию, на окраине которого был лагерь военнопленных. Длинные бараки, обнесенные колючей проволокой, вышки для охранников. Видя свое поражение, фашисты в последний день пошли на очередное преступление. Если до этого они неторопливо, методически, расчетливо выдавливали из пленных жизненные силы, растягивая на месяцы убийства попавших в эти бараки людей, то, удирая, они это делали в короткий срок. Танки ворвались на территорию лагеря и, развернув башни, стали давить людей, мечущихся между бараками в поисках укрытия.

Танки также стремительно, боясь, что их могут застать здесь, на месте преступления, исчезали за воротами. Когда последняя машина покинула лагерь, он погрузился в тишину. Из-под развалин выползали узники, уцелевшие после разгрома. Все еще не веря в свое спасение, они пугливо оглядывали лагерь. Без охраны, пулеметов, сторожевых собак. Наружные ворота были распахнуты настежь. Когда далеко в городе послышался снова шум моторов, люди опять убежали в свои укрытия. Они боялись, что опять сюда ворвутся немецкие танки. Но это были советские машины. Пленные выходили робко, но как только распознали своих, то с радостными криками ринулись навстречу. Трудно было поверить, что перед нами стояли наши сверстники, они были стариками.

Советский воин представал перед Европой во всем своем величии и красоте. Гражданские люди не представляли нашего солдата на поле боя, не знали, каков он в бою, но зато видели его в походной колонне, на повозке, в машине, около колодца, оценивали по внешнему виду, манере говорить, общаться с жителями. По этим данным у них создавался собирательный образ советского воина — мужественного солдата, разбившего отборные фашистские дивизии, человека красивого, привлекательного, умного, воспитанного на новых идеалах. Части уйдут дальше и, может быть, никогда сюда не вернутся, но в памяти местных жителей именно таким навсегда останется образ

русского человека…

Боевые действия приобретали все более маневренный характер. В этих условиях изменились задачи и характер действий разведчиков. Им требовалось в первую очередь отыскивать промежутки в оборонительных рубежах, не занятые противником, в более сжатые сроки вскрывать группировку и замыслы врага.

Активные действия разведчиков способствовали тому, что дивизия успешно прорвала оборону на румынско-югославской границе, в начале октября в высоком темпе форсировала грозную Тису. Возросла активность авиации противника, которая действовала группами по 15–20 самолетов. При очередном налете была разбита радийная машина, серьезно ранен майор Г. И. Проценко, партийный вожак штабной парторганизации, человек исключительной скромности.

Я заехал в медсанбат, чтобы увидеть Проценко. Хирург уверил, что у раненого почти перебита осколком нога и нужно ампутировать, вторая поддается лечению без хирургического вмешательства. Лицо у Георгия Ивановича было бледным, только глаза, большие, светлые, блестели бодро. Чувствуя мое присутствие, он смелее атаковал врачей:

— Нельзя резать, нога живет, пульсирует, значит, она не отмирает.

А если есть один шанс из сотни, то надо его использовать.

Раненых уже выносили для погрузки в машины. Впереди у них длинный путь на. Родину. Для тяжело раненных, видимо, война уже закончилась. Я пожелал всем скорейшего выздоровления.

Заканчивался еще один боевой день — 22 октября сорок четвертого. Подразделения 311-го стрелкового полка, преодолев за сутки с боями более 20 километров, овладели городом Алпар и участком железной дороги с небольшой станцией Тиса-Уй Фала. Казалось, ничто не предвещало осложнений в обстановке. Но ночью фашисты, выдвинув из резерва пехотную дивизию, провели контратаку по 311-му полку. Критическая обстановка создалась в районе станции, где находилась в отрыве от главных сил одна малочисленная рота, а также разведчики и саперы. Они могли рассчитывать только на свои силы.

До полка с танками окружили станцию со всех сторон. Наши бойцы отбивались гранатами, огнем пулеметов и автоматов. Выходили из строя гвардейцы, уменьшалась интенсивность огня. Уже проскочили через рубеж вражеские танки. За ними прорвалась пехота. Стрельба вспыхнула среди пристанционных построек. Бой распался на отдельные очаги. Всю ночь шла

перестрелка. Утром фашисты обнаружили только раненых. Их девятерых согнали в одно место. Тех, кто держался на ногах, били кулаками в лицо, лежащих избивали ногами. Спрашивали, где основные силы, которые вели бой, куда они отошли. Фашисты не могли поверить, что полк сражался с горсткой раненых солдат.

Над бойцами учинили дикую расправу. Рядовому П. И. Писецкому прикладом раскроили череп. Рядовому И. А. Бурличенко вывернули руки до перелома плечевых костей, на лице вырезали пятиконечную звезду. Солдаты В. Подмаско и А. М. Мишин погибли от штыковых ударов в спину…

Выдержали гвардейцы все пытки. Ни стона, ни просьб о пощаде. Только проклятия фашистам срывались у них с языка.

Палачи не ушли от расплаты, они были атакованы нашими бойцами и понесли суровое наказание за свои злодеяния…

Все полки наступали в первом эшелоне, на широком фронте, не имея между собой даже огневой связи. Нередко появлялись в тылу наших войск мелкие группы противника. Салашист, пойманный в кустах, нагло заявил:

— Мы партизаны. У вас их было много. Теперь мы осваиваем ваши формы борьбы.

Небольшой, жирный, с усиками, в сапогах с твердыми голенищами, он был похож на откормленного клопа. Когда его схватили, на поясе висели нож и две гранаты, в кармане лежал пистолет, на шее болтался автомат. Вооружился, можно сказать, до зубов. Но не удалось ему повоевать. Потел повар с ведерком за водой к ручейку, заметил крадущегося вдоль берега человека. Спрятался за куст и, как только подошел тот поближе, грохнул кулаком по ведру. Вояка поднял руки, не видя даже своего противника. Так и привел его повар к кухне. Партизан оказался очень пугливым. После громких слов он понял, что малость перебрал, начал оправдываться:

— Черт попутал. Курицу боюсь зарезать. Стрелять не умею, кинжал в руках никогда не держал.

Когда почувствовал, что ему не поверили, упал на колени, сцепил на груди руки, стал вымаливать себе пощаду. Этот «партизан» был обезврежен, но на свободе оставалось немало фанатиков, которые, не решаясь на открытый бой, нападали на одиночные машины, стреляли из-за укрытий в спину нашим солдатам и офицерам.

Так случилось с первым помощником начальника штаба 305-го полка капитаном А. В. Небылицей. На машине с пятью автоматчиками он был направлен в артиллерийские подразделения — и не вернулся. Так же безвестно пропали и солдаты из его группы. Видимо, наскочили на засаду.

Неприятно, что в личном деле, как шлагбаум на жизненном пути, встала поперек листа запись: «Пропал без вести». В этой фразе много оттенков, широк диапазон: мужество без свидетелей и безволие перед врагом, бесстрашный бросок в огонь или непозволительная беспечность, которая обезоружила смельчака и без боя оборвала жизнь. Жил человек — и неизвестно куда исчез, вроде провалился сквозь землю, не оставив никаких следов. Что заставило его ночью разыскивать артиллерийские подразделения? На войне об этом не спрашивали. Надо! Иначе нельзя. В боевой обстановке жизнь каждого в опасности. Никто не сомневался, что А. В. Небылица бился отважно и враги дорого заплатили за его жизнь.

Развивая наступление в направлении на Будапешт, дивизия в первых числах ноября за два дня овладела городами Надькереш и Цеглед. В каждом из них гарнизон но уступал по численности нашей дивизии. Эти города противник подготовил к обороне, создал высокую плотность огневых средств и живой силы. Но кто же будет проламывать оборону фронтальным ударом? Напрашивалось решение: сковать небольшими подразделениями противника с фронта, а главными силами обходом города ночью нанести удары во фланги и с тыла вражеской группировки, обороняющейся в городе.

Такой замысел требовал серьезной подготовки. В светлое время командиры и штабы изучили местность, систему обороны, отработали вопросы взаимодействия. Штаб дивизии изготовил крупномасштабные планы города, на которых были выделены заметные ориентиры — большие дома, перекрестки, нанесены квадраты с цифровыми обозначениями. Большую задачу решили разведчики. В первую половину ночи они отыскали промежутки в обороне, проникли в глубину оборонительного рубежа, вскрыли основную часть районов огневых позиций артиллерии.

Противник не ожидал, что наступающие проявят дерзость, в кромешной темноте проникнут в их оборону и нанесут удары по флангам и с тыла. К утру наши части завязали уличные бои. Враг был скован с фронта, он не мог маневрировать и вынужден был вести бой на широком фронте.

Тем же способом захватили мы и второй город. Цели были достигнуты с самыми малыми потерями и без серьезных разрушений.

В последних числах ноября дивизия получила задачу на форсирование Дуная южнее Будапешта. Замыслом командующего 46-й армией предусматривалось после форсирования направить основные силы в обход Будапешта с юго-запада. 37-й корпус,

действующий в составе главной группировки армии, планировалось направить на создание внутреннего фронта окружения будапештской группировки врага. 108-я дивизия, входившая в состав 37-го корпуса, действовала в его первом эшелоне. Штаб подсчитал: наличными плавсредствами можно переправить полки первого эшелона за четыре рейса. Каждый рейс займет два часа. За ночь будут переброшены два полка, а утром можно начать переправу артиллерийского полка и противотанкового дивизиона. Полк второго эшелона переправится на следующий день по наплавному мосту, который обещали навести армейские саперы. На берегу уже не пришлось собирать плоты — саперные части армии доставили лодки, паромы, баркасы заводского изготовления. По нескольку раз в сутки измеряли скорость течения и ширину реки. В верховьях прошли дожди, и река разлилась, набрала скорость. Противник был насторожен, на внезапность форсирования не приходилось рассчитывать.

Мы с командиром дивизии долго всматривались в слегка приподнятый далекий берег: что за противник, как поведет себя, какая создана там оборона? На картах штаба к исходу дня появлялись новые участки траншей, огневые точки противника. Данные об обороне врага всегда наращивались постепенно. Учитывали прошлый опыт. При наличии широкой реки обычно противник оставлял на переднем крае часть сил, которые занимали оборону на широком фронте, а в глубине размещал подвижные резервы, способные в короткие сроки выдвинуться на угрожаемое направление. Только быстрый бросок через реку мог облегчить решение задачи.

Форсирование Дуная планировалось на широком фронте тремя дивизиями. Наша 108-я должна была действовать в центре. Даже если бы противник сумел отразить атаки на одном участке, то все равно наши части могли захватить плацдарм на другом. К тому же бросок через реку совершался глубокой ночью, в кромешной темноте, когда трудно определить группировку десанта.

Вдвоем с полковником Дунаевым перебрали возможные варианты решения. Наибольшее беспокойство приносил выбор участка форсирования для 311-го полка. Попадал в него город Эрчи, расположенный на самом берегу. Городок небольшой, в нем около 10 тысяч жителей, но, по данным разведки, многие дома подготовлены для обороны. Пытались исключить его, направить полк в обход города, но не получалось: справа, вплотную к окраине его, форсировали реку части 99 сд, слева — на середине реки выступала над водой узким длинным клином песчаная

отмель. Предстояло направлять полк на город, чего в нашей практике еще не встречалось. Но и противник вряд ли мог предполагать такой рискованный шаг с нашей стороны.

После того как штабы полков завершили разработку такого важного документа, как таблица переправы, и представили его в штаб дивизии, мы, прежде чем составить сводную таблицу, заново пересчитали данные. Кое-где, обнаружив просчеты штаба полка, внесли необходимые исправления. Такой порядок не ущемлял штабы полков, давал им инициативу в решении вопросов форсирования, в то же время позволял осуществлять строгий контроль.

При отработке документов я невольно обращал внимание на таблицу, показывающую превосходство наших сил и средств над противником. Оно было крайне скромным, особенно если сравнивать с боями, проведенными на Кавказе, Днепре, под Яссами. За счет чего дивизия наращивала мощь ударов? Каждый бой обжигал характеры воинов, командиров и офицеров штабов, закалял их мужество, вырабатывал и совершенствовал мастерство в организации и ведении боя. За их плечами остались тысячи километров с боями пройденных дорог, позади были Днепр, Южный Буг, Днестр, Тиса и множество небольших водных рубежей, форсированных с ходу на подручных средствах. Теперь гвардейцам была по плечу задача любой сложности.

В первом эшелоне действовали у нас 305-й и 311-й полки. Начальники штабов полков подполковник П. А. Кондрашев и майор И. Ф. Тарханов, их помощники майоры И. П. Круглов и П. А. Руденко в деталях отрабатывали вопросы форсирования с командирами батальонов, адъютантами старшими, командирами рот. Десятки вопросов цеплялись друг за друга: кому и когда выдвигаться к причалам, где подготовить щели на случай сильного обстрела противником берега, кто и на какие средства грузится, где размещается оружие, кто старший и кто комиссар лодки?

Начальники связи полков капитаны М. П. Масленников и М. В. Ефимов были заняты подготовкой средств и организацией связи. Для них давно стало аксиомой: рядом с первым бойцом, высадившимся на плацдарм, должен быть связист.

Основной объем работы пришелся на операторов. Начальник отделения подполковник Н. В. Попов с капитаном П. М. Фесуненко взяли на себя разработку плановой таблицы переправы и согласование вопросов планирования в полках и с соседями. Майор Ф. П. Шаченко занимался организацией переправы спецподразделений и пунктов управления дивизии. Ему предстояло спланировать, кого, когда и на чем переправлять,

при этом без ущерба и снижения темпа форсирования.

Федор Петрович уже давно зарекомендовал себя опытным офицером штаба. Вопросы он решал обстоятельно, вдумчиво, с глубоким знанием дела.

Организация комендантской службы возлагалась на помощника начальника оперативного отделения капитана А. К. Бабича. Ему нужно было не только спланировать эту работу, но и подготовить за два дня личный состав наряда к выполнению им обязанностей по поддержанию строжайшего порядка на подходе к реке, переправах и на участках высадки. Нельзя было упускать и переправу частей по мосту, который планировалось навести на следующий день. Другие виды обеспечения разрабатывал один из опытных операторов майор Н. В. Варламов.

По мере завершения своей работы офицеры штаба направлялись в части для оказания помощи и осуществления контроля за выполнением намеченных мероприятий.

Согласованно решали мы вопросы организации работы управления и с начальником политотдела подполковником Л. П. Вахрушевым. Ни одно серьезное дело не обходилось без него. Работал он без спешки, но оперативно. Леонид Петрович много времени проводил в подразделениях, вникал во все детали боевой жизни. Он считал, что снизу яснее просматривались упущения и промахи и в то же время быстрее можно было найти пути их устранения. При всей своей занятости он находил возможность поговорить с человеком, выяснить его нужды и пожелания. Рядом со строгостью у него была чуткость, забота о человеке, способность прислушиваться к дельным советам подчиненных.

Когда в один из дней подготовки к форсированию я зашел к нему, он беседовал с парторгами рот. Это был подготовленный резерв, сержанты и красноармейцы, показавшие себя с лучшей стороны в предыдущих боях, — авторитетные и бесстрашные коммунисты. Теперь им предстояло делать свои первые шаги в повой нелегкой должности в сложных условиях форсирования и боя на плацдарме.

Я остался, чтобы послушать простые, ясные, наполненные теплом и заботой слова начальника политотдела. Он беседовал с коммунистами, как с особенно близкими ему людьми. По-разному можно расположить собеседников и включить их в разговор. Леонид Петрович объемную и важную тему как бы расчленил на небольшие порции, отделив каждую из них четким вопросом. Он не ждал от своих собеседников ответа на каждый, но давал им время подумать. Сам же отвечал коротко и ясно.

Вопросы текли взаимосвязанно, один за другим. Главным в них было: с чем встретятся парторги в бою и как им действовать в

этих условиях? Л. П. Вахрушев рисовал разные ситуации. Брал только самые сложные и трудные, можно сказать, переломные, требующие самостоятельных решений и действий.

Как поступить парторгу, если вышел из строя командир взвода или роты во время переправы? Как вести себя, если противник открыл огонь по переправочным средствам? Как лучше действовать ночью? Где место парторга на плацдарме? На каждый вопрос он давал четкий ответ. В конце беседы попросил, чтобы они заглянули к нему на плацдарме, поделились своим опытом, рассказали о трудностях в работе. Леонид Петрович не заверял их, что они невредимыми пройдут через огонь, но, сказав, что он надеется на встречу с ними на плацдарме, уже вселял веру в успех предстоящего боя.

Когда парторги ушли в полки, он не удержался, похвалил их:

— Замечательные гвардейцы. Такие всегда впереди. Они куют победу. Главное оружие — личный пример.

Разговор зашел о проведенных в ротах разборах действий воинов в минувших боях. Леонид Петрович на некоторых из них побывал. Вывод сделал один: польза от них большая. Однако он заметил, что, к сожалению, командиры ряда рот больше ругали, меньше хвалили, чаще видели плохое, реже — хорошее. Видимо, не все офицеры умели объективно подойти к оценке действий своих подчиненных и неохотно брали грехи на себя.

— На плацдарме, когда появится окно в боях, придется поправить ход этих разборов. Они полезны, — снова подтвердил Вахрушев.

Перед выполнением большой задачи у штаба и политотдела немало общих забот. Все их надо решать.

Вместе с Вахрушевым расставили людей. Важно не дублировать одни и те же мероприятия и в то же время действовать согласованно, по одному плану.

В самый разгар подготовки к форсированию прибыл на должность командующего артиллерией дивизии подполковник П. А. Коннов. Ни с кем из должностных лиц управления не приходилось начальнику штаба работать так много, как с командующим артиллерией. Вместе с ним мы находились на НП. Целый день, а иногда и ночью следили за полем боя, собирали данные, доводили распоряжения до подчиненных, помогали командиру вырабатывать решения в ходе боевых действий. Доверие, единые взгляды на обстановку всегда положительно сказывались на состоянии управления.

Трое суток заняла подготовка к форсированию Дуная. Основная часть времени пришлась на боевую учебу — практическую отработку с личным составом действий в

предстоящем бою. Подразделения тренировались в тылу на реке Чепели Дунааг. С секундомерами в руках командиры полков, батальонов, офицеры штабов выверяли расчеты времени на погрузку техники, посадку людей, переправу, выгрузку, возвращение переправочных средств к левому берегу. Мы настойчиво искали пути для сокращения сроков форсирования. Они складывались из сэкономленных минут.

Большая и трудная работа командиров и штабов по организации ночного броска через широкую реку была завершена днем 4 декабря, и я направился в один из батальонов 305-го полка.

Вместе со мной был и подполковник А. Я. Ермоленко. Подошли к солдатам, разговорились.

— Дунай — широкий, глубокий и холодный, — по-домашнему заговорил А. Я. Ермоленко. — Такую речушку нам один раз уже приходилось преодолевать. Будет тяжело, особенно вам, дорогие друзья. Вы первые прокладываете дорогу, за вами пойдут другие.

Это душевный разговор с близкими, в нем переплетались добрые советы, пожелания, веселые шутки, и во всем, что говорилось, чувствовались большая забота старшего о судьбе каждого воина и твердая вера в то, что поставленная задача по плечу гвардейцам. Такая направленность беседы удачно соответствовала душевному настрою солдат перед большим испытанием, которое предстояло им выдержать.

Мудрость приходит с годами, вместе с боевым опытом.

Ермоленко, воспитывая молодых офицеров, нередко напоминал им, что важно вовремя принять правильное решение, но еще важнее подготовить бойцов к схватке с врагом, вдохнуть в них уверенность в победу. Я вслушивался в его простые слова о том, как нужно садиться в лодки, как следует грести, как действовать в случае, если противник откроет огонь. Об этом уже говорили другие офицеры, все это десятки раз отработано в ходе тренировочных занятий. Командир же полка не поучал, а делился с подчиненными, как с хорошими мастерами своего дела, некоторыми профессиональными секретами, которые всегда есть у опытного начальника.

— На Днепре под Гавриловкой рота погрузилась в лодки, — негромко говорил он. — Противник произвел артиллерийский налет по берегу и реке. Конечно, страшновато в такие минуты на воде. Две лодки поплыли на огонь, а одна — не оторвалась от берега. Из девяти человек в ней трое были ранены. Среди вас — один из тех, кто был в этой лодке.

Встал сержант — невысокий, с широким лицом.

— Дело-то прошлое, скажи по-честному, люди свои, никому больше не передадут, как получилась тогда осечка?

— Побоялись. Сомнение взяло, что через огонь не проскочим, — тихо проговорил он. — Теперь осечки не будет. Рванем через огонь. Назад хода нет. Поверьте, товарищ подполковник.

— Молодец, сказал правду. Верю, что прошлое не повторится, — заключил командир полка. — А две лодки, которые смело двинулись вперед, без потерь достигли западного берега, — продолжал он. — Какая же отсюда мораль?

Даже если бы Ермоленко и не сказал о морали, то и без этого каждому было понятно, что в любых условиях нужно двигаться только вперед, другого решения на реке не могло быть. Воодушевлять воинов на подвиг — это большое и трудное искусство. Не каждый сможет по-деловому, без нравоучений и надоедливых призывов, с глубоким уважением к личности воина и признанием его мастерства вдохнуть бодрящую силу, заставить смелее смотреть на грозную реку, которую предстояло им форсировать.

К вечеру густой туман повис над рекой, наползли тучи и видимость совсем пропала. В пяти шагах ничего нельзя было различить. Противник постреливал. Наша артиллерия молчала.

Передовые подразделения выдвинулись к берегу. Все офицеры штаба разошлись по ротам. Они подбадривали гвардейцев, поясняя, что сотни орудий ждут команды на открытие уничтожающего огня по врагу. Ротам же необходимо быстрее преодолеть реку, а затем, зацепившись за берег, стремительно продвигаться, не оглядываясь назад и не беспокоясь за отставание соседей. А если сосед опередит, то постараться выскочить на его уровень.

Я смотрел на суровых, молчаливых воинов. Как всегда, перед большим и трудным делом они ушли, не показывая своих чувств и переживаний. Я присел к насыпи, закурил. Вода тихо плескалась о берег. Рядом стояли две лодки, небольшие, просмоленные, готовые к спуску на воду. Солдаты подвинулись ближе. Заговорили о лодках. Из детства я вспомнил переправу через Волхов. Большой неуклюжий баркас, скрипучие уключины. Бывало, вкладываешь все силы, а он ползет медленно, как черепаха.

— У нас на Волге, — поддержал разговор сапер, — лодки делают небольшие, устойчивые и легкие на плаву. Они скользят по воде.

Разговор потек неторопливо, о мелочах, не имеющих никакого отношения к форсированию. Я думал: пусть воины эти

минуты побудут со своими воспоминаниями, среди близких им людей, расскажут, как рыбачили, каких щук привозили домой…

Вечером, за три часа до начала форсирования, комдив серьезно заболел. На листке написал: «Оставляю за себя начальника штаба». Болезнь на него обрушивалась внезапно, а скорее всего, терпел до последней минуты, пока она не сбила с ног. Врачи уже знали, чем нужно натирать и разогревать больное плечо. Я пожелал ему скорейшего выздоровления. Больной человек должен лечиться.

П. А. Коннов заверил, что выдержим, не то, мол, переживали. Пока мы с ним ничего вместе не переживали — это же его первый бой в нашей дивизии в должности командующего артиллерией. Он старше меня, опытнее, сдержан, более рассудителен. Стало легче. Оба смотрели в темноту, на тот берег, на редкие вспышки выстрелов. Холодный ветер взбивал легкую зыбь на реке. Не похож декабрь на зимний месяц. В этих краях все не так, как у нас на Родине.

В 22 часа разведчики и группы заграждений заняли места в лодках. В эти группы были отобраны самые лучшие, смелые. Они много раз испытаны огнем. Здесь нет новичков. Среди первых двенадцати человек младший лейтенант И. А. Бабанин, сержанты Н. Гулимов, В. Разумов, М. Немчинов.

Тихо поплыли от берега лодки. Я шепнул:

— Счастливого пути!

Потянулись долгие минуты ожидания.

Только через сорок минут — долгожданный сигнал: «Высадились, приступили к работе!» Его передал Николай Гулимов. Тот берег стал намного ближе. Задача этих групп — подготовить места для высадки десанта, разминировать причалы и проделать проходы в инженерных заграждениях.

— Не медведем, а кошкой подбираться к обороне врага, — наставлял заместитель командира дивизии подполковник Н. П. Никитин, тренируя подразделения на Чепели Дунааг.

Он был строг и требователен, любил порядок и четкую организованность во всех делах, особенно когда предстояло решать сложную боевую задачу.

Вечером на второй день стало известно, что Николай Гулимов в эту ночь был несколько раз ранен, мог лежать только на животе и работать одной правой рукой. Однако он не оставил радиостанцию и продолжал передавать на левый берег данные об обстановке. Гулимов истекал кровью, слабел голос, в глазах появлялись радужные отсветы, с трудом распознавал цифры на панели рации. Он передавал данные, пока жизнь не покинула его.

Николай навсегда остался в нашей памяти — мужественный

радист, человек высокого долга. На войне не только тот герой, кто с риском для жизни уничтожил огневую точку, первым ворвался в оборону врага, в одиночку схватился врукопашную с набросившимися на него фашистами, кто сжег танк, самолет, штурмовое орудие, но и тот, кто мужественно выдержал страшные боли, не покинул своего поста и остался верен своему воинскому долгу.

Почти одновременно с Гулимовым о начале работ групп разграждения донес радист 311-го полка. Это был сержант С. Т. Огонян. О его подвиге узнали не сразу. Противник провел контратаку. Огонян вместе со всеми стал отражать ее. Осколком снаряда ему раздробило ногу. Враг наседал. Превозмогая боль, он руками отрыл в окопе яму и спрятал в нее радиостанцию. Солдаты нашли его через 11 часов без сознания.

Штабы фиксировали для истории только самую суть подвига. Не забуду реляцию на сержанта Д. Я. Остапенко на звание Героя Советского Союза: «7.11.42 в боях под Новой Санибой Остапенко командовал расчетом ПТР. Лично уничтожил 13 вражеских танков, бился до последнего патрона и погиб смертью храбрых»[14]. Что же еще писать. 13 танков поразил из бронебойки. Добавлю: представление должно было быть немного короче, воин остался в живых.

Первые подразделения захватили два маленьких клочка земли, обосновались в отбитых у врага окопах. Без шума не получилось. Но слишком медленно и осторожно действовал враг, услышав на двух участках стрельбу и взрывы. За полчаса он не принял решительных мер. Скорее всего, не понял, что эти короткие вспышки огня означали начало большой бури.

В 23 часа от берега отплыли первые четыре роты во главе с заместителями командиров батальонов капитанами И. Р. Якименко и Я. А. Анисимовым. Почти следом за ними двинулись оперативные группы управления полков, возглавляемые помощниками начальников штабов майорами П. А. Руденко и И. П. Кругловым. Есть такие люди, которых направляют туда, где трудно, ибо командиры знают, что они сумеют справиться со своими сложными обязанностями.

За первым эшелоном поплыли основные силы.

Подошел начальник штаба подполковник П. Е. Кондрашев. Все распоряжения отданы. Рядом стоял баркас с мотором, на котором в скором времени должен был отчаливать основной состав штаба полка. Прошло 18 минут. Стрельба вспыхнула сразу же по всему фронту. Застрекотали пулеметы. Ночь осветилась вспышками выстрелов. Задрожала земля на острове от взрывов снарядов. Над рекой легла разноцветная сетка трассирующих

пуль. Противник обнаружил на воде наши переправочные средства. На проверку огнем встали воля и мужество воинов. Добраться до берега! Не сворачивать в сторону!

Вся артиллерия одновременно ударила по берегу. Включилась в стрельбу артиллерия соседей. Темп стрельбы нарастал. Сплошное языкастое пламя бушевало на нашем берегу.

Кондрашев пожал руку: трогаюсь. Из-за гула артиллерии трудно разобрать слова. Но ясно, что он доволен огневым налетом. Два снаряда легли вблизи баркаса, обрушив на него высокий столб воды.

П. А. Коннов дернул меня за рукав, указывая на окоп. Противник мог повторить налет на этих установках. Предвидение опытного артиллериста оправдалось: огонь не менее двух дивизионов обрушился на берег. Взлетели доски от лодки, около которой мы с ним стояли минуту назад. Огонь отсекал дорогу для наших подразделений, выдвигающихся к переправе.

Заговорил плацдарм. Слышимость хорошая, вроде совсем рядом сидел собеседник. На плацдарме — связисты.

— Мы — здесь. Противник бьет через наши головы. Пехота зацепилась за берег. Подходят лодки и паромы. Плацдарм растет, — на одном дыхании сообщал командир батальона связи капитан Г. Я. Ямушев.

Командир корпуса обрадовался, когда его соединили с плацдармом.

— Ты же герой, — радостно восклицал генерал Ф. С. Колчук, разговаривая с Ямушевым.

Бодро звенел голос Григория Яковлевича Ямушева:

— Здесь все готово для встречи. Плацдарм захвачен. Смелее переправляйтесь, — затем: — Поднимаю связистов — надо уходить от берега. Огонь противника не ослабевает.

Около года Ямушев возглавлял батальон связи. Командир он деловой, строгий, беспокойный. Такой не растеряется, какая бы трудная обстановка ни сложилась, не попятится назад, какие бы силы врага ни атаковали, и будет настойчиво выполнять поставленную задачу, показывая пример выдержки и бесстрашия.

Рядом с ним мужественно действовал помощник командира взвода связи старший сержант И. А. Щипакин. Когда провод был перебит и течение его унесло, он снова переправился через реку и навел новую линию. При подходе к правому берегу лодка была пробита осколком снаряда, а провод намотался на винт катера. Щипакин бросился в воду, размотал кабель и дотянул линию до берега.

Вместе с передовыми батальонами на том берегу также были связисты. Много сноровки и отваги проявляли они, чтобы

своевременно установить связь. Еще при форсировании Чепели Дунааг отличились связисты одного из батальонов 308-го полка, где начальником связи был старший лейтенант Г. И. Бондарик. Линия, наведенная ими через реку, стала основной артерией связи и для штаба дивизии. Смело действовали связисты на плацдарме. В. Т. Копалейшвили, будучи раненным, не ушел в медпункт, пока не дотянул нитку связи до командира подразделения. До 20 порывов устранили за день на плацдарме связисты М. В. Филиппов, А. Г. Мешков, Б. С. Боянюк.

Никогда так не нужна связь с противоположным берегом, как при форсировании ночью. Связь — это прожектора, которые высвечивали объекты для прицельной стрельбы артиллерии, освещали рубежи и действия атакующих подразделений. Связь воспроизводила все перипетии боевых действий. Вот почему так дороги были первые связисты на плацдарме.

Одновременно со связистами на плацдарме обосновался передовой НП артиллеристов, возглавляемый помощником начальника штаба артиллерии капитаном Н. Е. Левченко. Вместе с ним были командир дивизиона 245-го артполка капитан Н. В. Поддубный, командир взвода управления лейтенант К. Старостин. Выявленные огневые точки противника стали более эффективно поражаться огнем артиллерии.

Лодки и паромы подходили к берегу на широком фронте. Успех решала скорость: с лодок — в бой, ни минуты задержки на песчаной кромке берега. С самой лучшей стороны показали себя старшие и комиссары лодок. Они смело бросались в атаку, увлекая вперед товарищей.

Более сложные условия для форсирования, как и считалось при планировании, оказались в 311-м полку. Его подразделения штурмовали город. Одной из первых на берегу была рота лейтенанта Г. И. Папуашвили. Быстро выскакивали воины из лодок. Впереди с высокого берега почти в упор ударил пулемет. Бил длинными очередями, поливая свинцом весь участок берега, где высаживалась рота. Атака могла захлебнуться. Кому-то надо было сделать решительный бросок и уничтожить пулемет врага.

Папуашвили оказался ближе к огневой точке. Он стремительно метнулся вперед, гранатой поразил пулеметный расчет. Рота продолжала атаку. Через полчаса командир роты уничтожил еще один пулемет врага, фашисты были смяты, и наши подразделения захватили первые дома на окраине города. Но с ними не было мужественного командира: вражеская пуля оборвала его жизнь.

Вслед за третьим батальоном высадились на городские пристани и причалы гвардейцы первого батальона. С каждым

рейсом все больше сил прибывало на плацдарм, но вместе с тем уменьшалось количество переправочных средств, возвращавшихся обратно к левому берегу.

Дивизионный инженер подполковник Н. Ф. Фетисов, казалось, все учел, даже оставил небольшой резерв. В расчет он брал вариант, когда после рейса выходят из строя каждая пятая лодка и четвертый паром. Но противник внес серьезные поправки, и к левому берегу возвращалось меньше плавсредств, чем ожидалось. Вдоль насыпи скопилось немало гвардейцев и техники в ожидании переправы. Требовалось на ходу вносить коррективы в распределение переправочных средств и в очередность переброски подразделений на другой берег. Все эти вопросы оперативно решал заместитель командира полка вместе с офицерами штаба.

Противник обстреливал остров из тяжелых орудий, несколько раз разрушал причалы. Но вот на том берегу к выстрелам наших противотанковых орудий прибавились залпы дивизионных пушек. Четвертая батарея 245-го артполка, которой командовал старший лейтенант Д. И. Карманов, заняла огневые позиции. За ней готовились к отплытию другие. Плацдарм набирал силу.

Командир корпуса был доволен успехами, но требовал действовать энергичнее, чтобы за ночь полки как можно дальше продвинулись по берегу. Не выдержал и командир дивизии, позвонил, узнал о ходе форсирования.

Армейские саперы развернули подготовку к наведению мостовой переправы. По ней без задержки потекут силы и средства на плацдарм.

Части упорно вгрызались в оборону. Враг проводил одну контратаку за другой. Обычно в них участвовало до батальона пехоты с танками. Противник явно не знал наши силы и ставил перед своими войсками невыполнимую задачу. Плацдарм неотвратимо расширялся. Переломить ход событий и тем более сбросить нас с плацдарма фашисты уже не могли. На правом берегу расположились штабы полков первого эшелона. До рассвета перебрался ближе к частям и основной состав штаба дивизии.

Сколько раз приходилось убеждаться в простой истине: где тяжелее и опаснее — там коммунисты. Как будто ничем не выделялись они среди других, но были они людьми высокого долга.

Но тут хотелось бы сказать еще об одном. Парторг третьей роты 305-го полка старший сержант П. С. Ковалев формально был единственным коммунистом в роте. Но так ли это? В кармане гимнастерки младшего сержанта бронебойщика из этой роты Н.

Дзюбы лежала короткая записка: «В случае если погибну, прошу считать меня коммунистом. В бою буду находиться на самом трудном и опасном участке». На плацдарме Дзюба сражался по-богатырски, уничтожил из ПТР 2 пулемета и расчет орудия.

Таких, как Дзюба, в роте — добрая половина. Они не успели перед форсированием оформить вступление в партию, а душой, своими помыслами были с ней вместе. Разве их можно считать беспартийными? Они так же отважно дрались на плацдарме, как и сам парторг. А когда появилась возможность, подали заявления и были приняты в ряды ВКП(б).

Успех в бою во многом зависел от непрерывного управления подразделениями. Стало хорошей традицией, не ожидая приказа старшего, брать на себя обязанности командира, если тот ранен. Погиб лейтенант Г. И. Папуашвили, в командование ротой сразу же вступил командир взвода лейтенант С. Т. Мирошниченко. С особой силой прозвучал его взволнованный призыв:

— Отомстим за смерть нашего командира!

Противник не выдержал натиска роты и вынужден был оставить занимаемые позиции.

Отважно действовал на плацдарме адъютант старший второго батальона 311-го полка капитан К. А. Викулов. Лодка, на которой он плыл, удачно проскочила стену огня, вставшую на ее пути. Он первый с автоматом в руках бросился на врага, увлекая за собой воинов. В бою Викулов всегда находился на самом горячем участке. Вместе с ротой в одной цепи шел в атаку, если случалась заминка, выходил вперед, зная, что за ним поднимутся другие. В самый тяжелый день на плацдарме — 5 декабря — получили ранения мужественные офицеры, близкие друзья, с которыми он прошел большой путь войны — заместители командира батальона капитан Я. А. Анисимов и старший лейтенант И. Ф. Нестеров. (Обоим им посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.) Капитон Александрович был рядом с ними и действовал так же отважно. Через день погиб и он, человек исключительной скромности и бесстрашия. Его заменил капитан С. Г. Темиров, кабардинец; к этому времени он уже был пять раз ранен…

Объем работы штаба в такой обстановке наращивался. Часть офицеров обеспечивала переправу войск, другая была занята на плацдарме. Успешно справлялись со своими задачами на переправе начальник топослужбы капитан А. С. Борисов, офицер строевого отделения капитан М. В. Поляков, а также начальник химической службы майор М. И. Тяжких. Они вместе с офицерами политотдела капитанами М. И. Смирновым и А. А. Коркиным обеспечивали поддержание должного порядка во время

переправы. От их решительных действий во многом зависела высокая организованность в ходе форсирования.

Основной состав штаба уже переключился на обеспечение управления войсками на плацдарме. Начальник разведки капитан Л. В. Кондратьев допросил пленных, обобщил данные, поступившие от разведки. Более сильную группировку противник создал против 311-го и правофланговых подразделений 305-го полков, пытаясь удержать Эрчи и железнодорожную станцию. Здесь было сосредоточено до двух полков пехоты с тапками, которые, цепляясь за подготовленные позиции и укрепленные дома, Оказывали отчаянное сопротивление. Если в первые часы фашистское командование бросало против нас каждый раз не более батальона с танками, то с рассветом отказалось от мелких контратак. Пленные подтверждали, что в скором времени сюда подойдут резервы с целью нанесения удара и ликвидации нашего плацдарма.

Операторы выдвинулись в полки первого эшелона, чтобы на месте уточнить положение и состояние подразделений после ночного боя. Все офицеры штаба работали с полной нагрузкой. Обстановка взломала перегородки, воздвигнутые между отделениями и службами. Принцип взаимозаменяемости, который был положен за последнее время в основу подготовки офицеров штаба, себя оправдал.

Днем вернулся и приступил к работе командир дивизии. Штабу стало намного легче.

Много сделали для обеспечения успеха форсирования и захвата плацдарма политработники. Вместе с бойцами, в одной цепи шли они в атаку, сами били врага, видели тех, кто воевал рядом. Сведения об отличившихся воинах они доводили до всех через агитаторов, комсоргов, парторгов, через боевые листки. Короткие призывы, горячее слово одобрения и похвала — все это сказывалось на боевом настрое личного состава. На самых опасных участках, там, где решалась судьба боя, мужественно действовали офицеры политотдела Э. Ф. Герасимюк, М. И. Збарский, Н. С. Горбунов, М. Г. Романов. Они были на плацдарме с первыми подразделениями. Среди погибших геройской смертью при форсировании и бое на плацдарме были четыре парторга батальона, а их всего в стрелковых полках девять. В этих трудных условиях все важнейшие работы выполнялись совместно офицерами штаба и политотдела.

За четыре дня дивизия продвинулась от реки на 7 км. Противник продолжал контратаки силами вновь подошедшего соединения, но все они успешно отражались. С юга подоспели дивизии 3-го Украинского, и плацдарм слился с полосой фронта.

Видимо, сказалось напряжение последних дней. Ночью я свалился. Будто захлопнулась над головой крышка. Даже звонок телефона не произвел нужного воздействия, а он обычно встряхивал лучше всякого будильника. Если кто станет рисовать на полотне начальника штаба, то, пожалуй, самой характерной его принадлежностью, с которой ему нельзя расставаться, являлась не карта, а телефонная трубка. Часто приходилось докладывать обстановку, не пользуясь картой. В памяти была вся местность в полосе боевых действий дивизии, особенно когда части продвигались медленно. Тогда каждый бугорок и овражек, не говоря уже о населенных пунктах, высотах и рощах, становились хорошо знакомы.

Связист прибежал в комнату, с трудом растолкал меня. Начальник штаба армии требовал данные о состоянии дивизии. Я выехал на доклад и вечером, возвращаясь назад, задержался около переправы. Сплошным потоком шли по наплавному мосту машины, орудия, повозки.

Когда завершалось выполнение поставленной задачи, всегда появлялось желание узнать, какова же оценка действий войск и штабов. Лучше всего качество управления войсками можно было увидеть в маленьких табличках, которые штаб готовил за каждую пятидневку. По сравнению с боями по прорыву Голубой линии, оборонительных рубежей на Молочной и Днепре потери были намного меньше. Река покорилась смелым. 17 Героев Советского Союза прибавилось в дивизии. Когда стих вражеский огонь, полыхавший над водой и по берегам, Дунай уже не казался грозным и неприступным великаном, он стал похожим на обычную широкую реку с настывшей водой.

26 декабря 1944 года с выходом войск 46-й армии к западной окраине венгерской столицы сомкнулось внутреннее кольцо, наглухо замкнувшее будапештскую группировку противника. Дивизия, действуя в составе 37-го стрелкового корпуса, в этот день рано утром с ходу ворвалась с запада в городские кварталы Буды.

Для захвата укрепленных домов нужна была своя тактика не только для подразделений, но и для каждого воина, орудийного расчета. Штабы вместе с начальниками родов войск и служб сформировали штурмовые группы. В их состав включались стрелки, саперы, а также огневые средства. Дивизия уже имела опыт создания штурмовых групп. Они появлялись не только при бое в городе, но и когда возникали трудные условия в ходе прорыва сильно укрепленных оборонительных полос противника.

Ядро штурмовой группы составляла стрелковая рота.

Наиболее сложным оставался вопрос, какие огневые средства включать в ее состав. Раньше ограничивались включением противотанковых орудий и 82-мм минометов. Резон был: не утяжелять группу, сохранить ее высокую маневренность, а главное — управляемость. Ведь у командира роты никаких технических средств для управления не было, только посыльные и свой голос. Не мог он, собрав вместе командиров приданных ему огневых средств, двигаться где-то позади, не видя своими глазами, как развертываются события на поле боя.

Артиллеристы стояли за прежний, опробованный раньше вариант: выделять минимальное количество огневых средств в группу. Они уверяли, что командир роты окажется неспособным управлять огнем артиллерии, и придется артиллеристам самим искать себе в бою работу.

Штаб стоял на том, чтобы создать мощные штурмовые группы, которые могли бы самостоятельно вести бой по захвату укрепленных домов и кварталов. Если же оставить артиллерию вне штурмовых групп, то она окажется не в состоянии эффективно поддержать их действия, и тогда вся тяжесть боя придется на стрелков. Если в полевых условиях мы стремились централизовать управления артиллерией, чтобы массировать ее огонь на подавлении важнейших объектов, то в городе оправдало себя использование ее повзводно и даже поорудийно.

Командир дивизии согласился с доводами штаба. Впервые в нашей практике в состав штурмовых групп были включены помимо 82-мм минометов и 45-мм орудий по два орудия 76-мм дивизионной или полковой артиллерии, две 122-мм гаубицы, два самоходных орудия из приданного 1505-го самоходно-артиллерийского полка, два — четыре огнемета. В таком составе штурмовые группы могли успешно решать свои задачи.

Командирами групп были назначены офицеры, имеющие большой боевой опыт, прошедшие суровую школу форсирования Дуная. Среди них отличались смелостью и находчивостью капитан П. С. Ермаков, старшие лейтенанты Г. Д. Никитин, С. Н. Раскин, С. Т. Мирошниченко.

Нельзя было рассчитывать, что командиры недавно сформированных штурмовых групп сами, путем проб и ошибок, отыщут лучшие способы управления силами и средствами, поступившими в их распоряжение, обеспечат эффективное использование огневых средств. Но и штаб не располагал готовыми рекомендациями. Поэтому в первый же день наступления были направлены в каждую из штурмовых групп представители штабов дивизии и полков, штаба артиллерии и специалисты других родов войск. Им предстояло на месте

изучить, как лучше организовать в условиях городского боя приданную артиллерию.

К вечеру штаб дивизии обобщил выводы и предложения офицеров и на их основе выработал рекомендации. Было признано целесообразным иметь в каждой группе офицера-артиллериста, отвечающего за использование и действия приданных орудий. Через него командир группы мог более эффективно управлять огнем артиллерии. Учитывая своеобразие боя за укрепленные дома, предлагалось смелее продвигать вперед артиллерию, вести огонь только прямой наводкой, по видимым целям. При необходимости выделять стрелков для прикрытия орудий и оказания помощи расчетам в быстром выдвижении их на новые огневые позиции.

Давались рекомендации по тактике действия штурмовых групп по захвату домов, превращенных в сильные опорные пункты. Подчеркивалось, что в этих условиях успех зависит от быстроты маневра силами и средствами, настойчивых и смелых действий каждого воина, твердого и непрерывного управления со стороны командира группы. Вместе с тем отмечалось, что создание штурмовых групп повышает роль и ответственность командира и штаба батальона за организацию и поддержание взаимодействия при захвате укрепленных домов.

Боевая практика убеждала: мало написать хорошие рекомендации, важно добиться, чтобы они были реализованы. В течение нескольких дней офицеры штаба дивизии не ослабляли контроль за действиями штурмовых групп, пока не убедились, что все они приняли к исполнению основные рекомендации. В ходе боевых действий в городе появлялись новые, более рациональные приемы и способы в тактике действий штурмовых групп, которые дополняли и развивали разработанные штабом.

Бой в городе усложнялся тем, что противник оборудовал в кирпичных зданиях большое количество амбразур для пулеметов и орудий. Все непригодное для организации обороны взрывалось, битым кирпичом перегораживались улицы. Бои развернулись не только на земле, но и под землей. Всю систему подземных ходов предстояло вскрыть и освоить, иначе нельзя было использовать ее в интересах наступающих частей и избежать просачивания групп противника в наше расположение. Инициаторами борьбы под землей стали саперы. Они, используя подземные ходы, проникали к объектам атаки. На плане города вырастала сложная паутина подземных сооружений. Она наносилась на планы города так же тщательно, как и опорные пункты противника.

Успешное продвижение штурмовых групп во многом зависело от эффективности огня артиллерии. Полковник П. А. Коннов с

командиром 245-го артиллерийского полка подполковником А. И. Адаменко, начальниками артиллерии полков майорами Г. Ф. Гальверсиным и В. А. Араджиони опробовали разные варианты выбора и оборудования позиций. Тяжелейший труд втаскивать противотанковые пушки на вторые и третьи этажи зданий. Ничем не легче выкатывать гаубицы на перекресток улиц. Сколько надо натаскать камней, чтобы обложить позицию и обезопасить расчет от поражения пулеметным огнем.

Какой же выгоднее принять вариант, чтобы вести огонь прямой наводкой по целям, избегая разрушения зданий? Опыт и мастерство рождали новое. Мы убеждались, что артиллерии любых калибров надо быть ближе к переднему краю, а вернее, находиться на одном уровне с пехотой. Если штурмовые группы пошли вперед, то незамедлительно за ними через груды кирпича и камня, через проемы в стенах домов, пробитые снарядами, расчеты должны продвигать орудия.

Как-то поздно ночью вместе с заместителем начоперотделения майором Ф. П. Шаченко мы пошли на передний край. Артиллеристы продвигали вдоль улицы орудия. Без тягачей, на руках. На перекрестке стоял начальник штаба 245-го артполка подполковник М. И. Логашев. Михаил Иванович следил за работой расчетов. Все они действовали старательно, с полным напряжением сил. Начальник штаба был доволен, хвалил бойцов за сноровку и находчивость.

На этот раз штурмовые группы отдыхали. У окон, обращенных к противнику, лежали наблюдатели. Враг совсем близко — через неширокую улицу. Редко слышались автоматные очереди. Расчеты с помощью пехотинцев втаскивали по лестнице на лямках два 57-мм орудия на второй этаж. Отсюда можно поражать все огневые точки в противоположном доме, занятом противником.

Встретились с командиром штурмовой группы капитаном П. С. Ермаковым. Он один из тех, кто всегда искал новое, ему не нравились кем-то пробитые тропинки, опробованные приемы в решении боевой задачи. И он прав: то, что повторялось часто, не приносило успеха. Противник заблаговременно готовил ответные меры. Ермаков искал и обычно находил новое. Днем его группа захватила большой дом, приспособленный к обороне. В группе у него 16 человек, а гарнизон противника насчитывал 85 фашистов с 10 пулеметами.

Ф. П. Шаченко поинтересовался, как удалось выполнить задачу.

— Взяли на испуг, — пояснил Ермаков. — Два сапера с тыльной стороны дома, по пожарной лестнице, подняли

взрывчатку. Представляете: ночью взрыв — и часть стены рушится. Каково! Страх охватил весь гарнизон. А вдруг взлетит и вторая стена, где пробиты амбразуры? Паника в доме, а здесь наша группа с двух сторон нанесла удар. Всех схватили, ни один фашист не сумел убежать.

Теперь он снова искал изюминку, чтобы без потерь и малыми силами захватить другой укрепленный дом. Можно было верить, что Ермаков найдет ее и обеспечит выполнение задачи.

В другом доме лежали 12 изуродованных трупов воинов из батальона майора Б. С. Медоева… Группа младшего лейтенанта А. Н. Сулаева ворвалась в большой дом, где засели фашисты. Гвардейцы захватили несколько комнат. Весь день бой не прекращался ни на минуту. Но вот у группы кончились боеприпасы. Ни патронов, ни гранат. Фашисты осмелели, поняв, что группа беззащитна. Они ворвались в комнату. Воины не подняли руки, не сдались на милость захватчиков, а бросились на врага. Одним из первых погиб младший лейтенант А. Н. Сулаев. Отбивались прикладами автоматов и карабинов. Даже тяжелораненые поднялись на ноги, чтобы принять участие в рукопашной. Схватка была короткой, злой, беспощадной. Фашисты победили. Но эта победа вызвала у них не радость, а страх, и, чтобы его заглушить, они набросились на погибших и смертельно раненных воинов. Выкалывали им глаза, отрезали уши, ножами вспарывали животы, прикладами разбивали головы, на лицах и спинах вырезали звезды.

Днем в 305-м полку состоялся митинг. Над могилами своих товарищей воины поклялись бить фашистов, не щадя своей жизни…

При наступлении в городе успех нередко добывался ночными атаками небольших групп смельчаков. Первыми начали такие вылазки подразделения 305-го полка. Штаб дивизии подхватил разумную инициативу, разработал порядок проведения и обеспечения ночных атак, наметил сроки и места ударов. Ночью на широком фронте загрохотали взрывы ручных гранат, застрочили автоматы, и группы смельчаков, как кинжалы, вонзились в оборону врага. Их сила — в смелом и внезапном налете. Угроза нанесения таких ударов заставляла противника быть все время на страже, держать нервы и силы в напряжении, в готовности к внезапной схватке.

Но успех приносили не только штурмовые группы, созданные из штатных частей и подразделений дивизии и полков. Совместно с ними решали задачи приданные и поддерживающие части. От них многое зависело в достижении успеха. Чтобы согласовать их усилия с действиями штурмовых групп, мы организовали

взаимные посещения перед боем тех подразделений, с которыми им предстояло действовать. Короткие беседы с целью знакомства помогали в дальнейшем вместе сражаться с врагом, быть уверенными, что боевые друзья не подведут.

Артиллеристы, минометчики, саперы, огнеметчики рассказывали о своем оружии, боевом пути, о том, что они могли сделать в бою в интересах пехоты. От таких бесед вроде прибавлялось сил у стрелков. После боя представители штурмовых групп приходили к артиллеристам, минометчикам, саперам и высказывали им свои претензии. Все это делалось по-дружески и преследовало только одну цель — лучше организовать очередной удар по противнику.

Накал боев в городе не ослабевал. Днем и ночью не смолкал гул. Передний край часто перемещался, и каждый раз изменялась система огня противника, не выявив и не нарушив которой трудно было рассчитывать на успех.

В этих условиях намного возрастала роль разведки. Тем более что перед фронтом дивизии отмечались не только соединения и части, но и разные отряды, отдельные батальоны и группы. Начальник разведки капитан Л. В. Кондратьев вел строгий учет всех этих формирований и их боевого состава. Так было заведено в штабе давно, и эта традиция не нарушалась: врага, с которым воевали, требовалось знать обстоятельно. Каждое утро Кондратьев докладывал об изменениях, которые удалось установить за ночь в группировке и расположении противника.

Мы вместе с ним были в одном из полков. Штурмовая группа старшего лейтенанта Я. П. Никитина готовилась к захвату опорного пункта. Начальник разведки на местности растолковал командиру, как лучше действовать:

— В здание врываться выгоднее через второй подъезд, там нет охраны. Пулеметы установлены в угловых комнатах на втором этаже, а до взвода автоматчиков обнаружено на третьем. На четвертом — сквозной проход через весь дом.

Дом был захвачен почти без потерь. Успех штурмовой группы был подготовлен разведчиками.

Рано утром разведчики привели пленного офицера, холеного, в новом френче и начищенных сапогах. Разведчики по подземному ходу вышли в центр котла и там схватили его. Оказалось, что он прибыл в город из вышестоящего штаба для поднятия морального духа солдат. Он сообщил известные ему данные о положении и состоянии частей. Но долго не мог оправиться от испуга. Я напомнил ему, что фашистам придется отвечать за свои зверства, что война ими давно проиграна.

Офицер быстро подскочил, лицо побледнело, задергались губы.

— Мы солдаты. Приказали — воюем, — торопливо оправдывался он.

Я вытащил из планшета фотоснимки, сделанные нашим фотографом в комнате, где лежали 12 воинов 305-го полка, изуродованные фашистами. Он долго рассматривал карточки. Вдруг подскочил со стула, вытянул руки по швам и, коверкая русский язык, стал выкрикивать:

— Гитлер капут! Долой войну! Смерть фашистам! Да здравствуют коммунисты!

Смеялись мы от всей души. Отчего не закричал он этих слов там, в котле? Почему же только в плену полюбил коммунистов?

Очень метко сказал о фашистах отважный разведчик К. Н. Приказчиков: «Без автоматов они страшно пугливы». Но пока они держали в руках оружие — несли смерть и разрушения. До последнего шага они уродовали, жгли, взрывали ухоженную землю, убивали наших людей.

Нам трудно понять психологию этих зверей, сотворивших душегубки, фабрики для сжигания людей, находивших удовольствие в жестокости с безоружными, поставивших целью испепеление жизни и создание зон пустыни на землях, где жили народы…

Иногда разведчики захватывали не только пленных. Как-то они схватили воров, самых настоящих, которые взламывали двери домов, расположенных вблизи переднего края. Временами, когда линия фронта задерживалась на одном месте, жители заходили к себе в квартиры, брали самое необходимое и снова закрывали на замок двери. Эти трое вламывались в них и, пользуясь отсутствием хозяев, выбирали ценные вещи.

Грабителей доставили к штабу. Они стояли понурив головы. Что же с ними делать? У них свои законы. Чем беспомощнее жертва, тем легче достается добыча. Таких людей нельзя без намордников и смирительных рубашек отпускать на свободу. Мы уже были знакомы с венграми, которые формировали национальные подразделения. К ним и отправили этих проходимцев.

Вскоре из центра организации венгерской армии поступили в состав нашей дивизии две роты. Перед тем как направить их в бой, мы провели с ними занятия по боевой подготовке. Роты были укомплектованы добровольцами. На подготовку к бою им потребовалось мало времени. Рядом с нашими воинами встали венгры. Не большая беда, что разный язык и не всегда могли передать солдаты друг другу свои мысли и чувства, но они были заняты одним общим делом — били врага, и это сплачивало их.

Фашистское командование предприняло новую попытку выручить свои окруженные в городе войска. 18 января сильная танковая группировка, имевшая свыше 550 танков и штурмовых орудий, нанесла внезапный удар из района Секешфехервара. Через два дня танки противника вышли к Дунаю и повернули к Буде. Город тревожно притих. Не вызывало сомнения, что фашисты готовили встречный удар из котла.

Тылы нашей дивизии оказались в зоне боевых действий; часть из них мы спешно подтянули ближе к полкам. Снялись и ушли из дивизии все приданные артиллерийские и зенитные полки. Затихла стрельба. Штурмовые группы закрепляли достигнутые рубежи. С командиром дивизии разобрали возможные действия на случай, если танки противника прорвутся с тыла. Вывод один: важнее для наших частей сдержать удар из котла. Наш НП располагался в большом полуразрушенном особняке. Уцелевшая угловая комната вмещала также и связистов. Особняк — на высоте, в ясный день отсюда видна значительная часть города.

Бои на нашем участке продолжались. Штурмовые группы настойчиво продвигались вперед. Кольцо неотвратимо сжималось. Однако при наступлении в широкой полосе всегда имелись участки, где выставлялось прикрытие и не предпринимались активные действия. Противник сумел создать против небольших подразделений прикрытия сильную группировку и рано утром 30 января нанес удар.

Наступал сплошной поток солдат. Расчет на огонь стрелкового оружия. Горы трупов оставались в полосе их продвижения. Прямой наводкой по толпе били артиллеристы. Фанатики не могли остановиться. Ослабшая волна людей накатилась на последний рубеж огня, созданный в районе расположения командного пункта и спецподразделений дивизии. За оружие взялись все офицеры штаба, писари, ординарцы. Улица Бела-Кирай, где располагался штаб дивизии, покрылась трупами врагов.

Противник не проскочил через этот последний рубеж обороны и вынужден был снова откатиться назад. Урок ему преподали хороший. Он уже больше не пытался днем пробиваться из окружения. Теперь следовало ожидать ночных атак.

Используя успех, на плечах противника наши подразделения сумели продвинуться и захватить большой район, в котором оказался крупный госпиталь. Госпитальные здания находились в полосе наступления 308-го полка. Что делать с ранеными?

С начсандивом майором М. И. Семеновым я направился туда.

Одно здание большое, мрачное. В вестибюле стоял в грязном халате сгорбленный, старческого вида человек, он услужливо поклонился, показывая рукой на лестницу, ведущую в полуподвальный этаж. Тяжелый, неприятный запах полз навстречу. Кто-то невидимый бесшумно распахнул узкую, но высокую дверь. В полумраке на койках, столах, на полу, в проходах лежали люди, одетые в солдатское обмундирование, гражданские костюмы, раздетые, в одном нижнем белье, прикрытые шинелями, одеялами и тряпками или совсем неприкрытые. Первое, о чем невольно подумалось, все ли здесь раненые.

Пожилой человек, исхудавший, с густой грязной щетиной на бороде, прижимая руки к бедрам, доложил о количестве раненых. Один раз он назвал цифру 1007, а когда я удивился, он торопливо поправился, сообщив, что раненых 1137. Видимо, он и сам точно не знал количество своих пациентов. Его беспокоило другое: нет медикаментов, мало врачей и много тяжелораненых и больных, которые нуждались в немедленной квалифицированной врачебной помощи. Совсем неожиданно этот эскулап изрек:

— Мы находимся под охраной Красного Креста.

Об этом нам не нужно было напоминать. Помнили бы лучше о том изверги в фашистских мундирах. Наши же люди всегда человечны, тем более к раненым. М. И. Семенов остался в госпитале, чтобы определить размер помощи, которая требуется госпиталю, о чем он доложил своему начальству…

На пути дивизии оказались полицейские казармы. Здания прочные, построены на века. Здесь сбилась не одна тысяча фашистов: десятки огневых точек изрыгали огонь навстречу наступающим. Ничего не оставалось, как выкатывать на прямую наводку тяжелые орудия. Только такими снарядами можно было поражать укрытые за толстыми стенами пулеметные точки. Два полка направлялись в обход этих казарм с целью зажать в клещи всю группировку. Разведчики отыскали слабо прикрытые участки в обороне, через них они вывели полки для нанесения ударов с тыла. Штурм начался в 2 часа ночи. С фронта активно обозначали наступление подразделения 308-го полка. Удар с тыла решил исход боя. Ни один фашист не убежал из казарм. Оставшиеся в живых сдались в плен.

11 февраля части вышли к Дунаю и развернули наступление вдоль реки.

Из штаба 311-го полка майор П. А. Руденко доложил обстановку.

— Враг вот-вот начнет пробиваться из окружения, — заключил он. — Другого выхода у него нет.

Павел Андреевич никогда не спешил с выводами, но если сказал, то можно верить — к этому есть основания.

В ночь на 12 февраля густой туман опустился на город. Прибыл из полка подполковник Н. В. Попов, который был там на проверке. Всегда точный солдатский барометр показывал: быть буре. Вражескую группировку, захваченную в стальные тиски, сжали до предела. Всякий материал выдерживает сжатие определенной силы, после чего наступает взрыв. Все сходились на одном: стрелка встала на красную черту, наступило критическое состояние. Противник, скорее всего, мог пойти на безумный шаг — будет прорываться своими силами, не надеясь больше на помощь извне.

По всем телефонам офицеры штаба доводили распоряжение командира:

— Всех поставить на позиции. Привести все в готовность к бою. Немедленно.

Предстояло выставить заслон на пути врага. Поздно ночью позвонили из штаба корпуса:

— У соседа фашисты прорвались в район станции, — сообщил офицер. — Принимайте меры. 308-м полком перекройте улицу Будакеси.

Захватчики уже двинулись и в полосе дивизии. По всем улицам. Толпой. Стрельба вспыхнула на всем фронте. Город — фронт. Все взялись за оружие. На пулеметы и орудия лезли сотни и тысячи гитлеровцев. Они шли с оружием, они не хотели сдаваться. Задние напирали на передних, каждый старался быстрее проскочить город, ставший для него самым страшным и ненавистным местом. Но город не намерен был выпускать их с оружием.

По горам трупов фашисты карабкались вперед. Вскоре они появились возле штаба. Ни в коем случае не пропустить их дальше. С командиром дивизии мы заняли одно большое окно, из которого открывался широкий обзор.

Ощетинились дома. По врагу били со всех окон. Темные фигуры заметались по улицам, между зданиями. Последняя позиция опять выдержала удар. Враг не прошел. Части дивизии захватили несколько тысяч пленных.

Пленный офицер восстановил детали выхода из окружения.

— С первых минут, — пояснял он, — от огня русских нарушилась вся организация, все перепуталось. Никто не пытался наводить порядок. Офицеры, генералы, солдаты, гражданские лица перемешались, стали неуправляемой толпой. Каждый беспокоился о себе. У всех было одно желание: выскочить быстрее из города. Такой силы огня не встречал за всю войну. Со всех

сторон, везде нас ждали пулеметы.

Он несколько раз повторял, что командование потеряло рассудок, что из-за его глупости решились на прорыв и потеряли много людей на улицах города.

Один гитлеровский капитан пробился к начальнику разведки Л. В. Кондратьеву вне очереди. Ему хотелось сообщить «очень важные данные». Оказалось, что он был включен в состав личной свиты командующего будапештской группировкой и потому знал маршрут выхода ее из города. Если дадут ему, мол, группу наших солдат, то он захватит командующего и приведет его в наш штаб.

— Очень крупная личность. Русские останутся довольны мною.

Известно, что, попав в банку, пауки пожирают друг друга. Помощь этого «паука» уже не требовалась: генерал-полковник Пфеффер-Вильденбрух со своим; штабом был захвачен нашим соседом.

К 10 часам 13 февраля столица Венгрии была полностью очищена от врага. Закончилась Будапештская операция. На город опустилась тишина.

Сорок восемь суток тяжелейших боев за освобождение венгерской столицы остались позади. За мужество и отвагу, проявленные в боях за освобождение Будапешта, были награждены орденами и боевыми медалями сотни воинов. 308-й гвардейский стрелковый полк и 110-й гвардейский отдельный истребительно-противотанковый дивизион получили почетное название Будапештских.

4 апреля позади осталась Венгрия. Противник подготовил оборону по австрийской границе. Весь день 9 апреля штабы изучали систему огня и инженерные сооружения на этом рубеже.

6 мая получили приказ наступать. Все документы отрабатывались с особой тщательностью. В них мы вкладывали все мастерство и весь опыт, накопленный за долгие годы войны. Как перед большим праздником, шли хлопотливые, но приятные приготовления. По всему чувствовалось, что отработанные боевые документы окажутся последними страницами в делах штаба. В этих папках была представлена правдивая и суровая история войны, в них строгим языком боевых приказов и донесений изо дня в день писалось, что нужно сделать войскам и что они реально свершили в ходе боевых действий.

С утра 8 мая местность затянуло густым туманом. После короткого огневого налета двинулся вперед передовой отряд. Противник не выдержал удара, начал отходить. Следом за передовыми отрядами пошли в колоннах главные силы. На дорогах валялись брошенные врагом машины, орудия, пулеметы.

Грозный поток наших частей катился к рубежу встречи с союзниками.

В ночь на 9 мая штаб принял сообщение о капитуляции Германии.

«Победа! Ура-а!» — этот боевой клич мощным водопадом обрушился на поля, леса, города и деревни.

Позади было четыре года тяжелейшей битвы. Воины расправили плечи, весело оглядывая рощи, поля, облака, улыбаясь друг другу. Начиналась мирная жизнь — без грохота, взрывов, без стонов раненых, без окопов, без противника. Начиналась мирная жизнь…

notes

Примечания

1

ЦАМО, ф. 835, оп. 149354, д. 2, л. 147.

2

Там же, л. 148.

3

ЦАМО, ф. 835, оп. 535766, д. 1, л. 23.

4

ЦАМО, ф. 835, оп. 535766, д. 1, л. 108.

5

ЦАМО, ф. 835, оп. 222923, д. 2, л. 9, 10.

6

ЦАМО, ф. 835, оп. 149354, д. 2, л. 190.

7

ЦАМО, ф. 1299, оп. 1, д. 9, л. 49.

8

ЦАМО, ф. 1299, оп. 1, д. 9, л. 71.

9

ЦАМО, ф. 1229, оп. 1, д. 33, л. 24.

10

ЦАМО, ф. 1299, оп. 1, д. 66, л. 3; ф. 4794, оп. 144509, д, 5, л. 68–71.

11

ЦАМО, ф. 1299, оп. 1, д. 9, л. 176.

12

ЦАМО, ф. 1299, оп. 1, д. 9, л. 9.

13

ЦАМО, ф. 1299, оп. 1, д. 9, л. 197.

14

ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 35, л. 300.